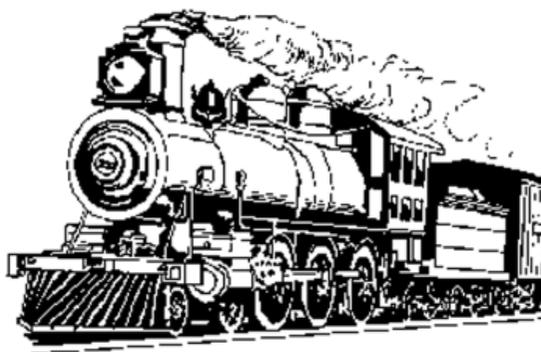

БРОНЕПОЕЗД ПОВЕДЫ

Стихотворения русских поэтов
о Великой Отечественной войне

1941–1945–2015

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
ПОЭТИЧЕСКОГО АЛЬМАНАХА-НАВИГАТОРА «ПАРОВОЗЪ»

Москва
Союз российских
писателей
2016

УДК 821
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
Б88

*Издано при финансовой поддержке
Агентства по печати и массовым коммуникациям
Министерства культуры Российской Федерации
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

*Куратор проекта С. Ф. Дмитренко
Редакционная коллегия:
С. В. Василенко (главный редактор),
В. С. Кизило, В. Н. Мисюк, В. И. Стрелец*

Б88 Бронепоезд Победы: Стихотворения русских поэтов о Великой Отечественной войне (1941–1945–2015) / автор-составитель С. Ф. Дмитренко. — М.: Союз российских писателей, 2016.— 384 с.

ISBN 978-5-901511-31-2

В антологию наряду с известными и любимыми стихотворениями военных лет включены стихотворения русских поэтов, живших в годы войны на чужбине, но вместе со своей родиной страстно желавших разгрома фашизма. Особое восприятие великой войны было у тех, кто пережил лихолетье детьми; свой образ войны создан и поэтами, родившимися после победного мая 1945 года. Стихотворения антологии — лирическое дополнение к летописи Великой Отечественной войны, как она сложилась в создании нашего народа, нашей страны.

УДК 821
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-901511-31-2

- © Авторы стихотворений и их наследники, 2016
- © С. Ф. Дмитренко, составление, предисловие, 2016
- © Союз российских писателей, 2016
- © П. В. Маркин (Ёж), обложка, рисунок, 2016
- © Екатерина Арт (Омельченко), обложка, художественное оформление, 2016
- © Л. В. Васильева, верстка, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

**СТРОКИ СКОРБИ — СТРОКИ СЛАВЫ —
СТРОКИ СОВЕСТИ (Сергей Дмитренко) — 11–14**

«ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...» — 15

- Иосиф УТКИН — 16
Евгений НЕЖИНЦЕВ — 18
Михаил ТРОИЦКИЙ — 19
Юрий ИНГЕ — 20
Джек АЛТАУЗЕН — 21
Елена ШИРМАН — 22
Сергей РУДАКОВ — 24
Владимир ЧУГУНОВ — 26
Леонид ВИЛКОМИР — 28
Борис КОСТРОВ — 29
Алексей ЛЕБЕДЕВ — 31
Юрий СЕВРУК — 33
Владислав ЗАНАДВОРОВ — 34
Валентин ШУЛЬЧЕВ — 37
Всеволод ЛОБОДА — 38
Давид КАНЕВСКИЙ — 39
Леонид ШЕРШЕР — 40
Иосиф ЛИВЕРТОВСКИЙ — 41
Николай ОВСЯННИКОВ — 42
Георгий УШКОВ — 43
Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ — 44
Георгий СУВОРОВ — 45
Евгений ПОЛЯКОВ — 47
Александр ПОДСТАНИЦКИЙ — 49
Всеволод БАГРИЦКИЙ — 51
Борис БОГАТКОВ — 52
Захар ГОРОДИССКИЙ — 54
Леонид РОЗЕНБЕРГ — 55
Виктор ЛУЗГИН — 56

«ДЫМ ВОЙНЫ, ЧТО В ДУШУ МНЕ ПРОНИК...» — 57

- Михаил ЗЕНКЕВИЧ — 58
Самуил МАРШАК — 61

Наталья КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ — 62

Анна АХМАТОВА — 64

Борис ПАСТЕРНАК — 65

Илья ЭРЕНБУРГ — 66

Георгий ИВАНОВ — 67

Родион БЕРЁЗОВ — 68

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ — 69

Георгий ОБОЛДУЕВ — 70

Алексей СУРКОВ — 73

Михаил ИСАКОВСКИЙ — 74

Анна БАРКОВА — 77

СТРАННИК — 79

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ — 80

Николай КУДАШЕВ — 82

Илья ФРЕНКЕЛЬ — 83

Дмитрий КЕДРИН — 84

Арсений ТАРКОВСКИЙ — 86

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН — 88

Елена ВЕЧТОМОВА — 89

Николай РЫЛЕНКОВ — 90

Александр ГИТОВИЧ — 91

Яков БЕЛИНСКИЙ — 92

Цезарь СОЛОДАРЬ — 93

Владимир АДМОНИ — 94

Ольга БЕРГГОЛЬЦ — 95

Александр ТВАРДОВСКИЙ — 97

Николай ГРИБАЧЁВ — 100

Игорь ВЯХИРЕВ — 101

Анатолий САФРОНОВ — 102

Александр КОВАЛЕНКОВ — 103

Вероника ТУШНОВА — 104

Александр НЕЙМИРОК — 106

Семён ЛИПКИН — 107

Лев ОШАНИН — 108

Ярослав СМЕЛЯКОВ — 109

Ян САТУНОВСКИЙ — 111

Сергей МИХАЛКОВ — 113

Александр ЯШИН — 115

Владимир ЛИВШИЦ — 116

Савелий ГРИНБЕРГ — 119

Яков ХЕЛЕМСКИЙ — 119

- Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ — 120
Павел ШУБИН — 121
Глеб ПАГИРЕВ — 123
Виктор БОКОВ — 124
Алексей НЕДОГОНОВ — 125
Иван ДЕМЬЯНОВ — 126
Вадим ШЕФНЕР — 127
Татьяна СЫРЫЩЕВА — 129
Анатолий ЧИВИЛИХИН — 130
Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ — 131
Дмитрий КОВАЛЁВ — 133
Михаил МАТУСОВСКИЙ — 134
Маргарита АЛИГЕР — 137
Константин СИМОНОВ — 138
Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА — 142
Александр СОБОЛЕВ — 143
Михаил ДУДИН — 144
Михаил ЛЬВОВ — 145
Павел БОГДАНОВ — 146
Николай ФОМИЧЁВ — 147
Глеб СЕМЁНОВ — 148
Михаил ЛУКОНИН — 149
Иван ЕЛАГИН — 150
Нина НОВОСЕЛЬНОВА — 151
Александр ВОЛОДИН — 152
Алексей ФАТЬЯНОВ — 154
Борис СЛУЦКИЙ — 156
Юрий РАЗУМОВСКИЙ — 158
Сергей НАРОВЧАТОВ — 159
Сергей АРАКЧЕЕВ — 161
Александр ЛЮКИН — 162
Алексей МАРКОВ — 163
Анисим КРОНГАУЗ — 164
Давид САМОЙЛОВ — 165
Леонид РЕШЕТНИКОВ — 167
Виктор ГОНЧАРОВ — 168
Александр КОРЕНЕВ — 169
Юрий БЕЛАШ — 170
Владимир БОБРОВ — 171
Василий СУББОТИН — 172
Анатолий КЛЕЩЕНКО — 173

Юрий ГРУНИН	— 174
Яков КОЗЛОВСКИЙ	— 176
Сергей ОРЛОВ	— 177
Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ	— 178
Семён ГУДЗЕНКО	— 180
Григорий ПОЖЕНЯН	— 182
Сергей ВИКУЛОВ	— 183
Александр МЕЖИРОВ	— 184
Эдуард АСАДОВ	— 186
Генрих РУДЯКОВ	— 187
Алексей ДАДЬЯНОВ	— 189
Николай ПАНЧЕНКО	— 190
Михаил БОРИСОВ	— 191
Булат ОКУДЖАВА	— 193
Юлия ДРУНИНА	— 195
Овидий ЛЮБОВИКОВ	— 196
Николай СТАРШИНОВ	— 197
Александр НИКОЛАЕВ	— 198
Наум КОРЖАВИН	— 199
Евгений ВИНОКУРОВ	— 200
Константин ЛЕВИН	— 202
Константин ВАНШЕНКИН	— 204
Ион ДЕГЕН	— 205
Герман ГОППЕ	— 207
Григорий КОРИН	— 209
Алексей СМОЛЬНИКОВ	— 211
Сергей БАРУЗДИН	— 212
Евдоким РУСАКОВ	— 214
Степан КУРЛОВ	— 215
Владимир КЛЕПИКОВ	— 216

«Я ЮНОСТЬЮ СВЯЗАН С ВОЙНОЮ...» — 217

Валентин БЕРЕСТОВ	— 218
Владимир СОКОЛОВ	— 219
Владимир КОРНИЛОВ	— 221
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ	— 222
Инна ГОФФ	— 223
Генрих САПГИР	— 224
Юрий ВОРОНОВ	— 225
Владимир ГОРДЕЙЧЕВ	— 226
Дмитрий СУХАРЕВ	— 227

- Михаил ФИЛЬШТЕЙН — 228
Юрий РЯШЕНЦЕВ — 229
Глеб ГОРБОВСКИЙ — 230
Римма КАЗАКОВА — 231
Владимир ЦЫБИН — 232
Евгений ХРАМОВ — 233
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ — 234
Станислав КУНЯЕВ — 235
Александр ГОРОДНИЦКИЙ — 236
Борис РАХМАНИН — 238
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ — 239
Евгений ЕВТУШЕНКО — 240
Натан ЗЛОТНИКОВ — 241
Феликс ЛАУБЕ — 242
Владимир КОСТРОВ — 243
Василий КАЗАНЦЕВ — 244
Лариса ВАСИЛЬЕВА — 246
Евгений РЕЙН — 247
Николай РУБЦОВ — 249
Иван НИКУЛЬШИН — 250
Александр КУШНЕР — 251
Владимир ПОРТНОВ — 252
Владимир ФИРСОВ — 253
Белла АХМАДУЛИНА — 255
Олег ДМИТРИЕВ — 256
Геннадий ШПАЛИКОВ — 257
Анатолий ДРОЖЖИН — 259
Анатолий БЕРГЕР — 260
Владимир ВЫСОЦКИЙ — 261
Олег ЧУХОНЦЕВ — 263
Александр ГОВОРОВ — 264
Эдуард БАЛАШОВ — 265
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ — 266
Геннадий РУСАКОВ — 267
Лев ТАРАН — 268
Валерий ШАМШУРИН — 269
Татьяна ГЛУШКОВА — 270
Геннадий ХОМУТОВ — 271
Алексей ШИТИКОВ — 272
Иосиф БРОДСКИЙ — 273
Юрий КУЗНЕЦОВ — 274

Феликс ЧУЕВ — 276
Анатолий БОГДАНОВИЧ — 278
Евгений ЛЕБЕДЕВ — 279
Геннадий СТУПИН — 281
Наталья ГАЛКИНА — 282
Александр БОБРОВ — 283
Александр ТКАЧЕНКО — 284

«ВОЙНЫ НЕ ЗНАЛИ МЫ, И ВСЁ ЖЕ...» — 285

Николай ЗИНОВЬЕВ — 286
Сергей ГОНЧАРЕНКО — 287
Лидия ГРИГОРЬЕВА — 288
Владимир АЛЕЙНИКОВ — 290
Пётр КОШЕЛЬ — 291
Владимир ПЛАМЕНЕВСКИЙ — 292
Леонид ГУБАНОВ — 293
Александр ВАСЮТКОВ — 294
Галина УМЫВАКИНА — 295
Тамара БУКОВСКАЯ — 297
Юрий КУБЛАНОВСКИЙ — 298
Татьяна РЕБРОВА — 300
Алексей ПРИЙМА — 301
Николай БОРСКИЙ — 303
Станислав ЯНЕНКО — 304
Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ — 305
Александр ЛОГИНОВ — 306
Надежда КОНДАКОВА — 307
Александр ЩУПЛОВ — 308
Татьяна БЕК — 309
Юрий НИКОНЫЧЕВ — 310
Николай ШАМСУТДИНОВ — 311
Елизавета ИВАННИКОВА — 312
Феликс РАБУРИН — 314
Геннадий ИВАНОВ — 315
Нина КРАСНОВА — 316
Сергей БИРЮКОВ — 317
Геннадий ГРИГОРЬЕВ — 318
Геннадий КРАСНИКОВ — 319
Виктор ВЕРСТАКОВ — 320
Владимир ИЛЬИЦКИЙ — 321
Николай ДМИТРИЕВ — 322

- Михаил ПОЗДНЯЕВ — 323
Виктор КИРЮШИН — 324
Андрей ЧЕРНОВ — 325
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ — 326
Владимир ДЕНИСОВ — 327
Борис СКОТНЕВСКИЙ — 328
Александр ХАБАРОВ — 329
Юрий КОРС — 330
Владимир КАРПЕЦ — 331
Владислав АРТЁМОВ — 332
Михаил ШЕЛЕХОВ — 333
Юрий КАБАНКОВ — 335
Марина ПАЛЕЙ — 336
Екатерина-Августа МАРКОВА — 339
Тимур КИБИРОВ — 340
Олеся НИКОЛАЕВА — 341
Анатолий БОГАТЫХ — 342
Светлана ВАСИЛЕНКО — 344
Олег ХЛЕБНИКОВ — 348
Елена КРЮКОВА — 349
Сергей ВАСИЛЬЕВ — 350
Михаил ПОПОВ — 351
Борис КОЛЫМАГИН — 352
Михаил ГАВРЮШИН — 353
Дмитрий ВЕДЕНЯПИН — 354
Сергей СТРОКАНЬ — 355
Валерий ПРОКОШИН — 356
Галина ИЛЮХИНА — 357
Сергей БУРДЫГИН — 358
Елена ФАНАЙЛОВА — 359
Игорь ВИШНЕВЕЦКИЙ — 360
Валерий ДУДАРЕВ — 363
Виталий ПУХАНОВ — 364
Ольга ЛЕБЁДУШКИНА — 365
Екатерина ПОЛЯНСКАЯ — 366
Владимир КЛИМОВИЧ — 367
Павел МАРКИН (ЁЖ) — 368
Мария ВАТУТИНА — 369
Александр КАБАНОВ — 370
Дмитрий ВОДЕННИКОВ — 372
Максим АМЕЛИН — 373

Андрей КОРОВИН	— 376
Александр БУТЯГИН	— 378
Борис РЫЖИЙ	— 379
Ольга АНИКИНА	— 380
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	— 381

Строки скорби — строки славы — строки совести

Двадцать второе июня 1941 года — самая трагическая дата в отечественной истории XX века. И как любая трагическая дата она вбирает в себя все стороны человеческого бытия и среди них — литературную.

В течение одного этого дня словесность советского времени, которая к тому времени почти четверть века сознательно формировалась как литература нового типа, а по сути, литература насквозь и банально идеологизированная, подчинённая большевистскому государству, его таинственным, неизъяснимым целям, скрытым за общегуманистическими декларациями, — эта рассчитанная и просчитанная литературная система рухнула в историческую бездну. Её мнимости, её фантомы и мифы мгновенно улетели на макулатурную свалку. Зато слово, то живое народное слово, которому назначается воплотиться в художественном творчестве, слово, освобождённое вселенской катастрофой от всех пут, было поставлено лицом к лицу с действительностью, не тщетно измышляемой правителями, а вечно произрастающей на почве судьбы и совести.

Так началась совершенно особая и вместе с тем почти безграничная часть русской и мировой литературы — произведения о Великой Отечественной — Второй мировой войне. А здесь, в свою очередь, тоже возникло своё удивительное, всё расширяющееся поле — стихотворения и поэмы об этой войне.

И теперь, через семь с лишним десятилетий, минувших после Победы, мы обрели возможность увидеть лирическое наследие, связанное с темой Великой Отечественной — Второй мировой войны, во всей его полноте и сложности. Даже предлагаемая читателям антология, количественно — в силу разных причин — очень скромная, всё-таки готовилась с надеждой самые существенные качества русской поэзии о Великой Отечественной войне на этих сотнях страниц представить.

Некоторые произведения, занимавшие в своё время выдающееся место как шедевры эмоциональной агитации, остались памятниками эпохи, а другие, по разным причинам толковавшиеся как частные, камерные выражения пережитого, ныне стали подлинными свидетельствами состояния народной души в годину испытаний. Поэтому наряду со всенародно известными и любимыми песнями военных лет (точнее, стихотворениями, положенными на музыку) в настоящую антологию включены стихотворения русских поэтов, живших в годы войны на чужбине, но вместе со своей родиной страстно желавших разгрома фашизма. Особое восприятие великой войны было у тех, кто пережил лихолетье детьми; свой образ войны создан и поэтами, родившимися после победного мая 1945 года. Составитель надеется, что в единстве стихотворения этой антологии станут лирическим, вместе с тем с чертами высокого трагизма прибавлением к летописи Великой Отечественной войны, как она сложилась в сознании нашего народа, нашей страны.

Антология состоит из четырёх разделов.

Первый объединяет стихотворения погибших в годы Великой Отечественной войны. Второй включает стихотворения фронтовиков-поэтов и тех, кто так или иначе принимал участие в борьбе с фашистским нашествием. В третьем — произведения лириков, чьё детство и отрочество пришлось на войну. Завершают антологию стихотворения поэтов, родившихся после 9 мая 1945 года. Смысл такого подразделения понятен без особых пояснений. Внутри разделов порядок авторов устанавливается по годам их рождения, от старших к младшим.

Если точные даты не удалось установить, составитель следовал алфавитному принципу.

Разумеется, здравый читатель признает неотвратимость тех ограничений (а может, и упущений), которые очевидны в этой антологии. Объём издания заставил обратиться только к русской лирике; вместе с тем всем хорошо известно, сколько выдающихся произведений о войне создано на разных языках народов тогдашнего Советского Союза и впоследствии прекрасно переведено на русский. Должны появиться и такие антологии...

Другая проблема более серьёзна. В одну книгу невозможно вместить всё, достойное памяти, преодолевшее время. Как составитель я заранее сердечно прошу прощения у поэтов, чьи яркие произведения оказались за пределом страниц этого тома. Возникает такое печальное сопоставление: у нас до сих пор остаётся немало неизвестных солдат — героев Великой Отечественной войны, многие павшие так и не обрели своих могил, их прах остался на полях сражений, в знаменитых русских чащобах, где нередко проходила линия фронта... Так и в поэзии. Не все прекрасные стихотворения о войне донине прочитаны — многое остаётся затерянным в периодике, в малотиражных изданиях. Но как нам не отвлечься от своего нравственного долга похоронить донине неупокоенных солдат Великой Отечественной, так не может прекратиться сопоставление поэтической хроники этой самой страшной и величественной войны XX века. Надежда в том, что настоящая антология станет для кого-то побуждением к дальнейшей, хочется думать, более полной и совершенной работе.

Так как настоящая антология рассчитана на широкий круг читателей, библиографические справки и развёрнутые примечания к текстам стихотворений не даются. В конце каждого стихотворения, по возможности, указан год его написания (иногда авторская дата), первопубликации или той публикации, которая оказалась доступной составителю. Неточные датировки отмечены угловыми скобками. Составитель счёл необходимым сохранить некоторые особенности русской орфографии советского времени, например начертание слова «бог» со строчной буквы.

В биографических справках сообщаются лишь краткие сведения об авторе: годы его жизни, участие в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны, факты, значимые для его литературной судьбы.

Много лет занимаясь собиранием и, по мере сил и возможностей, изданием военной лирики, автор этих строк обрёл не только сердечно для него важный человеческий опыт, но и получил несколько уроков, подчас тяжёлых. Главный из них не просто нравственно тяжёл — он поражает своей изначальной нелепостью, отходом от живой жизни в координаты бездушных циркуляров, пространных, где звон денги, хотя и копейной, заглушает все иные звуки.

В условиях продолжающейся юридической чехарды, мы, так называемая творческая интеллигенция, обретя литературную свободу, не отстаивали право народа пользоваться богатствами родной литературы. В советское время, несмотря на всем известные его стеснения, существовало законодательно закреплённое право издательств без согласования с авторами, а тем более с их наследниками, перепечатывать в антологиях, хрестоматиях и тому подобных просветительских, общественно значимых изданиях *прежде опубликованные* стихотворения и другие *небольшие по объёму* произведения. Это демократическое правило, между прочим, объективно так же выгодно и самим авторам и их наследникам: ведь антология, хрестоматия — это всегда безвозмездное напоминание о творчестве талантливого человека, призыв к читателю прочитать и другие его произведения, попросту, говоря современным языком, бесплатная реклама. Однако сегодня в силу вышеобозначенной причины отечественная традиция антологий гибнет: издательства, даже самые мощные, попросту не имеют технических возможностей обеспечить беспрепятственный выход насущно необходимых народу и народному просвещению литературных сборников. Представляемая антология тоже готовилась из-за всяческих согласований довольно долго, далеко не всё нам удалось в неё включить...

Поэтому считаю необходимым назвать некоторые из книг, которые были для меня важны при работе, а для читателей представят несомненный интерес для продолжительного чтения. Это, прежде всего, сборники:

Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / сост., подг. текста, биогр. справки и примеч. В. Кардина, И. Усок. М.; Л.: Советский писатель, 1965;

Священная война...: Стихи о Великой Отечественной войне / сост. С. Наровчатова, Я. Хелемский. М.: Худ. лит., 1966;

Венок славы: Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне: в 12 т. / поэтический раздел подг. Н. К. Старшиновым. М.: Современник, 1983–1986;

Строки, добытые в боях: Поэзия фронтового поколения / сост. А. Лазарев. М.: Дет. лит., 1969;

До последнего дыхания: Стихи советских поэтов, павших в Великой Отечественной войне / сост. И. Богатко. М.: Правда, 1985;

Этот день Победы: (Стихотворения) / сост. Э. С. Смирнова. М.: Советская Россия, 1985;

Свеча, зажжённая за нас: Стихи русских поэтов XX века о войне / сост. И. Д. Шалаевой. М.: Московский рабочий, 1995;

Об огнях-пожарищах: Великая Отечественная война в стихах и песнях / сост. А. М. Турков. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000;

Поэзия Победы: Антология / сост. А. Ю. Шалобаев; вступ. слово С. В. Михалкова. М.: Герои Отечества, 2004;

«Идёт война народная»: Стихи о Великой Отечественной войне / сост., предисл., справки об авторах Н. И. Горбачёва. М.: Дет. лит., 2005;

Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне: Стихотворения и поэмы / вступ. ст. И. Н. Сухих; сост., подг. текста, примеч. М. А. Бениной, Е. П. Семёновой. СПб.: Академический проект, 2005;

Фольклор Великой Отечественной войны: Сб. науч. трудов / под ред. О. Е. Лебедевой, М. В. Строганова. Тверь: Кафедра рус. лит. Тверского гос. ун-та, 2005;

«Поклонимся великим тем годам...»: Антология стихотворений выпускников, преподавателей и студентов Литературного института имени А. М. Горького / Авторы проекта и сост.: Б. Н. Тарасов, Г. Н. Красников, Г. Н. Дубинина. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2010.

Также назову антологию, подготовленную автором этих строк: Жди меня, и я вернусь...: Военная лирика: 1941–1945–2005. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Работа над антологией была праздником, но поистине со слезами на глазах: месяцы, ушедшие на её подготовку, стали временем неповторимых душевных переживаний, порой полной проверки опыта собственной жизни.

Составляя «Бронепоезд Победы», я вновь оказался среди вихрей слов о войне. Многие тысячи строк, которые я перечитал и прочитал впервые, вновь и вновь подтверждали неисчерпаемость темы, донныне живущей и продолжающей развиваться. Она проросла в народную память, но от этого не стала спокойнее, академичнее. Новые военные конфликты, новые исторические споры, бои и битвы в поисках не только истины, но и плацдармов для очередных конъюнктурных доктрин о Второй мировой войне побуждают оглянуться на уже созданное современниками событий, опереться — и здесь надо признать, далеко не всегда с благими целями — на гранит и бронзу уже существующего литературного мемориала. И потому новые антологии произведений о войне, новые переиздания и перечитывания остаются насущно необходимыми. Это, в частности, подтверждается ежегодно 9 мая, когда в память Дня Победы больше всего сограждан собирается на поэтические встречи и марафоны, когда часами разными людьми читаются дорогие, близкие им строки о военном лихолетье. Это подтверждается и тем фактом, что все мои коллеги, узнавая о моих антологических приготовлениях, неизменно задавали вопросы о составе, называли стихотворения, которые представлялись им особенно важными. Низкий поклон всем им за это.

И всё же... Даже при современных информационных возможностях, даже в присутствии Интернета многое остаётся под спудом, сведения об авторах некоторых поэтических шедевров собирались едва ли не по буквам, усилиями многих. Поэтому составитель и издатели будут признательны читателям этой книги за любые замечания, дополнения, советы, которые можно сделать электронным письмом на адрес альманаха «Паровозъ» (parovoz-srp@mail.ru).

Если будет жива народная память о войне, будут новые антологии, в которых преодолеются огрехи прежних, в том числе и этой, которая сейчас находится в ваших руках.

И последнее. Я — сын ветерана Великой Отечественной войны, сержанта-миномётчика Фёдора Никитича Дмитренко. Он всегда взыскательно относился к моим литературным трудам, порой был суровым критиком. При этом мои усилия по подготовке сборников военной лирики всячески поддерживал; будучи прекрасным знатоком поэзии, дал много точных советов и радовался, что я занимаюсь подготовкой «Бронепоезда Победы». Папе выпали долгие годы, но 8 декабря 2015 года он скончался, немного не дожив до 94-х лет. Незадолго до рокового часа мы с ним вновь говорили о войне, и он меня вновь спрашивал, почему я не хочу включать в составляемые мною антологии текст фронтовика, поэта-песенника Владимира Харитонов «День Победы». Я, как и прежде, пытался объяснить ему, что песня, даже прекрасная, не всегда пишется на прекрасные стихи, у песенного творчества свои законы, свои силы эмоционального воздействия, основанные не только на слове, но и на мелодии. Впрочем, педагог-психолог по многодесятилетнему опыту работы, художник по природе и даже по образованию, отец всё это понимал и без меня, но несогласие оставалось. И вдруг он воскликнул уже не крепким, не артиллерийским, как прежде, своим голосом: «Ведь слова там тоже есть!» И на мой немой вопрос «Какие?» (я-то предполагал: «Это радость — со слезами на глазах») он произнёс: «Этот день мы приближали, как могли». И ещё раз повторил эту строчку.

Сейчас понимаю, что мой папа совершенно точно, и как участник событий и как человек искусства, отринув формальные эстетические критерии, определил единственно справедливый камертон, которым можно выверять отбор стихотворений в книгу поэтической памяти о войне. Любое из них должно приближать читателя к живой памяти о ней, сопрягать эту память с памятью читателя, его судьбы, его рода.

И потому посвящаю эту свою работу всем, кто 1418 дней и ночей, как мог, приближал День Победы. А, значит, и моим родителям тоже.

Сергей Дмитренко

Иосиф УТКИН
Евгений НЕЖИНЦЕВ
Михаил ТРОИЦКИЙ
Юрий ИШЕ
Джек АЛТАУЗЕН
Елена ШИРМАН
Сергей РУДАКОВ
Владимир ЧУГУНОВ
Леонид ВИЛКОМИР
Борис КОСТРОВ
Алексей ЛЕБЕДЕВ
Юрий СЕВРУК
Владислав ЗАНАДВОРОВ
Валентин ШУЛЬЧЕВ
Всеволод ЛОБОДА
Давид КАШЕВСКИЙ
Леонид ШЕРШЕР
Иосиф ЛИВЕРТОВСКИЙ
Николай ОВСЯННИКОВ
Георгий УШКОВ
Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ
Георгий СУВОРОВ
Евгений ПОЛЯКОВ
Александр ПОДСТАНИЦКИЙ
Всеволод БАГРИЦКИЙ
БОРИС БОГАТКОВ
Захар ГОРОДИССКИЙ
Леонид РОЗЕНБЕРГ
Виктор ЛУЗГИН

I

«ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ,
ДОРОГАЯ...»

ИОСИФ ПАВЛОВИЧ УТКИН (1903–13.11.1944) родился на станции Хинган в автономном районе Внутренняя Монголия, Китай, на КВЖД, которую строили его родители. Участвовал в Гражданской войне на Дальнем Востоке. Окончил Институт журналистики в Москве, до войны был известным комсомольским поэтом. Добровольцем ушёл на фронт, в сентябре 1941 года тяжело ранен. Затем военный корреспондент, спецкор Совинформбюро, участвовал в боях. Многие его стихи положены на музыку. Возвращаясь с репортёрского задания, погиб в авиакатастрофе недалеко от Москвы.

Иосиф УТКИН

ПЕТЛИЦЫ

Не могли бы вы, сестрица,
Командиру услужить?
Не могли бы вы петлицы
На шинель мою нашить?

Может быть, вдали, в разлуке,
Невзначай взглянув на них,
Я с волнением вспомню руки,
Нашивавшие мне их.

Сердцу станет так приятно!
...А когда война пройдёт,
А когда меня обратно
К вам победа приведёт,

Может быть, тогда, сестрица,
Уцелевшие в огне
Эти скромные петлицы
Вам напомнят обо мне...

6 июля 1941

ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, ДОРОГАЯ...

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это — *другая*.
Это значит... сырая земля.

Это значит, дубы-нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной мне.

Только вам я всем сердцем и внемлю.
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.

И доколе дубы-нелюдимы
Надо мной не склонятся, дремля,
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты да родная земля!

1942

* * *

Лампы неуверенное пламя.
Непогодь играет на трубе.
Ласковыми, нежными руками
Память прикасается к тебе.

К изголовью тихому постели
Сердце направляет свой полёт.
Фронтная музыка метели
О тебе мне, милая, поёт.

Ничего любовь не позабыла,
Прежнему по-прежнему верна:
Ранила ее, но не убила
И не искалечила война.

Помню всё: и голос твой, и руки,
Каждый звук минувших помню дней!
В мягком свете грусти и разлуки
Прошлое дороже и видней.

За войну мы только стали ближе.
Ласковой. Прямей. И оттого
Сквозь метель войны, мой друг, я вижу
Встречи нашей нежной торжество.

Оттого и лампы этой пламя
Для меня так ласково горит.
И метель знакомыми словами
О любви так нежно говорит...

Апрель 1944

ЕВГЕНИЙ САВВИЧ НЕЖИНЦЕВ (1904–9.04.1942) родился и вырос в Киеве, окончил Киевский политехнический институт. Работал инженером. Жил в Ленинграде. Кроме стихов переводил украинских, а также английских и французских поэтов. В июне 1941-го ушёл добровольцем в народное ополчение, но заболел. Скончался в осаждённом Ленинграде от голода.

Евгений НЕЖИНЦЕВ

* * *

Пусть буду я убит в проклятый день войны,
Пусть первым замолчу в свинцовом разговоре,
Пусть... Лишь бы никогда не заглянуло горе
В твой дом, в твои глаза, в твои девичьи сны...

Пусть не осмелится жестокая рука
Черкнуть в письме, в скупой на чувства фразе,
Что ты в разорванном лежишь противогазе
И бьётся локон твой у синего виска...

1941

«Если я не вернусь, дорогая...»

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ТРОИЦКИЙ (1904–22.12.1941) родился в Петербурге; учился на архитектурном отделении Художественного промышленного техникума. Был чернорабочим, помощником машиниста. Поэт, переводчик. Автор пяти поэтических сборников; переводил грузинских поэтов. С 4 июля 1941 года — на воинской службе. Командир миномётного взвода. Погиб в бою под Ленинградом, в районе Невской Дубровки.

Михаил ТРОИЦКИЙ

* * *

Застыли, как при первой встрече.
Стоят и не отводят глаз.
Вдруг две руки легли на плечи
И обняли, как в первый раз.

Всё было сказано когда-то.
Что добавлять? Прощай, мой друг.
И что надёжней плеч солдата
Для этих задрожавших рук?

1941

ЮРИЙ ИНГЕ (ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ИНГЕ) (1905–28.08.1941) — поэт, прозаик. Родился под Петербургом; учился в гимназии в Симферополе. Вернувшись в Петроград, работал на заводе. Выпустил несколько сборников стихов, писал и публиковал прозу, много путешествовал. Во время советско-финляндской войны был военно-флотским корреспондентом. В начале войны — сотрудник газеты «Красный Балтийский флот». Погиб на торпедированном судне «Вальдемарас» во время перехода кораблей Балтийского флота из Таллина в Кронштадт.

Юрий ИНГЕ

НА РЕДАН

Обгоняя скоростью мгновенья,
Прорывая яростно туман,
За кормой тугие волны вспенив,
Катера выходят на редан.

В туче брызг стремительною тенью
Головной уверенно идёт,
У фашистов паника, смятенье...
Батарей мажут. Не долёт!

Возникая, грозные во мраке,
Катера в один порыв слиты,
И гремит торпедная атака
Небывалым вихрем быстроты.

На редан! Стрекочут пулеметы,
И с предсмертным рёвом «мессершмит»
Падает в прибрежное болото
И, объятый пламенем, дымит.

Катера уходят. Перед ними
След подлодки тонкой бороздой.
И тогда ещё неумолимей
Бомбы глухо рвутся под водой.

Дан приказ — кончать бомбометанье,
Курс на базу. Отдых до утра.
Боевое выполнив задание,
В новый бой выходят катера.

1941

ДЖЕК (ЯКОВ МОИСЕЕВИЧ) АЛТАУЗЕН (1907–27.05.1942) — поэт, журналист. Родился в Сибири в семье ссыльнопоселенца. С юности был дружен с Иосифом Уткиным. Учился в московском Литературно-художественном институте. Работал в газете «Комсомольская правда». С начала Великой Отечественной войны — корреспондент фронтовых газет. Награждён орденом Красного Знамени. Погиб под Харьковом во время неудавшегося наступления наших войск.

Джек АЛТАУЗЕН

РОДИНА СМОТРЕЛА НА МЕНЯ

Я в дом вошёл, темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло, —
Дом был оставлен, пусто было в нём,
Но всё о тех, кто жил здесь, говорило.

Валялся разный мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке,
И разноцветной грудой в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд, и выкрашенный слон,
И два утёнка с длинными носами,
И Дед Мороз — весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами.

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом, в белой рамке, на столе,
Стояла фотография ребёнка...

Ребёнок был с кудряшками, как лён,
Из белой рамки, здесь, со мною рядом,
В моё лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным, ясным синим взглядом...

Стоял я долго, каску наклоня,
А за окном скрипели ставни тонко.
И Родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шёл в атаку, твёрдо шёл туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

1941

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ШИРМАН (1908–1942) — журналистка; фольклористка. Окончила Ростовский педагогический институт. В 1937–1941 гг. училась в Литературном институте (семинар Ильи Сельвинского). С конца 1941 года — редактор ростовского боевого сатирического листка «Прямой наводкой». Незадолго до оккупации Ростова немецкими войсками (24 июля 1942 г.) вышел её маленький поэтический сборник «Бойцу Н-ской части». Вскоре вместе с сотрудниками Ростиздата и родителями покинула Ростов. Группа была схвачена гитлеровцами. При обыске у Елены нашли редакционные материалы, и по распоряжению гестапо она вместе с родителями была расстреляна.

Елена ШИРМАН

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Эти стихи, наверно, последние.
Человек имеет право перед смертью высказаться.
Поэтому мне ничего больше не совестно.
Я всю жизнь пыталась быть мужественной,
Я хотела быть достойной твоей доброй улыбки
Или хотя бы твоей доброй памяти.
Но мне это всегда удавалось плохо,
С каждым днём удаётся всё хуже,
А теперь, наверно, уже никогда не удастся.
Вся наша многолетняя переписка
И нечастые скудные встречи —
Напрасная и болезненная попытка
Перепрыгнуть законы пространства и времени.
Ты это понял прочнее и раньше, чем я.
Потому твои письма, после полтавской встречи,
Стали конкретными и объективными,
как речь докладчика,
Любознательными, как викторина,
Равнодушными, как трамвайная вежливость.
Это совсем не твои письма.
Ты их пишешь, себя насилуя,
Потому они меня больше не радуют,
Они сплющивают меня, как молоток шляпку гвоздя.
И бессонница оглушает меня, как землетрясение.
...Ты требуешь от меня благоразумия,
Социально значимых стихов и весёлых писем,
Но я не умею, не получается...
(Вот пишу эти строки и вижу,
Как твои добрые губы искажает недобрая
«антиулыбка»),
И сердце моё останавливается заранее.)
Но я только то, что я есть, —
не больше, не меньше:
Одинокая, усталая женщина тридцати лет,
С косматыми волосами, тронутыми сединой,
С тяжёлым взглядом и тяжёлой походкой,
С широкими скулами и обветренной кожей,
С резким голосом и неловкими манерами,
Одетая в жёсткое коричневое платье,
Не умеющая гримироваться и нравиться.
И пусть мои стихи нелепы, как моя одежда,
Бездарны, как моя жизнь,
как всё чересчур прямое и честное,
Но я только то, что я есть.
И я говорю, что думаю:
Человек не может жить, не имея завтрашней радости,

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РУДАКОВ (1909–15.01.1944) родился в Воронеже; сын генерал-майора русской императорской армии, участника Первой мировой войны и Белого движения, расстрелянного большевиками вместе с сыновьями, старшими братьями Рудакова. После долгих мытарств смог всё же окончить в 1941 году заочное отделение Окончил Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде. Филолог, один из первых исследователей творчества Осипа Мандельштама. С начала войны служил в морской пехоте на Ленинградском фронте, лейтенант, был тяжело ранен и контужен. Находясь на нестроевой службе, в 1943 году был осуждён за попытку помочь другу-толстовцу получить отсрочку от призыва и вновь отправлен на фронт. Погиб под Могилёвом.

Упомянутая в стихах Марина — разумеется, Марина Цветаева, творчеством и личностью которой Рудаков был увлечён.

Сергей РУДАКОВ

31 АВГУСТА

Как судьбу косматую отрину,
Огоньки сгоню с болот.
Год назад я потерял Марину
И не знал об этом целый год.
Происшедшее теперь яснее,
Объяснимей лютый смысл утрат:
Сам того не зная — с нею
Я утратил милый Ленинград.
И когда, с высот склоняясь, в очи
Смотрят звёзды бархатных очей,
Я утратил средь кромешной ночи
Зной и негу киевских ночей.
И ещё — спасите, люди, люди! —
Боль и холод каменных сердец —
Залпы собственных орудий
Царскосельский ранили дворец.
Новое свершается крещенье
Той неравной танковой войны.
А в тебе и слёзы, и прощенье,
Нежная, погибшая за ны...

< Июль — сентябрь 1942 >

* * *

Э. <мме > Г. <ерштейн >

То кладбище Марьиной Рощи,
Где нынче всеобуча пункт,
Имеет разрыхленный грунт,
В нём влажные, тленные мощи.

А зелень здесь, будто на даче.
По пояс учебный окоп
Копает боец. Но задаче
Мешает откопанный гроб.

Бежать мне от смерти куда?
По совести — больше не надо:
Вперёд на большие года
Довольно смертей Ленинграда.

Меня-то какие причины
От смерти спасали в бою?
В Москве я. О смерти Марины
За чаем от вас узнаю.

Вот — о совпаденьях рассказ.
Что в жизни случайностей проще:
Её — я слышал от вас —
Вы видели в Марьиной Роще.

Июль — сентябрь 1942. Марьиная Роща

* * *

Мне опять готовиться в дорогу
В те края, где выстрелы и снег.
Стало быть, воинственному богу
Нужен беспокойный человек.

Белую, ямщицкую равнину
Песней наполняет ветерок:
— Я не скоро этот мир покину,
Мне ещё не выпал срок.

На снегу не красною, а чёрной
Кажется пролившаяся кровь.
Никогда весёлой и покорной
Для любимой не была любовь.

Сколько по сугробам ни броди,
Стёжка оборвётся где-нибудь.
Доброй памятью меня прости,
Сердцем ласковым — не позабудь.

4–6 ноября 1943

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ЧУГУНОВ (1911–5.07.1943) родился и жил в Сибири; окончил Анжерское горное промышленное училище. Стихи писал с детства; широко печатался в сибирских изданиях, но профессионально работал в горнодобывающей промышленности. Добровольцем ушёл на фронт, лейтенант, командовал стрелковым взводом. Погиб во время боёв на Курской дуге.

Владимир ЧУГУНОВ

СВЕТЛАНА

Я друзей обманывать не стану:
Сердце не грубеет на войне –
Часто дочь, трёхлетняя Светлана,
Мысленно является ко мне.

Тёплая и нежная ручонка
Норовит пойматься за рукав...
Что скажу я в этот миг, ребёнка
На коленях нежно приласкав?

Что не скоро я вернусь обратно,
А, возможно, вовсе не вернусь?..
Так закон диктует в поле ратном:
«Умирая, всё-таки не трусь!»

Может быть, в журнале иль газете,
Жёлтых от событий и времён,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!..»

А ещё приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитав,
Говорить о долге славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.

Я друзей обманывать не стану:
Сердце не грубеет на войне –
Часто дочь, трёхлетняя Светлана,
Мысленно является ко мне.

1943

* * *

Все распри сводятся на нет
Артиллерийской перестрелкой.
Сияет ярче дружбы свет,
И места нет корысти мелкой.

Мы в дни войны сошлись втроём —
Равно бедны, равно богаты,—
Грустим, смеёмся и поём
Под потолком крестьянской хаты.

А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадёт на землю в травы,

«Если я не вернусь, дорогая...»

Но жаворонок будет петь,
Цвести ромашки, незабудки
И многодумный лес шуметь...
С судьбой теперь плохие шутки:
Здесь очень просто умереть.

И если первым буду я
Судьбой отвергнут от событий,
То вы, товарищи-друзья,
Меня в час встречи вспомните.

А коль возьму над жизнью власть,
Ток животворных сил почуя,
Всю поэтическую страсть
В четыре строчки заключу я.

*1 мая 1943
с. Первомайское*

ЛЕОНИД ВУЛЬФОВИЧ ВИЛКОМИР (1912–19.07.1942) родился в Бухаре. Работал газетным репортёром. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. С 1938 года служил в газете «Красная звезда»; после начала войны стал её корреспондентом. Летал на боевых самолётах как стрелок-радист, входил в состав танковых экипажей. По собственной просьбе участвовал в выполнении боевого задания на штурмовике в качестве стрелка-радиста и погиб в небе близ Новочеркасска.

Леонид ВИЛКОМИР

* * *

Мы победим. Мои — слова,
Моя над миром синева,
Мои — деревья и кусты,
Мои — сомненья и мечты.

Пусть на дыбы встаёт земля,
Вопит, и злобствует, и гонит —
Меня к своим ногам не склонит,
Как в бурю мачты корабля.

Я буду жить, как я хочу:
Свободной птицею взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травую прорасту,

В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — всё могу!

1941

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ КОСТРОВ (1912 — март 1945) родился в Петербурге. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В первые дни войны добровольцем ушёл на фронт. Солдатом воевал под Ленинградом, на Карельском, Калининском фронтах. Был трижды ранен. После окончания танкового училища в звании младшего лейтенанта вернулся в действующую армию; командовал самоходным орудием. При штурме Крейцбурга (Восточная Пруссия) был тяжело ранен и вскоре умер. Похоронен в братской могиле на центральной площади города. Посмертно награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

Борис КОСТРОВ

В РАЗВЕДКЕ

Во фляге — лёд.
Сухой паёк.
Винтовка, пять гранат.
И пули к нам наискосок
Со всех сторон
Летят.

Быть может, миг —
И
Тронет сердце
Смерть.
Нет, я об этом не привык
Писать стихи
И петь.

Я говорю,
Что это бред!
Мы всех переживём,
На пик немеркнущих побед,
На пик судьбы
Взойдём!

А то, что день
И ночь — в бою,
Так это не беда.
Ведь мы за Родину свою
Стоим горой
Всегда!

Винтовка, пять гранат.
Пурга.
Рвёт флягу синий лёд.
Непроходимые снега,
Но путь один —
Вперёд!

1942

ПОСЛЕ БОЯ

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена...
И, к печке прислонясь спиной,
Спит стоя старшина.

Шепчу: «Товарищ, ты бы лёг
И отдохнул, солдат;
Ты накормил как только мог
Вернувшихся назад.

Ты не поверил нам. Ну что ж,
В том нет большой беды.
Метёт метель. И не найдёшь
На небе ни звезды.

Твоей заботе нет цены,
Ляг между нами, брат.
Они снежком занесены
И не придут назад».

1943

* * *

Когда в атаке отгремит «ура»,
В ночи звезда скользнёт
по небосводу, —
Мне кажется, что ты ещё вчера
Смотрела с моста каменного в воду.
О чём, о чём ты думала в тот миг?
Какие мысли сердце полонили?
Окопы. Ночь. Я ко всему привык,
В разведку мы опять сейчас ходили.
Но как до счастья далеко! Река
Бежит на запад по долине смело,
А то, что шлем прострелен у виска,
Так это ведь обыденное дело.

1944

* * *

Красный крест на сумке цвета хаки,
Где они, твои шестнадцать лет?
До войны с тобой на «ты» не всякий
Говорить осмелился б поэт...

А теперь сидим мы вот и курим,
Под рукой у каждого наган...
Помню, как-то в огненную бурю
Первая моих коснулась ран.

Я не знал тебя тогда, Мария,
Но, прощаясь с жизнью, может быть,
Обнял землю и сказал: «Россия,
Ты её не можешь позабыть».

Ну, а дальше — белая палата
Да повязки тяжкие в крови,
В тёмной биографии солдата
Светлая страница о любви.

Что ещё? Про ненависть и славу
До зари беседа, а потом
Наизусть читаешь ты «Полтаву»,
Битвы вспоминаешь под Орлом.

Да меня украдкой даришь взглядом,
Дым табачный гонишь от лица...
Так всю ночь. И всё за то, чтоб рядом
Быть со мною вечно. До конца.

1944

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1912 — ноябрь 1941) родился в Суздале; детство прошло в Костроме. С ранних лет мечтал стать моряком. Был матросом промышленно-торгового флота, служил в ВМФ. Окончил Высшее военно-морское училище в Ленинграде. Печатался с 1933 года. Автор двух стихотворных книг. В начале Отечественной войны — штурман подводной лодки, лейтенант. Осенью подводная лодка Л-2, на которой служил поэт, при выполнении боевого задания в Финском заливе взорвалась при столкновении с миной. Весь экипаж погиб.

Алексей ЛЕБЕДЕВ

ТЕБЕ

Мы попрощаемся в Кронштадте
У зыбких сходен, а потом
Рванётся к рейду серый катер,
Раскалывая рябь винтом.

Под облаков косою тенью
Луна подёрнулась слегка,
И затерялась в отдаленье
Твоя простёртая рука.

Опять шуметь над морем флагу,
И снова, и суров, и скуп,
Балтийский ветер сушит влагу
Твоих похолодевших губ.

...И если пенные объяття
Назад не пустят ни на час
И ты в конверте за печатью
Получишь весточку о нас —

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать, —
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

Август 1941

НА ДНЕ

Лежит матрос на дне песчаном
Во тьме зелёно-голубой.
Над разъярённым океаном
Отгромыхал короткий бой,
А здесь ни грома и ни гула...
Скользнув над илистым песком,
Коснулась сытая акула
Щеки матросской плавником.

Осколком лёгкие пробиты,
Но в синем мраке глубины
Глаза матросские открыты
И прямо вверх устремлены.
Как будто в мертвенном покое,
Тоской суровою томим,
Он помнит о коротком бое,
Жалея, что расстался с ним.

1941

ЮРИЙ ПОЛИКАРПОВИЧ СЕВРУК (1912–1944) — литературный критик, автор статей о советской поэзии. С 1941 года служил в армейской газете. Погиб во время боевых действий по освобождению Эстонии.

Юрий СЕВРУК

ЖУРАВЛИ

Высоко над ямами и рвами
Раненой, истерзанной земли,
Вешний воздух бороздя крылами,
Через фронт летели журавли.
Словно стая наших самолётов
Проплыла равниной голубой.
Немцы из зенитных пулемётов
Прострочили небо над собой.
Не несёт весна удачи фрицам,
Дни идут, а наш напор жесток.
Вот и позавидовали птицам,
Их прямой дороге на восток.
Прямо к солнцу поднимаясь круто,
Вражьему огню наперерез,
Пронеслись, не изменив маршрута,
Вольные кочевники небес.
Улыбаясь, мы на птиц взглянули.
Не для них наш припасён свинец:
Немцу предназначенную пулю
В журавля не выпустит боец.
Пусть себе кочуют на свободе
И приветным криком говорят:
«С доброй вестью к вам весна приходит
С доброй вестью журавли летят!»
От врага опять ушла добыча.
Скрылись в затуманенной дали,
Громко, торжествующе курлыча,
Трубачи победы — журавли.

19 апреля 1943

ВЛАДИСЛАВ ЛЕОНИДОВИЧ ЗАНАДВОРОВ (1914–22.11.1942) родился в Перми. Был геологом, окончил с отличием геологический факультет университета в Екатеринбурге (тогда Свердловск). Писал стихи и прозу. В звании лейтенанта командовал подразделением миномётчиков. Погиб смертью храбрых в бою в Ростовской области.

Владислав ЗАНАДВОРОВ

КУСОК РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Кусок земли, он весь пропитан кровью.
Почернел от дыма плотный мёрзлый снег.
Даже и привыкший к многословью,
Здесь к молчанью привыкает человек.

Впереди лежат пологие высоты,
А внизу — упавший на колени лес.
Лбы нахмутив, вражеские дзоты
Встали, словно ночь, наперерез.

Смятый бруствер. Развороченное ложе.
Угол блиндажа. Снаряды всех смели.
Здесь плясала смерть, но нам всего дороже
Окровавленный кусок чужой земли.

Шаг за шагом ровно три недели
Мы вползали вверх, не зная преград.
Даже мёртвые покинуть не хотели
Этот молнией опаленный ад.

Пусть любой ценой, но только бы
добраться,
Хоть буравя снег, но только б доползти,
Чтоб в молчанье страшно и жестоко
драться,
Всё, как есть, сметая на своём пути.

Под огнём навесным задержалась рота,
Но товарищ вырвался вперёд...
Грудью пал на амбразуру дота —
Сразу кровью захлебнулся пулемёт!

Мы забыли всё... Мы бились беспощадно...
Мы на лезвиях штыков наш гнев несли,
Не жалея жизни, чтобы взять обратно
Развороченный кусок родной земли.

1941–1942

ВОЙНА

Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
Это вовсе не дымное поле сраженья,
Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит своё выраженье.
Это — изо дня в день лишь блиндажный песок
Да слепящие вспышки ночного обстрела;
Это — боль головная, что ломит висок;

поднимаю бойцов я в штыки,
 Пятый раз в этот день
 лишь порывом одним вдохновения
 Мы бросаем врага
 на исходный рубеж у реки!
 В беспрестанных сраженьях
 ребята мои повзрослели,
 Стали строже и суше
 скуластые лица бойцов...
 ...Вот сейчас предо мной
 на помятой кровавой шинели
 Непривычно спокойный
 лежит лейтенант Кузнецов.
 Он останется в памяти
 юным, весёлым, бесстрашным,
 Что любил по старинке
 врага принимать на картечь.
 Нам сейчас не до слёз —
 над товарищем нашим
 Начинают орудья
 надгробную гневную речь.
 Но вот смолкло одно,
 и второе уже замолчало,
 С тылом прервана связь,
 а снаряды приходят к концу.
 Но мы зря не погибнем!
 Сполна мы сочтёмся сначала.
 Мы откроем дорогу
 гранате, штыку и свинцу!..
 Что за огненный шквал!
 Всё сметает...
 Я ранен вторично...
 Сколько времени прожито:
 сутки, минута ли, час?
 Но и левой рукой
 я умею стрелять на «отлично»...
 Но по-прежнему зорок
 мой кровью залившийся глаз...
 Снова лезут! Как черти,
 но им не пройти, не пробиться.
 Это вместе с живыми
 стучатся убитых сердца,
 Это значит, что детям
 вовек не придётся стыдиться,
 Не придётся вовек им
 украдкой краснеть за отца!..
 Я теряю сознание...
 Прощай! Всё кончается просто.
 Но ты слышишь, родная,
 как дрогнула разом гора!
 Это голос орудий
 и танков железная поступь,
 Это наша победа
 кричит громовое «ура».

1942

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ШУЛЬЧЕВ (1914 — февраль 1943) — журналист, поэт. Учился в Воронежском педагогическом институте, затем преподавал в средней школе. С первых дней войны — в действующей армии. Попал в плен под Харьковом, после нескольких неудачных попыток смог бежать. С начала 1942 года — в партизанском отряде. В бою под селом Меркуловка Курской области погиб, спасая раненого товарища.

Валентин ШУЛЬЧЕВ

ДОРОГА НА ЗАПАД

Над просторной рекой пробежала дорога
Мимо зарев и рваной трепещущей мглы.
И над нею маячили хмуро и строго
Переломанных сосен кривые стволы.
Там валялись разбитые смятые танки,
Пушки немо, как брёвна, лежали вразброс.
И над талой землей громоздились останки
Обгорелых лафетов, цепей и колёс.
И над сталью, над башен косыми углами,
Над деревьями, сбитыми в тесный привал,
Умирало тяжёлое мутное пламя.
И, чадая, раскалённый металл остывал.
Дым качался и падал в окопы и щели,
И по выжженным рощам стелился, космат.
И в далёкое небо сурово глядели
Неподвижные лица немецких солдат.
Так вершится итог и кончаются сроки,
И разбитое судно садится на мель.
И просторной могилой земля на востоке
Обернулась любителям новых земель.
Так приходит расплата за кровь и за слёзы.
Шла пехота вперёд, приминая снега.
И на запад советские шли бомбовозы,
И советские танки теснили врага.
И уже на шоссе, на лесные поляны,
Покидая овраги, болота, кусты,
Выходили из дымных лесов партизаны
И над ними знамён загорались цветы.

<1943>

ВСЕВОЛОД НИКОЛАЕВИЧ ЛОБОДА (1915–16.10.1944) родился в Киеве. Был рабочим, журналистом; учился в Литературном институте им. А. М. Горького. На войну ушёл добровольцем. Был пулемётчиком, воевал под Ленинградом, Старой Руссой, Великими Луками. Некоторое время служил в дивизионной газете. Погиб при прорыве обороны на реке Айвиексте под городом Добеле в Прибалтике.

Всеволод ЛОБОДА

НАЧАЛО

Лес раскололся тяжело,
Седой и хмурый.
Под каждым деревом жерло
Дышало бурей...

Стволам и людям горячо,
Но мы в азарте.
Кричим наводчикам:
«Ещё,
Ещё ударьте!..»

Дрожит оглохшая земля.
Какая сила
Ручьи, и рощи, и поля
Перемесила!

И вот к победе напрямиком,
За ротой рота,
То по-пластунски,
То бегом
Пошла пехота.

13 сентября 1944

«Если я не вернусь, дорогая...»

ДАВИД ИСААКОВИЧ КАНЕВСКИЙ (1916–26.12.1944) родился на Полтавщине. Работал слесарем в Харькове, учился на историческом факультете университета. Писал на украинском и русском (большинство фронтовых стихотворений) языках. Ушёл добровольцем в армию, служил корреспондентом в газете «Мужество». Погиб в одном из воздушных боёв над Будапештом, выполняя задание редакции.

Давид КАНЕВСКИЙ

ФЕВРАЛЬ

Снега, снега... В полях бушует вьюга —
Ещё сильны законы февраля.
Но погляди: воспрянула земля
От Севера до солнечного Юга.
Огня и льда преодолев преграды,
Немецкой чёрной злобе вопреки,
Идут вперёд железные полки,
Плывут к Днепру знамёна Сталинграда.

1943

ЛЕОНИД РАФАИЛОВИЧ ШЕРШЕР (1916–30.08.1942) родился в Одессе. Стихи писал с детства. Окончил Московский институт истории, философии и литературы (ИФЛИ) в 1940 году и был призван в армию. С августа 1941-го — военный корреспондент газеты авиации дальнего действия «За правое дело». Одновременно как стрелок-радист участвовал в боевых вылетах. Погиб во время выполнения боевого задания.

Леонид ШЕРШЕР

ВЕТЕР ОТ ВИНТА

Как давно нам уже довелось фронтовые петлицы
Неумелой рукой к гимнастерке своей пришивать,
Золотые, привыкшие к синему птицы
По защитному небу легко научились летать.
Хоть клянусь не забыть — может, всё позабуду на свете,
Когда час вспоминать мне о прожитых днях подойдёт,
Не смогу лишь забыть я крутой и взволнованный ветер
От винта самолета, готового в дальний полёт.

Не сумею забыть этот ветер тревожной дороги,
Как летит он, взрываясь над самой моей головой,
Как в испуге ложится трава молодая под ноги
И деревья со злостью качают зелёной листвою.
Фронтовая судьба! Что есть чище и выше на свете!
Ты живёшь, ощущая всегда, как тебя обдаёт
Бескорыстный, прямой, удивительной ясности ветер
От винта самолёта, готового в дальний полёт.

Тот, кто раз ощущал его сердцем своим и душою, —
Тот бескрылым не сможет ходить никогда по земле,
Тот весь век называет свою счастливой звездой
Пятикрылые звёзды на синем, как небо, крыле.
И куда б ни пошёл ты — он всюду проникнет и встретит,
Он могучей рукою тебя до конца поведёт —
Беспощадный, упрямый в своём наступлении ветер
От винта самолёта, готового в дальний полёт.

Ты поверь мне, что это не просто красивая фраза,
Ты поверь, что я жить бы, пожалуй, на свете не мог,
Если б знал, что сумею забыть до последнего часа
Ветер юности нашей, тревожных и дальних дорог.
А когда я умру и меня повезут на лафете,
Как при жизни, мне волосы грубой рукой шевельнёт
Ненавидящий слёзы и смерть презирующий ветер
От винта самолёта, идущего в дальний полёт.

1942

«Если я не вернусь, дорогая...»

ИОСИФ МОИСЕЕВИЧ ЛИВЕРТОВСКИЙ (1918 — лето 1943) родился в Днепрпетровске. Окончил Омский педагогический институт. Писал стихи, занимался переводами с немецкого. С 1942 года — на фронте, сержант, командир артиллерийского расчёта, затем стрелкового отделения. Погиб под Орлом в Орловско-Курском сражении.

Иосиф ЛИВЕРТОВСКИЙ

ПАПИРОСЫ

Я сижу с извечной папиросой,
Над бумагой голову склоня,
А отец вздохнёт, посмотрит косо —
Мой отец боится за меня.
Седенький и невысокий ростом,
Он ко мне любовью был таков,
Что убрал бы, спрятал папиросы
Магазинов всех и всех ларьков.
Тут же рядом, прямо во дворе,
Он бы сжёг их на большом костре.
Но, меня обидеть не желая,
Он не прятал их, не убирал...
Ворвалась война, война большая.
Я на фронт, на запад уезжал.
Мне отец пожал впервые руку.
Он не плакал в длинный миг разлуки.
Может быть, отцовскую тревогу
Заглушил свистками паровоз.
Этого не знаю.
Он в дорогу
Подарил мне пачку папирос.

1942

НИКОЛАЙ ОВСЯННИКОВ (1918–1942) учился в Московском институте истории, философии и литературы (ИФЛИ). Погиб под Сталинградом.

Николай ОВСЯННИКОВ

МАЙ 1941 — МАЙ 1942 года

В том мае мы ещё смеялись,
Любили зелень и огни.
Ни голос скрипок, ни рояли
Нам не пророчили войны.
Мы не догадывались, споря
(Нам было тесно на земле),
Какие годы и просторы
Нам суждено преодолеть.
Париж поруганный и страшный,
Казалось, на краю земли,
И Новодевичьего башни
Покой, как Софью, стерегли.

И лишь врасплох, поодиночке,
Тут бред захватывал стихи,
Ломая ритм, тревожа строчки
Своим дыханием сухим.

Теперь мы и схожей, и старше,
Теперь в казарменной ночи
На утренний подъем и марши —
Тревогу трубят трубачи.

Теперь, мой друг и собеседник,
Романтика и пот рубах
Уже не вымысел и бредни,
А наша трудная судьба.

Она сведёт нас в том предместье,
Где боя нет, где ночь тиха,
Где мы, как о далёком детстве,
Впервые вспомним о стихах.

Пусть наша юность не воскреснет,
Траншей и поля старожил!
Нам хорошо от горькой песни,
Что ты под Вязьмою сложил.

1942

«Если я не вернусь, дорогая...»

ГЕОРГИЙ УШКОВ (1918–1944), погиб на фронте.

Георгий УШКОВ

* * *

У нас уже с деревьев на ветру
Ковром шушинским пала позолота,
И голубой порошей поутру
Затягивает жёлтые болота.

Я гость здесь, в этой хмурой стороне,
Но, солнечный товарищ мой далекий,
Мне с каждым днём становятся родней
И эти непроезжие дороги.

И трупы сломанных войной берёз,
И боль ещё дымящихся развалин,
И дети в них, печальные до слёз,
И деревень старинные названья.

Товарищ мой, рассвет ещё далек,
Кусочек неба звёздами украшен,
В немецкой фляжке тлеет фитилек,
И жадно спят бойцы, устав на марше.

Ещё немало дней нам глину мять,
Шинелей не снимать в походе длинном, —
Чтоб в стороне чужой чужая мать
Меня, прижав к груди, назвала сыном.

2 октября 1943

Западный фронт

МИХАИЛ ВАЛЕНТИНОВИЧ КУЛЬЧИЦКИЙ (1919–19.01.1943) родился в Харькове. Писал на русском и украинском языках. Учился в Харьковском университете, затем в Литературном институте им. А. М. Горького (семинар Ильи Сельвинского). Добровольцем ушёл в армию и после окончания пулемётно-миномётного училища в звании младшего лейтенанта в декабре 1942 года отбыл на фронт. Погиб в бою под Сталинградом.

Михаил КУЛЬЧИЦКИЙ

* * *

Я вижу красивых вихрастых парней,
Что чехвостят казённых писак.
Наверно, кормильцы оконных вшей
Интендантов честили так.

И стихи, что могли б прокламацией стать
И свистеть, как свинец из винта,
Превратятся в пропыленный инвентарь
Орден, что сукну не под стать.

Золотая русская сторона!
Коль снарядов окончится лязг,
Мы вобьём в эти жерла свои ордена,
Если в штабах теперь не до нас.

1941

* * *

Мечтатель, фантазёр, лентяй, завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
Вертящихся пропеллерами сабель.

Я раньше думал: лейтенант
Звучит «налейте нам»,
И, зная топографию,
Он топает по гравию.

Война ж совсем не фейерверк,
А просто трудная работа,
Когда —
 черна от пота —
Скользит по пахоте пехота.

вверх

Марш!
И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промерзших ног
Наворачивается на чёботы
Весом хлеба в месячный паек.

На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжёлых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
С ежедневными Бородино.

26 декабря 1942 года

Хлебниково — Москва

ГЕОРГИЙ КУЗЬМИЧ СУВОРОВ (1919 — февраль 1944) родился в Енисейской губернии (ныне Красноярский край). Окончил педагогический техникум, работал учителем. С первых дней войны в действующей армии. Служил в дивизии генерала Панфилова. В бою под Ельней был ранен. С весны 1942 года — участник боевых действий на Ленинградском фронте. Гвардии лейтенант, командир взвода противотанковых ружей. Смертельно ранен при отражении контратаки немецких танков на переправе через реку Нарова.

Георгий СУВОРОВ

* * *

Капитану Строилову

Спуская лодки на Неву, мы знали,
Что немцы будут бить из темноты,
Что грудью утолим мы голод стали
И обагрим свинцовых волн хребты,

Что будут жадно резать пулемёты
Струёю алой злую стену тьмы...
Мы это твёрдо знали, оттого-то
За левый берег зацепились мы.

И, отгеснив врага от волн полночных,
Мы завязали с ним гранатный бой.
Мы твёрдо знали. Да, мы знали точно —
Победу нам даёт лишь кровь и боль.

<1943>

* * *

Полковнику Подлуцкому

Над лесом взмыла красная ракета,
И дрогнуло седое море мглы.
Приблизили багровый час рассвета
Орудий воронёные стволы.

От грохота раскалывались тучи,
То опускаясь, то вздымая вверх,
Через Неву летел огонь гремящий —
И за Невую чёрной смертью мерк.

И так всю ночь, не ведая покоя,
Мы не гасили грозного огня.
И так всю ночь, за русскою Невую
Земля горела, плавилась броня.

И так всю ночь гремели батареи,
Ломая доты за рекой во рву, —
Чтоб без потерь, стремительней, дружнее
Пехота перешла через Неву.

Чтобы скорее в схватке рукопашной
Очистить дорогие берега,
Чтоб, растопив навеки день вчерашний,
Встал новый день над трупами врага.

<1943>

МЕСТЬ

Мы стали молчаливы и суровы,
Но это не поставят нам в вину.
Без слова мы уходим на войну
И умираем на войне без слова.

Всю нашего молчанья глубину,
Всю глубину характера крутого
Поймут как скорбь по жизни светлой, новой,
Как боль за дорогую нам страну.

Поймут как вздох о дорогом рассвете,
Как ненависть при виде вражьих стад...
Поймут — и молчаливость нам простят.

Простят, услышав, как за нас ответят
Орудия, винтовки, сталь и медь,
Сурово выговаривая слово: «Мечь!»

<1943>

* * *

Мы тоскуем и скорбим.
Слезы льём от боли...
Чёрный ворон, чёрный дым,
Выжженное поле...

А за гарью, словно снег,
Ландыши без края...
Рухнул наземь человек, —
Приняла родная.

Беспокойная мечта,
Не сдержать живую...
Землю милую уста
Мёртвые целуют.

И уходит тишина...
Ветер бьёт крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.

<1944>

ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ ПОЛЯКОВ (1920–25.10.1942) родился в Москве. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Ушёл на фронт добровольцем, служил военным переводчиком в звании техника-интенданта 2-го ранга. Погиб в Сталинграде на территории Тракторного завода.

Евгений ПОЛЯКОВ

О ЗВЁЗДАХ

Как горький чёрный кофе,
я пил предчувствие ночи
и не знал, придётся ли
встретить ещё раз свет,
и если я был растрёпан,
и если я был всклокочен,
то это я был случайно
последней звездой задет.
Она упала,
и мало рассыпалось блёсток,
а те, что подмигивали мне
ещё в Москве —
у Каменного моста,
померкли в синей трясине.
И небо раскинулось
в виде негра —
сплошная темень,—
хоть бы одно пятно,
и земля от траншей —
спина зебры,
и всё это было — одно.
Только на горизонте
пара звёзд
зоркость свою не утратили,
и как одна,
так и другая,
смотрели долго, не мигая,
мудро,
как глаза
матери.

1942

ЕЩЁ О ЗВЁЗДАХ

Меня никто не провожал,
не согревал никто вагонного стекла,
когда луна, как лезвием ножа,
последний вздох мой
у горла пресекла.
И я остался не дыша —
один.
А может, нет.
Звезда ещё одна,—
она заботлива, как мать,
и верить ли?
Кто мог сказать:
«Смотри, родной, не упади».
Я шапку снял

и встал на цыпочки,
чтоб видеть говорящую звезду,
а ветер взял и небо выпачкал,
и я не видел говорящую звезду.
А ветер взвыл
от непосильной тяжести
ещё носить беду
в сорок втором году.
И на шапке
я нащупал, кажется,
ту самую Звезду.

1942

* * *

Я хочу, чтоб ты думала обо мне,
ночи думала обо мне,
ночи бредила во сне
и думала, думала обо мне.
Я тебя очень любил весной,
когда захлёбывались занавески,
и вечер, как густой настой,
до тошноты поил,
в глазах двоил,
а я стоял один
на площади на той,
на Пушкинской
(на бывшей на Страстной),
и говорить мне было
не с кем.
О! Ты в те года была горда.
О! Ты в те года не ведала войну.
И я теперь, любимая,
иду по городам,
любимая,
я именем твоим по городам
окрапливаю тишину.
Но только тишина
приходит очень редко
сквозь миномётный гул
и самолётный гуд,
и даже в тишине
на самой тонкой ветке
нас меткие кукушки стерегут.
И, может, в этот час
я получу такую рану,
что сердце остановится
в затянутом ремне,
и я к обеду
неожиданно нагрюну,
когда подумаешь ты только
обо мне.

1942

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ ПОДСТАНИЦКИЙ (1921–28.06.1942) жил и работал в Мурманске, на Кольском полуострове. После начала войны, окончив лётную школу, был на фронте стрелком-радистом; сержант. Награждён орденом Красной Звезды и орденом Красного Знамени (посмертно). Погиб в воздушном бою у станции Коротыш под Ливнами (Орловская область).

Александр ПОДСТАНИЦКИЙ

* * *

А. Лебедеву

Когда моряк уходит в плаванье,
Он счастлив, потому что вновь
В кильватер с ним уйдет из гавани
Знакомой девушки любовь.

И на просторах закипающих,
Как там вчера, на берегу,
Она ласкает ободряюще
И просит мщенья врагу.

Когда ревет мотор: «Внимание!» —
Все ждут приказа в бой лететь,
Как хочет лётчик на прощание
В глаза любимой поглядеть!

В полёте мерят жизнь минутами,
Но нет — ему не тяжело,
Лишь только б с ним, его маршрутами,
Летело девичье тепло.

Стоянки моряков обычные —
Суда врага, развеяв в дым,
Они дорогами привычными
Приходят к гаваням родным.

Величьем города влекомые,
К причалам пристают легко,
И город — старые знакомые! —
Берёт в объятья моряков.

Совсем не так у нас, летающих:
Придёшь с полёта — вновь зовут,
И вновь стартёры провожающие
Флажками белыми махнут.

И через миг, как ветром, выдует
Поэмы, лирику, тоску...
Вот почему чуть-чуть завидует
Военный лётчик моряку.

Июнь 1942

* * *

Рассказать тебе, как в небо сине
За Отчизну-Родину на бой

Уходил на скоростной машине
Парень, не целованный тобой.

Рассказать, как в утреннем тумане,
В предрассветной дымке голубой
«Мессершмитта» парень протаранил,
Невредимым возвратясь домой.

Рассказать, как с виртуозным блеском
Он колонны фрицев штурмовал,
Как седой заслуженный комэска
Перед строем парня обнимал.

Впрочем, лучше все рассказы бросим,
Не шути любовью, не балуй, —
Ты его, пожалуйста, мы просим,
Поцелуй, покрепче поцелуй!

Июнь 1942

ПОСЛЕ ВЫЛЕТА

Знает каждый, как необходимо,
Возвратясь с задания, опять
Маленькую карточку любимой,
Не стыдясь друзей, поцеловать.

Позабить хотя бы на минуту
Песню боя, что ревел мотор,
Боль в плечах от лямок парашюта,
Пулемётов быстрый разговор.

И вот так — портрет в руке сжимая,
Широко и радостно вздохнуть,
Тёплый шлем и унты не снимая,
Под тенистой плоскостью заснуть.

Хорошо, когда во сне приснится
Дальних улиц шумная гроза,
Смех весёлый, чёрные ресницы,
Озорные синие глаза...

Ширь полей... И где-то над лесами
В синем небе самолёта звук,
Чтоб проснуться по тревоге вдруг,
«Есть в полёт!» — сказать, блеснув глазами,
И опять над вражьими тропами
Опорожнить мощный бомболюк.

Июнь 1942

ВСЕВОЛОД ЭДУАРДОВИЧ БАГРИЦКИЙ (1922–26.02.1942) родился в Одессе; сын поэта Эдуарда Багрицкого (1895–1934). В 1937 году была репрессирована его мать. Работал в «Литературной газете», учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Хотя из-за сильной близорукости был освобождён от воинской службы и эвакуирован, добился назначения в газету «Отвага» Второй ударной армии Волховского фронта. Погиб при выполнении боевого задания в деревне Дубовик близ Любани (Ленинградской область).

Всеволод БАГРИЦКИЙ

* * *

Нам не жить, как рабам,
Мы родились в России,
В этом наша судьба,
Непокорность и сила.

<декабрь 1941>

ОЖИДАНИЕ

Мы двое суток лежали в снегу.
Никто не сказал: «Замёрз, не могу».
Видели мы — и вскипала кровь —
Немцы сидели у жарких костров.

Но, побеждая, надо уметь
Ждать негодюя, ждать и терпеть.
По чёрным деревьям всходил рассвет,
По чёрным деревьям спускалась мгла...
Но тихо лежи, раз приказа нет,
Минута боя еще не пришла.

Слышали (таял снег в кулаке)
Чужие слова на чужом языке.
Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, коль дома сын,
Звезды февральские пересчитал.

Ракета всплывает и сумрак рвёт.
Теперь не жди, товарищ! Вперёд!
Мы окружили их блиндажи,
Мы половину взяли живьём...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твоё.

Кончился бой. Теперь отдохнуть,
Ответить на письма... И снова в путь!

1942

БОРИС АНДРЕЕВИЧ БОГАТКОВ (1922–11.08.1943) родился в Красноярском крае. Перед войной работал проходчиком на строительстве метро; учился на вечернем отделении Литературного института им. А. М. Горького. На фронте был ранен и контужен, получил инвалидность, но вновь добился отправки в действующую армию в составе Сибирской добровольческой дивизии. Гвардии старший сержант. Героически погиб в бою за Гнездиловскую высоту (в районе Смоленск — Ельня), ведя свой взвод автоматчиков в атаку. Его имя навечно занесено в списки дивизии. Посмертно награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

Борис БОГАТКОВ

НАКОНЕЦ-ТО!

Новый чемодан длиной в полметра,
Кружка, ложка, ножик, котелок...
Я заранее припас всё это,
Чтоб явиться по повестке в срок.

Как я ждал её! И наконец-то,
Вот она, желанная, в руках!..
...Пролетело, отшумело детство
В школах, в пионерских лагерях.

Молодость девичьими руками
Обнимала и ласкала нас,
Молодость холодными штыками
Засверкала на фронтах сейчас.

Молодость за всё родное биться
Повела ребят в огонь и дым,
И спешу я присоединиться
К возмужавшим сверстникам моим!

1941

ГОДЕН!

Всё с утра идёт чередой обычной.
Будничный, осенний день столичный —
Славный день упорного труда.
Мчат троллейбусы, гремят трамваи,
Зов гудков доносится с окраин,
Торопливы толпы, как всегда.

Но сегодня и проходим в лица,
И на здания родной столицы
С чувствами особыми гляжу,
А бойцов дарю улыбкой братской —
Я последний раз в одежде штатской
Под военным небом прохожу!..

1941

* * *

У эшелона обнимемся.
Искренняя и большая,
Солнечные глаза твои
Вдруг затуманит грусть.

«Если я не вернусь, дорогая...»

До ноготков любимые,
Знакомые руки сжимая,
Повторю на прощанье:
«Милая, я вернусь».
Я должен вернуться, но если...
Если случится такое,
Что не видать мне больше
Суровой родной стороны,—
Одна к тебе просьба, подруга:
Сердце своё простое
Отдай ты честному парню,
Вернувшемуся с войны.

Декабрь 1942

ЗАХАР МАТВЕЕВИЧ ГОРОДИССКИЙ (1922–12.08.1943) родился и жил в Самаре. Ещё школьником был известен в городе своими стихами. Окончив с отличием школу в канун войны, ушёл на фронт добровольцем. Был разведчиком, пулемётчиком. В феврале 1942 года получил первое ранение. После излечения вернулся в строй. 1 июля 1943 года был контужен, но не покинул поле боя, за что удостоен медали «За отвагу». 12 июля на Орловско-Курской дуге при атаке был тяжело ранен в обе ноги и скончался от последствий этих ранений. Награждён за этот бой второй медалью «За отвагу».

Захар ГОРОДИССКИЙ

* * *

Если мне смерть повстречается близко
И уложит с собою спать,
Ты скажешь друзьям, что Захар Городисский
В боях не привык отступать.

Что он, нахлебавшись смертельного ветра,
Упал не назад, а вперёд,
Чтоб лишних сто семьдесят два сантиметра
Вошли в завоёванный счёт.

9 августа 1943

«Если я не вернусь, дорогая...»

ЛЕОНИД ОСИПОВИЧ РОЗЕНБЕРГ (1924–1.08.1944) родился в Одессе. Жил в Москве. В 1938 году отец пал жертвой коммунистических репрессий. После начала войны был эвакуирован с матерью в Сибирь; здесь был призван в армию. Окончил артиллерийское училище и в звании лейтенанта был командиром огневого взвода, затем — командиром батареи, адъютантом командира полка. Его стихи, посылаемые с фронта, сохранила мать, Мария Михайловна. Погиб в бою во время освобождения Латвии. Был награждён медалью «За отвагу», орденами.

Леонид РОЗЕНБЕРГ

АРТПОДГОТОВКА

Часы в руке у генерала.
Ждут у орудий номера.
За стрелками следя устало,
Он тихо говорит: «Пора»

Качнулось небо в редких звёздах,
И, ветви елей шевеля,
Разорванный метнулся воздух,
И тяжело дрогнула земля.

За муки Родины любимой,
За слёзы русских матерей
Рванулся в ночь неумолимый
Огонь тяжёлых батарей.

Он темноту ночную выжег,
Но снова залп и вновь другой...
Зарницы орудийных вспышек
Дым заволок пороховой.

У раскалившихся орудий
Горячая работа шла.
Оглохшие от гула люди
Разделись чуть не догола.

Во имя праведного мщенья
В расположении врага
Бушует смерч уничтоженья,
Огня и стали ураган.

В залог успешного похода
Огонь преграды все прорвёт.
На штурм поднимется пехота,
И ринутся полки вперёд.

1944, действующая армия

Стихотворения ВИКТОРА ЛУЗГИНА много лет входят в сборники поэтов, павших на Великой Отечественной войне, однако никто из антологистов доселе не смог установить каких-либо фактов его биографии, кроме того, что он погиб на фронте в 1945 году. Можно сказать, что в русской военной лирике Виктор Лузгин олицетворяет собой неизвестных поэтов-фронтовиков, к стихотворениям которых по справедливости должны быть приложены слова, сходные с теми, что обращены к Неизвестному солдату: «Могилы ваши неизвестны. Строки ваши нетленны».

Виктор ЛУЗГИН

* * *

Коль выйдет так, что полем боя
Идти придётся сквозь огни,
Давай условимся с тобою
На все последующие дни:

Во-первых, в трудный час разлуки
Не проливать ненужных слёз
И не ломать, закинув, руки
Над русым ворохом волос.

И, во-вторых, чтоб трезво, грубо
О всех невзгодах мне писать,
В час одиночества чтоб губы
С тяжёлым всхлипом не кусать.

Нет, лучше, губы сжав упрямо,
Превозмогая в сердце дрожь,
Пошли мне, право, телеграмму,
Что любишь, что с тоскою ждёшь.

Пусть будет малость безрассудно:
Но там, за далью, за войной.
Я буду знать, как в жизни трудно
Быть неприкаянной, одной.

В землянке средь снегов ночуя,
Из боя вновь шагая в бой,
Я буду, устали не чуя,
Идти, чтоб встретиться с тобой.

ВСТУПЛЕНИЕ

Фронтная старая тетрадка
Кровью перемочена в бою.
Как упрямства русского разгадку,
Я тебя огласке предаю.
Воскреси задымленные даты,
Допиши сегодня до конца
Светлый облик русского солдата
До последней чёрточки лица.
Встанет он не витязем из сказки,
Побывавшим тыщу раз в боях.
С автоматом, в запылённой каске,
В кирзовых армейских сапогах.

Михаил ЗЕНКЕВИЧ
Самуил МАРШАК
Наталья КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ
Анна АХМАТОВА
Борис ПАСТЕРНАК
Илья ЭРЕНБУРГ
Георгий ИВАНОВ
Родион БЕРЁЗОВ
Павел АНТОКОЛЬСКИЙ
Георгий ОБОЛДУЕВ
Алексей СУРКОВ
Михаил ИСАКОВСКИЙ
Анна БАРКОВА
СТРАННИК
Николай ЗАБОЛОЦКИЙ
Николай КУДАШЕВ
Илья ФРЕНКЕЛЬ
Дмитрий КЕДРИН
Арсений ТАРКОВСКИЙ
Ашот ГАРНАКЕРЬЯН
Елена ВЕЧТОМОВА
Николай РЫЛЕНКОВ
Александр ГИТОВИЧ
Яков БЕЛИНСКИЙ
Цезарь СОЛОДАРЬ
Владимир АДМОШИ
Ольга БЕРГГОЛЬЦ
Александр ТВАРДОВСКИЙ
Николай ГРИБАЧЁВ
Игорь ВЯХИРЕВ
Анатолий САФРОНОВ
Александр КОВАЛЕНКОВ
Вероника ТУШНОВА
Александр НЕЙМИРОК
Семен ЛИПКИН
Лев ОШАНИН
Ярослав СМЕЛЯКОВ
Ян САТУНОВСКИЙ
Сергей МИХАЛКОВ
Александр ЯШИН
Владимир ЛИВШИЦ
Савелий ГРИНБЕРГ
Яков ХЕЛЕМСКИЙ
Леонид ВЬШЕСЛАВСКИЙ
Павел ШУБИН
Глеб ПАГИРЕВ
Виктор БОКОВ
Алексей НЕДОГОНОВ
Иван ДЕМЬЯНОВ
Вадим ШЕФНЕР
Татьяна СЫРЫЩЕВА
Анатолий ЧИВИЛИХИН
Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ
Дмитрий КОВАЛЁВ
Михаил МАТУСОВСКИЙ
Маргарита АЛИГЕР
Константин СИМОНОВ

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА
Александр СОБОЛЕВ
Михаил ДУДИН
Михаил ЛЬВОВ
Павел БОГДАНОВ
Николай ФОМИЧЁВ
Глеб СЕМЁНОВ
Михаил ЛУКОНИН
Иван ЕЛАГИН
Нина НОВОСЕЛЬНОВА
Александр ВОЛОДИН
Алексей ФАТЬЯНОВ
Борис СЛУЦКИЙ
Юрий РАЗУМОВСКИЙ
Сергей НАРОВЧАТОВ
Сергей АРАКЧЕЕВ
Александр ЛЮКИН
Алексей МАРКОВ
Анисим КРОНГАУЗ
Давид САМОЙЛОВ
Леонид РЕШЕТНИКОВ
Виктор ГОНЧАРОВ
Александр КОРЕНЕВ
Юрий БЕЛАШ
Владимир БОБРОВ
Василий СУББОТИН
Анатолий КЛЕЩЕНКО
Юрий ГРУНИН
Яков КОЗЛОВСКИЙ
Сергей ОРЛОВ
Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ
Семен ГУДЗЕНКО
Григорий ПОЖЕНЯН
Сергей ВИКУЛОВ
Александр МЕЖИРОВ
Эдуард АСАДОВ
Генрих РУДЯКОВ
Алексей ДАДЬЯНОВ
Николай ПАНЧЕНКО
Михаил БОРИСОВ
Булат ОКУДЖАВА
Юлия ДРУШИНА
Овидий ЛЮБОВИКОВ
Николай СТАРШИНОВ
Александр НИКОЛАЕВ
Наум КОРЖАВИН
Евгений ВИНУКUROV
Константин ЛЕВИН
Константин ВАШЕНКИН
Ион ДЕГЕН
Герман ГОПТЕ
Григорий КОРИН
Алексей СМОЛЬНИКОВ
Сергей БАРУЗДИН
Евдоким РУСАКОВ
Степан КУРЛОВ
Владимир КЛЕТИКОВ

«ДЫМ ВОЙНЫ, ЧТО В ДУШУ
МНЕ ПРОНИК...»

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗЕНКЕВИЧ (1886–1973). Родился в Саратовской губернии. Учился в университетах Германии, окончил юридический факультет Петроградского университета. Поэт, переводчик. В эпоху Серебряного века имел репутацию разрушителя литературных табу. В годы войны — на литературной работе в Политуправлении Красной Армии.

Михаил ЗЕНКЕВИЧ

ЮЖНАЯ КРАСАВИЦА

Ночь такая, как будто на лодке
Золотистым сияньем весла
Одесситка, южанка в пилотке,
К Ланжерону меня довезла.

И встает ураганной завесой,
Чтоб насильник его не прорвал,
Над красавицей южной — Одессой
Заградительный огненный вал.

Далеко в чернозёмные пашни
Громобойною вспашкой весны
С черноморских судов бронебашни
Ударяют огнём навесным.

Рассыпают ракеты зенитки,
И початки сечёт пулемет...
Не стрельба — тёмный взгляд одесситки
В эту ночь мне уснуть не дает.

Что-то мучит в его укоризне:
Через ложу назад в полутьму
Так смотрела на Пушкина Ризнич
И упрёк посылала ему.

Иль под свист каватины фугасной,
Вдруг затмением зрачков потемнев,
Тот упрек непонятный безгласный
Обращается также ко мне?

Сколько срублено белых акаций,
И по Пушкинской нет мне пути.
Неужели всю ночь спотыкаться
И к театру никак не пройти?

Даже камни откликнуться рады,
И брусчатка, взлетев с мостовых,
Улеглась в штабеля баррикады
Для защиты бойцов постовых.

И я чувствую с Чёрного моря
Через тысячевёрстный размах
Долетевшую терпкую горечь
Поцелуя её на устах.

И ревную её, и зову я,
И упрёк понимаю ясней:
Почему в эту ночь грозовую
Не с красавицей южной, не с ней?

1941

* * *

Начитавшись сообщений о боевых действиях,
Я проснулся ночью в поту от ужаса:
Мне снилось, что я потерял хлебную карточку.

3 апреля 1942

У ДВУХ ПРОТАЛИН

Пасхальной ночью
у двух проталин
Два трупа очнулись
и тихо привстали.
Двое убитых
зимою в боях,
Двое открытых
весною в снегах.
И долго молчали
и слушали оба
В тревожной печали
остывшей злобы.
«Christ ist erstanden!»* —
сказал один,
Поняв неустанный
шорох льдин.
«Христос воскрес!» —
другой ответил,
Почуяв над лесом
апрельский ветер.
И как под обстрелом
за огоньком,
Друг к другу несмело
пробрались ползком.
И троекратно
облобызались,
И невозвратно
с весною расстались,
И вновь онемело,
как трупы, легли
На талое тело
воскресшей земли...
Металлом визжало,
взметалось пламя:
Живые сражались,
чтоб стать мертвецами.

5 апреля 1942

НАЙДЁНЫШ

Пришёл солдат домой с войны,
Глядит: в печи огонь горит,
Стол чистой скатертью накрыт,
Чрез край квашни текут блины,
Да нет хозяйки, нет жены!

* «Христос воскрес!» (нем.).

Он скинул вещевой мешок,
Взял для прикурки уголёк.
Под печкой, там, где темнота,
Глаза блеснули... Чьи? Кота?
Мышиный шорох, тихий вздох...
Нагнулся: девочка лет трех.

«Ты что сидишь тут? Вылезай».
Молчит, глядит во все глаза,
Пугливее зверёнышка,
Светлей кудели волоса,
На васильках — роса — слеза.
«Как звать тебя?»
«Алёнушка».
«А дочь ты чья?»
Молчит... «Ничья.
Нашла маманька у ручья
За дальнею полосонькой,
Под белую берёзонькой».
«А мамка где?» — «Укрылась в рожь.
Боится, что ты нас убьёшь...»

Солдат воткнул в хлеб острый нож,
Оперся кулаком о стол,
Кулак свинцом налит, тяжёл.
Молчит солдат, в окно глядит —
Туда, где тропка вьётся вдаль.
Найдёныш рядом с ним сидит,
Над сердцем теревит медаль.
Как быть?
В тумане голова.
Проходит час, а может, два.
Солдат глядит в окно и ждёт:
Придёт жена иль не придёт?
Как тут поладишь, жди не жди...
А девочка к его груди
Прижалась бледным личиком,
Дешёвым блёклым ситчиком...

Взглянул:
у притолки жена
Стоит, потупившись, бледна...
«Входи, жена! Пеки блины.
Вернулся целым муж с войны
Былое порастёт быльём,
Как дальняя сторонюшка.
По-новому мы заживём,
Вот наша дочь — Алёнушка!»

Декабрь 1945

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК (1887–1964). Родился в Воронеже в семье мастера мыловаренного завода. В детстве имел репутацию вундеркинда, был подержан В. В. Стасовым и А. М. Горьким. Учился в Лондонском университете. Дебютировал поэтическим сборником «Сиониды», в период Гражданской войны — автор ярких антибольшевистских фельетонов и сатирических стихотворений. В годы Великой Отечественной войны активно писал для газет. Поэт, переводчик; классик детской литературы. Лауреат Сталинских и Ленинской премии.

Самуил МАРШАК

ЗИМНИЙ ПЛАКАТ

Ты каждый раз, ложась в постель,
Смотри во тьму окна
И помни, что метёт метель
И что идёт война.

ДА БУДЕТ СВЕТ

Да будет свет — веселый, яркий —
В наш первый вечер торжества!
Открыла площади и парки
Незатемнённая Москва.

Перекликаются в беседе
Московской улицы огни.
Один другому о победе
Сигнализируют они.

Но пусть опять над Спасской башней
Огнём наполнилась звезда, —
Вчерашней ночи, тьмы вчерашней
Мы не забудем никогда.

Да будет вечной та минута,
Когда во тьме сверкал нам свет
Двадцатикратного салюта —
Сиянье залпов и ракет.

Весной, и летом, и в морозы
Взлетал фонтаном фейерверк.
В нём были ялтинские розы,
И венский парк, и Кёнигсберг.

Мы будем помнить эти годы,
Когда, охваченные тьмой,
Шли осторожно пешеходы
По нашей улице немой,

Когда столица провожала
Бойцов на фронт, а семьи в тыл,
И от незримого вокзала
Неслышно поезд отходил.

Так мы работали и жили,
И этой зоркой темнотой
Мы наше право заслужили
На свет победно-золотой.

Апрель 1945

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА КРАНДИЕВСКАЯ (1888–1963). Родилась в Москве. Поэтесса, приобретшая признание ещё в дооктябрьское время. Критика говорила об «удивительном искусстве» Крандиевской передавать «тончайшие сложнейшие настроения при большой глубине мысли». Пережила ленинградскую блокаду. Набор книги её блокадной лирики, беспрецедентной по своему трагизму и силе художественного выражения, был рассыпан в 1946 году после известного доклада А. А. Жданова, положившего начало послевоенным литературным и интеллектуальным гонениям в СССР.

Наталья КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

* * *

На салазках, кокон пряменький
Спеленав, везёт
Мать заплаканная, в валенках,
А метель метёт.

Старушонка лезет в очередь,
Охает, крестясь:
«У моей, вот тоже, дочери,
Схоронён вчера».

Бог прибрал, и, слава Господу,
Легше им и нам.
Я сама-то скоро с ног спаду
С этих со ста грамм».

Труден путь, далёк до кладбища.
Как с могилой быть?
Довезти сама смогла б ещё, —
Сможет ли зарыть?

А не сможет — сложат в братскую.
Сложат, как дрова,
В трудовую ленинградскую,
Закопав едва.

И спешат по снегу валенки, —
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

* * *

На крыше пост. Гашу фонарь.
О, эти розовые ночи!
Я белые любила встарь, —
Страшнее эти и короче.

В кольце пожаров расцвела
Их угрожающая алость.
В ней всё сгорит, сгорит дотла
Всё, что от прошлого осталось.

Но ты, бессонница моя,
Без содрогания и риска
Глядишь в огонь небытия,

Подстерегающий так близко.
Заворожённая, глядишь
На запад, в зарево Кронштадта,
На тени куполов и крыш...
Какая глушь! Какая тишь!
Да был ли город здесь когда-то?

* * *

В кухне крыса пляшет с голоду,
В темноте гремит кастрюлями.
Не спугнуть её ни холодом,
Ни холерою, ни пулями.

Что беснуешься ты, старая?
Здесь и корки не доищешься,
Здесь давно уж злою карою,
Сновиденьем стала пища вся.

Иль со мною подружилась ты
И в промёрзшем этом здании
Ждёшь спасения, как милости,
Там, где теплится дыхание?

Поздно, друг мой, догадалась я!
И верна и не виновна ты.
Только двое нас осталось —
Сторожить пустые комнаты

* * *

А муза не шагает в ногу, —
Как в сказке, своевольной дурочкой
Идёт на похороны с дудочкой,
На свадьбе — плачет у порога.

Она, на выдумки искусница,
Поёт под грохот артобстрела
О том, что бабочка-капустница
В окно трамвая залетела.

О том, что заросли картошками
На поле Марсовом зенитки
И под дождями и бомбёжками
И те и эти не в убытке.

О том, что в амбразурах Зимнего
Дворца пустого — свиты гнёзда
И только ласточкам одним в него
Влетать не страшно и не поздно,

И что легендами и травами
Зарос, как брошенная лира,
Мой город, осиянный славами,
Непобеждённая Пальмира!

1943

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА (урождённая Горенко; 1889–1966). Родилась в Одессе. Её первый муж, поэт Николай Гумилёв, в 1921 году был расстрелян большевиками; сын, Лев Гумилёв, много лет провёл в ГУЛАГе, в годы Великой Отечественной войны добровольцем ушёл на фронт. В 1941–1944 годах Анна Ахматова — в эвакуации. В 1946 году после жестокой критики была исключена из Союза советских писателей. Поэтесса, переводчица; классик русской литературы XX века.

Анна АХМАТОВА

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пёстрой суете людской
Всё изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громае влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Весёлых ливней весть,
А этот был, как пекло, сух.
И не хотел смятенный слух
Поверить, по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нёс
Ребенку моему.

1941

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

Февраль 1942

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК (1890–1960). Родился в Москве в семье художника. Окончил Московский университет. В начале Великой Отечественной войны участвовал в гражданско-оборонных мероприятиях, награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Москвы». Поэт, переводчик, прозаик; классик русской литературы XX века. Присуждение ему в 1958 году Нобелевской премии по литературе было враждебно встречено властями СССР. Началась травля поэта, приведшая к его преждевременной кончине.

Борис ПАСТЕРНАК

РУССКОМУ ГЕНИЮ

Не слушай сплетен о другом.
Чурайся старых своден.
Ни в чём не меряйся с врагом,
Его пример не годен.

Чем громче о тебе галдёж,
Тем умолкай надменной.
Не доверяй чужую ложь
Позором объяснений.

Ни с кем соперничества нет.
У нас не поединок.
Полмиру затмевает свет
Несметный вихрь песчинок.

Пусть тучи пыли до небес,
Ты высишься над прахом.
Вся суть твоя — противовес
Коричневым рубахам.

Ты взял над всякой спесью верх
С того большого часа,
Как истуканов ниспроверг
И вечностью запаса.

Оставь врагу его болты,
И медь, и алюминий.
Твоей великой правоты
Нет у него в помине.

1941

СТРАШНАЯ СКАЗКА

Всё переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.

Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.

Запомнится его обстрел.
Сполна зачтётся время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.

Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

1941

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЭРЕНБУРГ (1891–1967). Родился в Киеве в семье инженера, вскоре переехавшей в Москву. Поэт, прозаик, мемуарист, общественный деятель. В годы Великой Отечественной войны был ведущим публицистом Совинформбюро, газет «Правда», «Красная звезда», других изданий. Трижды удостоен Сталинской премии.

Илья ЭРЕНБУРГ

1941

Мяли танки тёплые хлеба,
И горела, как свеча, изба.
Шли деревни. Не забыть вовек
Визга умирающих телег,
Как лежала девочка без ног,
Как не стало на земле дорог.
Но тогда на жадного врага
Ополчились нивы и луга,
Разъярился даже горчицвет,
Дерево и то стреляло вслед.
Ночью партизанили кусты
И взлетали, как щепы, мосты.
Шли с погоста деды и отцы,
Пули подавали мертвецы,
И, косматые, как облака,
Врукопашную пошли века.
Шли солдаты бить и перебить,
Как ходили прежде молотить,
Смерть предстала им не в высоте,
А в крестьянской древней простоте,
Та, что пригорюнилась, как мать,
Та, которой нам не миновать.
Затвердело сердце у земли,
А солдаты шли, и шли, и шли,
Шла Урала тёмная руда,
Шли, гремя, железные стада.
Шёл Смоленщины дремучий бор,
Шёл худой зазубренный топор,
Шли пустые тусклые поля,
Шла большая русская земля.

1941

9 МАЯ 1945 года

Она была в линиялой гимнастёрке,
И ноги были до крови натёрты.
Она пришла и постучалась в дом.
Открыла мать. Был стол накрыт к обеду.
«Твой сын служил со мной в полку одном,
И я пришла. Меня зовут Победа».
Был чёрный хлеб белее белых дней,
И слёзы были соли солоней.
Все сто столиц кричали вдалеке,
В ладоши хлопали и танцевали.
И только в тихом русском городке
Две женщины, как мёртвые, молчали.

«Дым войны, что в душу мне проник...»

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНОВ (1894–1958). Родился в Ковенской губернии (ныне Литва) в семье потомственного военного. Учился в кадетском корпусе. Прозаик, мемуарист; классик литературы русского зарубежья. С 1923 года жил в Париже; в годы Второй мировой войны — в Биаррице (его дом был разрушен во время бомбардировки английской авиацией).

Георгий ИВАНОВ

НА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА РУССКИМИ

Над облаками и веками
Бессмертной музыки хвала:
Россия русскими руками
Себя спасла и мир спасла.

Сияет солнце, вьётся знамя,
И те же вещие слова:
«Ребята, не Москва ль за нами?»
Нет. Много больше, чем Москва!

Май 1945, Биарриц

РОДИОН МИХАЙЛОВИЧ БЕРЁЗОВ (псевдоним Акульшина; 1896–1988). Родился в Самарской губернии. Учился в Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова. Поэт, прозаик, детский писатель. В начале войны был мобилизован в народное ополчение; попал в плен, был отправлен в немецкий лагерь; после победы, спасаясь от репрессий, остался в Германии, затем под вымышленной фамилией переселился в США. Добровольно раскрыл подлог и едва не был насильственно депортирован в СССР. История с поэтом дала наименование драматическому феномену в послевоенном мире («берёзовская болезнь»): после войны многие советские граждане, оказавшиеся в фашистской неволе, стараясь избежать попадания в ГУЛАГ, меняли свои биографические данные, фамилии и т. д.

Родион БЕРЁЗОВ

ЗАБЫТО

Когда трещали пулеметы,
С землёй прощались мы навек.
В мгновение от нашей роты
Осталось восемь человек.
И думалось: как жизнь прекрасна —
Закатом, звёздами, луной,
Былинкой, лютиком атласным
И чёрствой корочкой ржаной.
Как жить хотелось! Что известность,
Богатство, женщины, почёт?
Пусть даст мне Бог глухую местность,
Где сквозь лесок река течёт.
Зачем для счастья гонор светский?
За каждый вздох Творцу хвала.
Неприхотливым быть по-детски,
Куда б судьба ни привела.
Так я, когда война гудела,
Просил, молился, трепеща,
И сердце вырваться хотело
Из-под военного плаща.
Бог дал мне жизнь. Но вот сегодня,
Душой оглядываясь вдаль,
Я вдруг увидел: дар Господний —
Закутан в нудную печаль.
Забыв обет, судьбу ругаю,
На жизнь бесценную ворчу,
И редко, редко возжигаю
Покорной радости свечу.
А если так, пусть душу снова
Охватит жгучая струя,
Чтоб все немудрые оковы
Стряхнула радость бытия.

1950

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОКОЛЬСКИЙ (1896–1978). Родился в Петербурге в семье помощника присяжного поверенного. Учился в Московском университете. Поэт, переводчик. Во время Великой Отечественной войны руководил фронтовым театром. Сын Антокольского Владимир после окончания артиллерийского училища получил звание младшего лейтенанта и отбыл на фронт. Погиб 6 июля 1942 года в Орловской области у деревни Сусея близ реки Жиздра. Его памяти Антокольский посвятил поэму «Сын», удостоенную в 1946 году Сталинской премии.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

В РАЙОНЕ ЖИЗДРЫ

Здесь уголь, щебень и песок —
Священный облик горя.
А где-то там наискосок
Бегут на запад взгорья.

Фронт ушёл туда, на запад,
В чёрный дым, в туман сплошной.
Лишь прожектор в белых лапах
Держит небо надо мной.

Лишь он ощупывает ночь.
И слеп он или зорек,
Но людям кинется помочь,
Не знает отговорок.

Я хотел бы так же точно
Ослепить глаза врага,
Чтобы он в стране восточной
Камнем рухнул на снега.

Война везде. Война во всём.
Мешок её заплечный
Мы и сквозь космос понесём,
На Путь прорвавшись Млечный.

Пусть бегут столетья мимо,
Годы медленно скользят.
ЗДЕСЬ ПОГИБ МОЙ СЫН
ЛЮБИМЫЙ
СОТНИ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД.

1943

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ОБОЛДУЕВ (1898–1954). Родился в Москве в дворянской семье. Учился в университете, окончил Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова. Поэт; в 1930-е годы был репрессирован. С мая 1943 по август 1944 — разведчик разведывательного противотанкового дивизиона; был контужен, что способствовало развитию у него гипертонии и преждевременной смерти.

Георгий ОБОЛДУЕВ

ПОХОРОНКА

Он лежал не один: шевелилось внутри и вокруг
В жизнерадостном трепете разнообразное тленье.
Он постиг, он проведаль; попав под солдатский каюк,
Он стал частью родимой ландшафта, земли и растенья.

Плугом врезался в землю разорванной пушки лафет;
На ничейной поляне качались высокие травы;
Новый, смиренный жилец, ежесуточным солнцем прогреет,
Обживал обыденность необыкновенной оправы.

И шаги раздались, и солдат подошёл к мертвяку;
Взял кисет, что лежал в стороне; усмехнулся невзрачно,
Постоял, поглядел, не спеша завернул табачку;
Ещё раз ухмыльнулся мужчина недобрый и мрачный.

И батальные сцены с Гомера до наших времён,
И подробности старых картин, и позднейшие фрески
Пробежали в сознание свидетелями похорон
Непонятно и чуждо, как надпись по-древнееврейски.

На войне, на войне, на войне, на войне, на войне,
Надо счастливу быть, чтобы так умереть превосходно.
Чтобы трупом вполне уцелеть, надо счастья вдвойне,
Так как будет так точно, как случаю будет угодно.

Мысли хуже не стали и легче не стал карабин,
Когда двинулся прочь брат-солдат, утомлённый и тощий.
Поминай высоту двести тридцать один ноль один,
Где, сражаясь с фашистами, пал неизвестный близ рощи.

Май 1947

МЫ ПОБЕДИЛИ

Вот они мы, вернулись, чать,
А не сыграли в ящик!
Теперь уж, чур, не жульничать:
Слав ставьте настоящих.
Настроены умы
На радости и почести,
Мы победили, мы...
Подайте, сколько можете!

Пришли отцы и дедушки,
Мужья, братцы-младенцы,
И валом валят девушки
Хлеб-соль на полотенце,
Вынают из сумы

Того-сего во множестве,
За что сражались мы.
Подайте, сколько можете...

Без слёз, без крестных знамений,
Храня любовь к отчизне,
За честь родного знамени
Шли, не жалея жизни.
Всесветной кутерьмы
Невиданные мощности
Мы своротили, мы...
Подайте, сколько можете.

Крутые схватки выстояв
С достаточным упорством,
Полны желаньем истовым —
И обоюдоострым —
Уж избежав чумы,
Забыть о всём ничтожестве
Того, чем были мы
(Подайте, сколько можете) —

Терпели мы от голода,
Терпели от обжорства,
От сырости, от холода,
От мягко и от чёрство.
От лета и зимы
Спасаясь по возможности,
Без хворей мёрзли мы...
Подайте, сколько можете.

Не ждали мы заранее
Ни славы, ни медали,
Когда за другом раненым
Под вихорь выползали,
Уздая ветер тьмы.
Припоминая вожжи те,
Мы отдыхаем, мы —
Подайте, сколько можете...

Мы не были ни пленными,
Ни даже в окруженье:
За что от роду-племени
Терпеть нам возраженья?
Сонны мы; как сомы, —
Малоподвижны... Что же, де:
Контуженые мы.
Подайте, сколько можете!

Возможно ль без мошенничеств,
Когда свистят стихии?
Пусть несколько средь женщин есть
Таких-сяких, какие
Поотдали внаймы
Своих сердец жилплощади:
Ан, вот — вернулись мы —
Подайте, сколько можете.

Готовы наши ноженьки
Задать, скакнув в постельку

Ленивицы иль неженки,
Медовую недельку.
Покрепче сулемы
Любовь дерёт по коже:
Мы здесь, тут мы,
Подайте, сколько можете!

Ты, брат-солдат, за двух гляди,
Того гляди, разнежась,
Остаток давней рухляди
Смогёшь принять за свежесть,
Неверием Фомы
Проверили мы, Боже, тя:
И вот — живые мы..
Подайте, сколько можетя?!

С позицией эзоповой
Являсь за Пенелопой,
Покрепче рот захлопывай:
Что выдадут, то лопай.
Так будем же немые:
Да сохранятся ножницы
Меж тем, что — вы, что — мы!..
Подайте, сколько можете.

Что — боя, что — тюрьмы
Мгновенья да не множатся:
Увоевались мы!
И всё же — обезножившись,
Слепы, немые, хромы —
Мы счастливы в убожестве,
Мы победили, мы..
Подайте, сколько можете!

1947

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СУРКОВ (1899–1983). Родился в крестьянской семье в Ярославской губернии. Поэт, переводчик, литературный функционер. Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинских премий. В годы войны был фронтовым корреспондентом. Стихотворение «Землянка», обращённое к жене и первоначально не предназначавшееся для печати, стало народной песней (композитор К. Я. Листов).

Алексей СУРКОВ

* * *

Софье Кривс

Бьётся в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

1941

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ИСАКОВСКИЙ (1900–1973). Родился в крестьянской семье в Смоленской губернии. Учился в гимназии. Поэт, выдающийся мастер лирической песни. Стихотворения «В прифронтовом лесу» и «Враги сожгли родную хату...» положены на музыку композитором М. И. Блантером. Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинских премий.

Михаил ИСАКОВСКИЙ

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Лиде

С берёз — неслышен, невесом —
Слетает жёлтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытии,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днём
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чём-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведёт через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черёд, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрёт,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час.
А коль придётся в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрошит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черёд, пришла пора, —
Идём, друзья, идём! —
За всё, чем жили мы вчера,
За всё, что завтра ждём;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве ж об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей, —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают всё ниже,
А громы грохочут всё ближе,
Всё чаще недобрая весть.
И ты перед всею страной,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив своё горе,
Суровым путём трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далёкой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросались в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начинённых тобой.

За всё ты бралась без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала, —
Да разве же всё перечтёшь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живёшь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый её,
Как клятву шептал, как молитву,
Далёкое имя твоё...

1945

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вдохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

АННА АЛЕКСАНДРОВНА БАРКОВА (1901–1976). Родилась и училась в гимназии в Иваново-Вознесенске. Поэтесса, прозаик. Уже в 1920-е годы её называли «пролетарской Ахматовой». Многолетняя узница ГУЛАГа.

Анна БАРКОВА

* * *

Чем торгуешь ты, дура набитая,
Голова твоя бесталанная?
Сапогами мужа убитого
И его гимнастеркой рваную.

А ведь был он, как я, герой.
Со святыми его упокой.

Ах ты, тётенька бестолковая,
Может, ты надо мною сжалишься,
Бросишь корку хлеба пайкового
В память мужа его товарищу?

Все поля и дороги залило
Кровью русскою, кровушкой алою.
Кровью нашею, кровью вражеской.
Рассказать бы всё, да не скажется!

Закоптелые и шершавые,
Шли мы Прагой, Берлином, Варшавою.
Проходили мы, победители.
Перед нами дрожали жители.

Воротились домой безглазые,
Воротились домой безрукие,
И с чужой, незнакомой заразою,
И с чужой, непонятною мукою.

И в пыли на базаре сели
И победные песни запели:
— Подавайте нам, инвалидам!
Мы сидим с искалеченным видом,
Пожалейте нас, победителей,
Поминаючи ваших родителей.

1953

ПРУССИЯ

Государство Прусское. Проза.
Тёмный Гегель и страшный Кант.
По-солдатски тянутся розы
И муштруется каждый талант.

Здесь, в Берлине, спиваясь, Гофман
Прусским призракам руку жал.
Здесь писал ироничные строфы
И отсюда Гейне бежал.

И косички российским солдатам
Подарил деревянный пруссак.

И выламывал ноги проклятый
Журавлиный пруссаческий шаг.

И вот здесь гениальный юнкер
Совершил исторический ход:
— Я увижу Германию в струнке
И единый немецкий народ.

Непреклонно в грядущее веря,
Он чудовищный выполнил план.
В битве с Австрией создал Империю,
Воспитал её вещей Седан.

Он ускорил, железный канцлер,
Катастроф исторических бег.
Под немецкие пушки в танце
Закружился двадцатый век.

Многих многому выучил Бисмарк:
И разгадкам велений судьбы,
И рассчитанной дерзости риска,
<И> холодным приёмам борьбы.

И не новый ли дьявольский юнкер
Шёл за старым, как тень его, вслед,
И рабочих вытягивал в струнку
Для грядущих боёв и побед.

Для грядущего равного рабства,
Где размерены отдых и смех.
После скучного прусского папства —
Социальное папство для всех.

1954

СТРАННИК (Иоанн, архиепископ Сан-Францисский; в миру: князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989). Из древнего княжеского рода; родился в Москве. Участник Белого движения. Русский богослов, философ, писатель. В изгнании с 1920. В годы войны — настоятель Свято-Владимирской церкви в Берлине.

СТРАННИК

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ О ВОЙНЕ

Кто не убьёт войну, того война убьёт.

Ив. Елагин

Я нахожусь в плену
Высоких слов из сна:
«Кто не убьёт войну,
Того убьёт война».

И не могу открыть
Я тайны неземной —
Как мне войну убить,
Когда она со мной?

Война идёт ко мне,
Добро считая злом,
Сжигая Крест в огне,
Сдавая храм на слом.

Война есть каждый грех
И всякий злобный взгляд.
Она бежит на всех
И не глядит назад.

Повсюду разлита
Безумная война,
Её берут в уста
Земные племена.

И по ступеням дней
Спускаясь в круговерть,
Всё громче и видней
Земля вбегает в смерть.

Мы там ещё живём,
Где злобой горд злодей.
Меж непробудным сном
И сонностью людей.

А тень войны бредёт,
Как раненный Адам,
Как неспасённый Лот,
По нашим городам.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ (1903–1958). Родился в Казанской губернии. Окончил Педагогический институт им. А. И. Герцена в Ленинграде. Поэт, переводчик. С 1938 по 1945 — узник ГУЛАГа.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

В ЭТОЙ РОЩЕ БЕРЁЗОВОЙ

В этой роще берёзовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человечье жильё,
Целомудренно бедной заутреней
Встретить утро моё.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Окружённая взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опалёнными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемёт.
И тогда в моём сердце разорванном
Голос твой запоёт.

И над рощей берёзовой,
Над берёзовой рощей моей,
Где лавиной розовой
Льются листья с высоких ветвей,
Где под каплей божественной
Холодеет кусочек цветка, —

Встанет утро победы торжественной
На века.

1946

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ДАЧА

В Переделкине дача стояла,
В даче жил старичок-генерал,
В перстеньке у того генерала
Незатейливый камень сверкал.

В дымных сумерках небо ночное,
Генерал у окошка сидит,
На колечко своё золотое,
Усмехаясь, подолгу глядит.

Вот уж первые капли упали,
Замолчали в кустах соловьи.
Вспоминаются курские дали,
Затяжные ночные бои.

Вспоминается та, что, прощаясь,
Не сказала ни слова в упрёк,
Но, сквозь слезы ему улыбаясь,
С пальца этот сняла перстенёк.

«Ты уедешь, — сказала майору, —
Может быть, повстречаешься с той,
Для которой окажется впору
Перстенёк незатейливый мой.

Ты подаришь ей это колечко,
Мой горячий, мой белый опал,
Позабудешь, кого у крылечка,
Как безумный, всю ночь целовал.

Отсыяют и высохнут росы,
Отпылают и стихнут бои,
И не вспомнишь ты чёрные косы,
Эти чёрные косы мои!»

Говорила — как в воду глядела,
Что сказала — и вправду сбылось,
Только той, что колечко надела,
До сих пор для него не нашлось.

Отсыяли и высохли росы,
Отпылали и стихли бои,
Позабылись и чёрные косы,
И отпели в кустах соловьи.

Старый китель с утра разутюжен,
Серебрится в висках седина,
Ждёт в столовой нетронутый ужин
С непечатой бутылкой вина.

Что прошло — то навеки пропало,
Что пропало — навек потерял...
В Переделкине дача стояла,
В даче жил старичок-генерал.

1958

НИКОЛАЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ КУДАШЕВ (1903–1979). Родился в Кременчуге Полтавской губернии. Князь, профессиональный военный. Вместе с товарищами по кадетскому корпусу в составе армии генерала П. Н. Врангеля в ноябре 1920 года покинул Россию. В Югославии служил пограничником. В 1941 году вступил добровольцем в русский белый корпус, затем переведён в Русскую освободительную армию; попал в плен. В 1947 году за выступление против насильственного возвращения в СССР русских беженцев был арестован. С 1949-го жил в США. Стихи писал всю жизнь, но свой поэтический сборник выпустил незадолго до кончины.

Николай КУДАШЕВ

ЭТАКИХ МЫ ИЩЕМ!

Когда дымились стены городов
И факелом пылали эшелоны, —
Из лазаретов, от большевиков,
Брели на Запад раненых колонны.

На сером небе, видимо, пилот
Не опознал значительной добычи...
Казалось на земле, что время не идёт!
Казалось людям — ужас безграничен!

«Ложись!» — Легли покойникам под стать.
На костыли обрушивались взрывы,
Чтоб ломанные кости доломать,
Чтоб полумёртвые не оказались живы!

А те, немногие, что медленно, с трудом
Ещё смогли ползти до полустанка, —
В летучке бредили, когда раздался гром
И лязг. С Востока подходили танки.

Дверь хлопнула... Сверкнул советский герб
За кожанкой вошедшего брюнета...
Спросили русского: «Ты немец?» — «Нет, я серб!»
«Не до тебя нам, некогда, а этот?»

Молчал сосед, оборотясь к стене...
«Наверно, серб? Лежи, лежи, дружище!»
— «Я русский офицер!» — раздалось в тишине.
«Ага! Ты русский! Этаких мы ищем!»

Казалось людям — время не идёт...
Гремели выстрелы, работали приклады...
Пропавших без вести за сорок пятый год
Ни забывать... ни ожидать не надо!

1950
Нью-Йорк

ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ ФРЕНКЕЛЬ (1903–1994). Родился в Межибоже (Украина). Окончил ВХУТЕМАС. Поэт, журналист. В годы войны в звании майора служил во фронтовой печати, имел боевые награды. Песня «Давай закурим» (композитор М. Е. Табачников) известна в исполнении Клавдии Шульженко.

Илья ФРЕНКЕЛЬ

ДАВАЙ ЗАКУРИМ

Дует тёплый ветер. Развезло дороги,
И на Южном фронте оттепель опять.
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге.
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

Снова нас Одесса встретит, как хозяев,
Звёзды Черноморья будут нам сиять,
Славную Каховку, город Николаев —
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной,
Давай закурим,
Товарищ мой!

А когда не будет Гитлера в помине
И к своим любимым мы придём опять,
Вспомним, как на запад шли по Украине, —
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать.

Об огнях-пожарищах,
О друзьях-товарищах
Где-нибудь, когда-нибудь
Мы будем говорить.
Вспомню я пехоту,
И родную роту,
И тебя
за то, что дал мне закурить.
Давай закурим
По одной.
Давай закурим,
Товарищ мой!

1941

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ КЕДРИН (1907–1945). Родился на Украине. Поэт, журналист, переводчик. В годы войны служил в газете 6-й воздушной армии «Сокол Родины». Трагически погиб при невыясненных обстоятельствах.

Дмитрий КЕДРИН

РОДИНА

Весь край этот, милый навеки,
В стволах белокорых берёз,
И эти студёные реки,
У плёса которых ты рос.

И тёмная роща, где свищут
Всю ночь напролёт соловьи,
И липы на старом кладбище,
Где предки уснули твои.

И синий ласкающий воздух,
И крепкий загар на щеках,
И деды в андреевских звёздах,
В высоких седых париках.

И рожь на полях непчатых,
И эта хлеб-соль средь стола,
И псковских соборов стрельчатых
Причудливые купола.

И фрески Андрея Рублева
На тёмной церковной стене,
И звонкое русское слово,
И в чарочке пенник на дне.

И своды лабазов просторных,
Где в сене — раздолье мышам,
И эта — на ларчиках чёрных —
Кудрявая вязь палешан.

И дети, что мчатся, глаза,
По следу солдатских колонн,
И в старом полтавском музее
Полотнища шведских знамён.

И санки, чтоб вихрем летели!
И волка опасливый шаг,
И серьги вчерашней метели
У зябких осинок в ушах.

И ливни — такие косые,
Что в поле не видно ни зги...
Запомни: всё это — Россия,
Которую топчут враги.

1942

КОТ

На тюфячке, покрытом пылью,
Он припеваючи живёт,
Любимец третьей эскадрильи —
Пушистый одноухий кот.

Землянка — тесное жилище,
Зато тепла землянка та...
Комэск в селе на пепелище
Нашёл бездомного кота.

Бывает — полночь фронтовая,
Темно... По крыше дождь сечет...
И вдруг, тихонько напевая,
На стул комэска вспрыгнет кот.

Снаружи ветер глухо воеет,
В окошке не видать ни зги...
А кот потрётся головою
О фронтовые сапоги,

И просветлеет взгляд комэска,
Исчезнет складочка у рта.
Как полон золотого блеска
Давно забытый взгляд кота!

И кажется, не так уж сыро
И дождь в окно не так стучит.
Уютной песенкою мира
Кота мурлыканье звучит.

И словно не в консервной банке
Горит фитиль из волокна,
И мнится, что в пустой землянке
Вот-вот заговорит жена.

1943

АРСЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТАРКОВСКИЙ (1907–1989). Родился на Украине в Елисаветграде. Учился на Высших литературных курсах. Поэт, переводчик. Был признан негодным к военной службе, но добился призыва на фронт. Военный корреспондент, гвардии капитан, был тяжело ранен, перенёс ампутацию ноги.

Арсений ТАРКОВСКИЙ

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роят щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
— Иди сюда, и смерть промчится мимо.

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет и кто умрёт в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворога.

Что до врага, то всё известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришёл сюда и что случилось чудо.

Я всё забыл. В окне ещё светло,
И накрест не заклеено стекло.

* * *

Ехал из Брянска в теплушке слепой,
Ехал домой со своею судьбой.

Что-то ему говорила она,
Только и слов — слепота и война.

Мол, хорошо, что незряч да убог,
Был бы ты зряч, уцелеть бы не мог.

Немец не тронул, на что ты ему?
Дай-ка на плечи надену суму,
Ту ли худую, пустую суму,
Дай-ка я веки тебе подыму.

Ехал слепой со своею судьбой,
Даром что слеп, а доволен собой.

* * *

Хорошо мне в теплушке,
Тут бы век вековать, —
Сумка вместо подушки,
И на дождь наплевать.

Мне бы ехать с бойцами,
Грызть бы мне сухари,
Петь да спать бы ночами
От зари до зари,

У вокзалов разбитых
Брать крутой кипяток —
Бездомовный напиток —
В жестяной котелок.

Мне б из этого рая
Никуда не глядеть,
С темнотой засыпая,
Ничего не хотеть —

Ни дороги попятной,
Разорённой войной,
Ни туда, ни обратно,
Ни на фронт, ни домой, —

Но торопит, рыдая,
Песня стольких разлук —
Жизнь моя кочевая,
Твой скрежещущий стук.

ЗУММЕР

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рождён,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времён.

Так последний связист под обстрелом,
От большого пути в стороне,
Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.

На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненно прав.

Где когда-то с боями прошли мы
От большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.

Это старая честь боевая
Говорит:
— Я земля. Я земля, —
Под землёй провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

АШОТ ГЕОРГИЕВИЧ ГАРНАКЕРЬЯН (1907–1977). Родился, жил и умер в Ростове-на-Дону. Учился здесь в педагогическом институте. Русский поэт.

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

РОССИЯ

И в радостный день и в печальный
С тобою я связан судьбой.
Тебе я не родственник дальний,
Россия, а сын твой родной.
Не только цветы на поляне,
Но даже степной польнок
Мне снился в полночном тумане
Среди чужедальных дорог.
Любви этой знойная сила
И мне, армянину, дана,
Она меня в бурю носила,
Лишала покоя и сна.
Пусть нет во мне крови славянской,
От русского чем отличим?
Лишь взгляд моих глаз азиатских
Загадочным блеском томим,
Лишь смуглая матовость кожи
Напомнит моим друзьям,
Что я не родился в Поволжье,
Не бегал по тульским полям.
Не слушал в Диканьке я сказки
О ведьмах при свете луны,
Что предки мои у Аракса,
В предгорьях, пасли табуны.
Но северный снег, и метели,
И Пушкина гордый язык
С младенческих лет, с колыбели,
Считать я родными привык.
И, голосу совести внемля,
Солдатской дорогой идя,
Сражался за русскую землю,
По-русски себя не щадя.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА ВЕЧТОМОВА (1908–1989). Родилась в Казани. Жила на Урале, в Ленинграде. Блокадница. В качестве военного корреспондента принимала участие в боевых действиях на суше и на море. Была ранена и снова вернулась в строй. Поэтесса, публицистка. Вдова поэта Юрия Инге.

Елена ВЕЧТОМОВА

ДЕТИ

Всё это называется — блокада.
И детский плач в разломанном гнезде...
Детей не надо в городе, не надо,
Ведь родина согреет их везде.
Детей не надо в городе военном,
Боец не должен сберегать паёк,
Нести домой. Не смеет неизменно
Его преследовать ребячий голосок.
И в свисте пуль, и в завыванье бомбы
Нельзя нам слышать детских ножек бег.
Бомбоубежищ катакомбы
Не детям бы запоминать навек.
Они вернутся в дом.
Их страх не нужен.
Мы защитим, мы сбережем их дом.
Мать будет матерью.
И муж вернётся мужем.
И дети будут здесь.
Но не сейчас. Потом.

1942

Ленинград

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ РЫЛЕНКОВ (1909–1969). Родился на Смоленщине, с которой связана вся его жизнь. Окончил педагогический институт в Смоленске. Поэт, прозаик. С первых дней войны — на фронте. Командовал сапёрным взводом; был военным журналистом.

Николай РЫЛЕНКОВ

* * *

Как полынь, мне хлеб разлуки горек,
Долги ночи, беспокойны сны.
Может быть, стихи мои историк
Не запишет в летопись войны.

Может быть, во дни торжеств народных,
Где оркестров полыхает медь,
О привалах, о кострах походных
Будут строки не мои греметь.

Но, один оставшись, мой ровесник
Их откроет, словно свой дневник,
Про себя прочтёт и скажет — есть в них
Дым войны, что в душу мне проник...

Смолкнут хоры, отгремят оркестры,
И в часы раздумья нам опять
Боль, не занесённая в реестры,
Будет жажду сердца утолять.

1943

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

От слов заученных и пресных,
От чувств, что плоти лишены,
Мой современник, мой ровесник,
Мы отвратились в дни войны.

Под визг свинца, под скрежет стали,
Вдали от отчего крыльца
Нас обожгла она, и стали
Огнеупорными сердца.

В них переплавились, как в тигле,
Все наши чувства и мечты.
Мы, возмужав, навек постигли
Закон суровой простоты.

И, недоступные гордыне,
И неподкупные во всём,
Ни клятв, ни громких слов отныне
Мы все не произнесём.

Зато из нас уверен каждый,
Что светит нам одна звезда,
И на губах, спалённых жаждой,
Нет — значит нет, и да — есть да!

Мы узнаём друг друга в песнях,
Что кровью сердца скреплены...
От слов, заученных и пресных,
Мы отвратились в дни войны.

1945

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧГИТОВИЧ (1909–1966). Родился в Смоленске. С 1927 года жил в Ленинграде. Учился на географическом факультете Ленинградского университета. Поэт, переводчик. Освобождённый по состоянию здоровья от воинской службы, ушёл в народное ополчение. Был военным корреспондентом на Ленинградском и Волховском фронтах, участвовал в войне с Японией; совершил 14 боевых вылетов.

Александр ГИТОВИЧ

СТРОИТЕЛЬ ДОРОГИ

Он шёл по болоту, не глядя назад,
Он Бога не звал на подмогу,
Он просто работал, как русский солдат,
И выстроил эту дорогу.

На запад взгляни и на север взгляни —
Болото, болото, болото.
Кто ночи и дни выкорчёвывал пни,
Тот знает, что значит работа.

Пойми, чтобы помнить всегда и везде:
Как надо поверить в победу,
Чтоб месяц работать по пояс в воде,
Не жалуясь даже соседу!

Всё вытерпи ради родимой земли,
Всё сделай, чтоб вовремя, ровно,
Одно к одному по болоту легли
Настила тяжелые бревна.

...На западе розовый тлеет закат,
Поёт одинокая птица.
Стоит у дороги и смотрит солдат
На запад, где солнце садится.

Он курит и смотрит далёко вперед,
Задумавший точно и строго,
Что только на запад бойцов поведёт
Его фронтовая дорога.

1942

ЯКОВ ЛЬВОВИЧ БЕЛИНСКИЙ (1909–1988). Родился на Украине в семье земского врача. Окончил Московский архитектурный институт. Прошёл Великую Отечественную войну фронтовым корреспондентом. Поэт, эссеист.

Яков БЕЛИНСКИЙ

НЕ СТАРЕЮТ ДУШОЙ ВЕТЕРАНЫ...

Помним грохот огня, помним дальние страны,
каждый год, каждый день, опалённый войной, —
не стареют душой,
не стареют душой ветераны,
ветераны Второй мировой!

Пусть зануют порой наши старые раны,
мы к победе, друзья, шли дорогой крутой, —
не стареют душой,
не стареют душой ветераны,
ветераны Второй мировой!

Нам в отставку пока уходить ещё рано,
не сдаются сердца, им не нужен покой, —
не стареют душой,
не стареют душой ветераны,
ветераны Второй мировой!

Поклялись мы, друзья, мир крепить неустанно,
но готовы всегда мы к судьбе фронтовой, —
не стареют душой,
не стареют душой ветераны,
ветераны Второй мировой!

1968

ЦЕЗАРЬ САМОЙЛОВИЧ СОЛОДАРЬ (1909–1992). Родился в Виннице. Окончил юридический факультет коммерческого института в Киеве. Поэт, драматург, общественный деятель. В годы Великой Отечественной войны — фронтовой журналист; майор. Награждён орденами и медалями. Был одним из организаторов Антисионистского комитета советской общественности.

Цезарь СОЛОДАРЬ

КАЗАКИ

По берлинской мостовой
Кони шли на водопой,
Шли, потряхивая гривой,
Кони-дончаки.
Распевает верховой:
«Эх, ребята, не впервой
Нам поить коней казачьих
Из чужой реки».

Кзаки, кзаки,
Едут, едут
По Берлину
Наши кзаки.

Он коней повёл шажком,
Видит: девушка с флажком
И с косою под пилоткой
На углу стоит.
Выпрямилась, как лоза,
Бирюзой горят глаза.
— Не задерживай движенья! —
Кзаку кричит.

Задержаться бы он рад,
Но, поймав сердитый взгляд,
— Ну, ребята, марш за мною! —
Крикнул на скаку.
Лихо конница прошла,
А дивчина расцвела,
Нежный взгляд — не по уставу —
Дарит кзаку.

По берлинской мостовой
Снова едет верховой,
Про свою любовь к дивчине
Распевает так:
Хоть далёко синий Дон,
Хоть далёко милый дом,
Но землячку и в Берлине
Повстречал кзак...

Кзаки, кзаки
Едут, едут
По Берлину
Наши кзаки.

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ АДМОНИ (Красный Вольдемар-Вольф Гойвишевич; 1909–1993). Родился и жил в Санкт-Петербурге. Окончил Педагогический институт им. А. И. Герцена. Филолог-германист, переводчик. В годы Великой Отечественной войны, проходя службу на Ленинградском фронте, писал стихи на немецком языке для распространения в войсках неприятеля.

Владимир АДМОНИ

* * *

А он? Он без вести пропал,
Никто не видел, как он пал.
И в плен он тоже не попал —
Нет, он пропал без вести.

Он, может, был весельчаком,
Ему всё было нипочем —
Но он пропал без вести.

А может, он героем был.
Он, может, девушку любил —
Но он пропал без вести.

А может быть, он знал и страх,
О детстве вспоминал впотьмах —
Но он пропал без вести.

И кто же может дать ответ?
Солдату было двадцать лет —
И он пропал без вести.

1943

ОЛЬГА ФЁДОРОВНА БЕРГГОЛЬЦ (1910–1975). Родилась в Санкт-Петербурге в семье врача. Окончила Ленинградский государственный университет. Поэтесса, публицист. В годы войны работала на ленинградском радио.

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

* * *

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в моё лицо закинутае бьёт.
В бомбоубежищах уснули дети,
ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом — смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжёлый день любой.
Но мы забыли, что такое слёзы,
что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады, —
мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамёна Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою.

Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.

Август 1941

29 ЯНВАРЯ 1942

*Памяти друга и мужа
Николая Степановича Молчанова*

Отчаяния мало. Скорби мало.
О, поскорей отбить проклятый срок!
А ты своей любовью небывалой
меня на жизнь и мужество обрёл.

Зачем, зачем?
Мне даже не баюкать,
не пеленать ребёнка твоего.

Мне на земле всего желанней мука
и немота понятнее всего.

Ничьих забот, ничьей любви не надо.
Теперь одно всего нужнее мне:
над братскою могилой Ленинграда
в молчании стоять, оцепенев.

И разве для меня победы будут?
В чём утешение себе найду?!
Пускай меня оставят и забудут.
Я буду жить одна — везде и всюду
в твоём последнем пасмурном бреду...

Но ты хотел, чтоб я живых любила.
Но ты хотел, чтоб я жила. Жила
всей человеческой и женской силой.
Чтоб всю её истратила дотла.
На песни. На пустячные желанья.
На страсть и ревность, — пусть придёт другой.
На радость. На тягчайшие страданья
с единственною русскою землей.

Ну что ж, пусть будет так...

Январь 1942

СТИХИ О СЕБЕ

...И вот в послевоенной тишине
к себе прислушалась наедине.

.....
Какое сердце стало у меня,
сама не знаю — лучше или хуже:
не отогреть у мирного огня,
не остудить на самой лютой стуже.

И в чёрный час, зажжённые войною
затем, чтобы не гаснуть, не стихать,
неженские созвездья надо мною,
неженский ямб в черствеющих стихах...

...И даже тем, кто всё хотел бы сгладить
в зеркальной, робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на жёлтый снег пустынных площадей.

И как стволы, поднявшиеся рядом,
сплетают корни в душевной глубине
и слили кроны в чистой вышине,
даря прохожим мощную прохладу, —
так скорбь и счастье живут во мне —
единым корнем — в муке Ленинграда,
единой кроною — в грядущем дне.

И всё неукротимей год от года
к неистовству зенита своего
растёт свобода сердца моего —
единственная на земле свобода.

1945

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ (1910–1971). Родился на Смоленщине в коростыанской семье. Окончил ИФЛИ. Был военным корреспондентом. Поэт, общественный, литературный деятель; классик русской лирики XX века. Лауреат Сталинских и Ленинской премий.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

* * *

Отцов и прадедов примета, —
Как будто оправдалась она:
Таких хлебов, такого лета
Не год, не два ждала война.
Как частый бор, колосовые
Шумели глухо над землёй.
Не пешеходы — верховые
Во ржи скрывались с головой.
И были так густы и строги
Хлеба, подавшись грудь на грудь,
Что, по пословице, с дороги
Ужу, казалось, не свернуть.
И хлеба хлеб казался гуще,
И было так, что год хлебов
Был годом клубней, землю рвущих,
И годом трав в лугах и пущах,
И годом ягод и грибов.
Как будто всё, что в почве было, —
Её добро, её тепло, —
С великой щедростью и силой
Ростки наружу выносило,
В листву, в ботву и колос шло.
В свой полный цвет входило лето,
Земля ломилась, всем полна...
Отцов и прадедов примета, —
Как будто оправдалась она:

Гром грянул — началась война...

1942

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А всё ещё бегом бежал,
Да лёд за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —

Мне жалко той судьбы далёкой,
Как будто мёртвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примёрзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забытый, маленький, лежу.

1943

О СКВОРЦЕ

На крыльце сидит боец.
На скворца дивится:
— Что хотите, а скворец
Правильная птица.

День-деньской, как тут стоим,
В садике горелом
Занимается своим
По хозяйству делом.

Починяет домик свой,
Бывший без пригляда.
Мол, война себе войной,
А плодиться надо!

1945

* * *

В поле, ручьями изрытом,
И на чужой стороне
Тем же родным, незабытым
Пахнет земля по весне:

Полой водой и неожиданно —
Самой простой, полевой
Травкою той безымянной,
Что и у нас под Москвой.

И, доверяясь примете,
Можно подумать, что нет
Ни этих немцев на свете,
Ни расстояний, ни лет.

Можно сказать: неужели
Правда, что где-то вдали
Жёны без нас постарели,
Дети без нас подросли?..

1945

НАГРАДА

Два года покоя не зная
И тайной по-бабьи томясь,
Она берегла это знамя,
Советскую прятала власть.

Скрывала его одиноко,
Закутав отрезком холста,
В тревоге от срока до срока
Меня места.

И в день, как опять задрожала
Земля от пальбы у села,
Тот свёрток она из пожара
Спасла.

И полк под спасённое знамя
Весь новый, с иголки, встал.
И с орденом «Красное Знамя»
Поздравил её генерал.

Смутилась до крайности баба,
Увидев такие дела.
— Мне тёлочку дали хотя бы,
И то б я довольна была...

1943

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

1966

НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ ГРИБАЧЁВ (1910–1992). Родился в Орловской губернии в крестьянской семье. Во время Великой Отечественной войны после окончания военного инженерного училища служил командиром сапёрного батальона. Участвовал в боях на Дону и под Сталинградом. С 1943 года — спецкор армейской газеты. Уже будучи военным корреспондентом, получил контузию. Поэт, дважды лауреат Сталинской премии.

Николай ГРИБАЧЁВ

ШАГ ИДУЩЕЙ РОТЫ

Дубов расстрелянных стволы,
Морозный воздух крепче водки.
Я роту вел через тылы
В ночной обход одной высоты.

Она была совсем мала,
Но, вспять отбрасывая танки,
Два дня сбивала и рвала
Строй и энергию атаки...

Тьма. Снег шуршал, сыпуч и сух,
Каких-то тропок рвались звенья,
И в сизой мути был мне слух
Как бы вторым комплектом зренья,

И, с бело-серою стеной
Стараясь свикнуться и слиться,
Я как бы видел за спиной
Сосредоточенные лица.

И тот особый посверк глаз,
То их мерцание и жженье,
В котором жизнь самозажглась
Необратимостью решенья.

И я смирял своё в себе,
И шёл, и вёл навстречу бою,
Чтоб равным в общей стать судьбе
И всё же быть самим собою,

И личной цели не иметь,
И поражение, торжество ли,
И честь победы или смерть —
Принять в своей и в общей доле.

С тех пор везде и в час любой,
В любые жизни повороты
Я слышу, вижу за собой
Солдат в века идущей роты.

И проверяю сам в себе
Решимость и готовность к бою,
И растворяюсь в их судьбе,
Чтоб вправду стать самим собою.

1958

«Дым войны, что в душу мне проник...»

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВЯХИРЕВ (1910–1972). Участник Великой Отечественной войны; профессиональный геолог. Публиковал стихи в периодике, выпустил поэтический сборник.

Игорь ВЯХИРЕВ

ЗЕМЛЯ

Не уноси её на счастье
В кармане, в ладанке, в горсти.
Нет у земли волшебной власти
Ни обнадёжить, ни спасти.

Нужны ветра, и расстоянья,
И детский смех, и дым жилья.
Её простор — твоё дыханье,
Её дыханье — жизнь твоя.

О, как я остро понял это,
Навек запомнив с той поры,
Когда земля в лихое лето
Зажгла солдатские костры.

Мы в смертной огненной купели
Ловили воздух жадным ртом...
Лишь месть и гнев служили цели,
А жизнь и свет... Потом, потом!

1955

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СОФРОНОВ (1911–1990) родился в Минске. Отец был начальником полицейского управления. Окончил педагогический институт в Ростове-на-Дону. Поэт, драматург, публицист. В годы войны — во фронтовой печати; специальный корреспондент газеты «Известия». Был тяжело ранен. Стихотворение «Шумел сурово Брянский лес...», положенное на музыку композитором Сигизмундом Кацем, стало народной песней.

Анатолий СОФРОНОВ

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли на битву партизаны.

Тропюю тайной меж берёз
Спешили дебрями густыми,
И каждый за плечами нёс
Винтовку с пулями литыми.

В лесах врагам спасенья нет:
Летят советские гранаты,
И командир кричит им вслед:
«Громи захватчиков, ребята!»

Шумел сурово Брянский лес.
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

1942

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОВАЛЕНКОВ (1911–1971). Родился в Новгороде. Окончил институт кинематографии в Москве. Поэт, исследователь поэзии. Преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького. В годы войны — сотрудник армейской газеты на Карельском фронте. Был незаконно репрессирован.

Александр КОВАЛЕНКОВ

НЕБЫВАЛЬЩИНА

Бабка старая, причитая,
Прячет в погреб своих внучат,
Чуя волка, беду встречая,
Пароходы в порту мычат.
Вот он, чёрный, лазейку ищет,
Пробирается в облаках...
Щерит зубы — и бомба свищет,
Разбивая домишки в прах.
Беломорье видало виды
И в недобрый и в добрый час,
Не прощало врагу обиды,
Не простит и на этот раз.
Сосны грохотом оглоуша,
Бьёт зенитка, визжит снаряд...
Наземь рушится волчья туша,
Ключья шерсти её горят.
В розоватых кустах молочая
Догорает, чадит скелет...
В стёклах окон обозначая
Небывальщины жёлтый свет.

1941

СОЛНЦЕ СКРЫЛОСЬ ЗА ГОРОЮ

Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты.
А дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты.

От жары, от злого зноя
Гимнастёрки на плечах повыгорали.
Своё знамя боевое
От врагов солдаты сердцем заслоняли.

Они жизни не щадили,
Защищая отчий край — страну родную.
Одолели, победили
Всех врагов в боях за Родину святую.

Солнце скрылось за горою,
Затуманились речные перекаты.
А дорогою степною
Шли с войны домой советские солдаты.

1947

ВЕРОНИКА МИХАЙЛОВНА ТУШНОВА (1911–1965). Родилась в Казани в семье профессора-ветеринара. Закончила медицинский институт. Поэтесса. В годы войны была палатным врачом нейрохирургического госпиталя в Казани, затем врачом-ординатором госпиталя в Москве.

Вероника ТУШНОВА

КУКЛА

Много нынче памяти потухло,
а живёт безделица, пустяк:
девочкой потерянная кукла
на железных скрещенных путях.

Над платформой пар от паровозов
низко плыл, в равнину уходя...
Тёплый дождь шушукался в берёзах,
но никто не замечал дождя.

Эшелоны шли тогда к востоку,
молча шли, без света и воды,
полные внезапной и жестокой,
горькой человеческой беды.

Девочка кричала, и просила,
и рвалась из материнских рук, —
показалась ей такой красивой
и желанной эта кукла вдруг.

Но никто не подал ей игрушки,
и толпа, к посадке торопясь,
куклу затоптала у теплушки
в жидкую струящуюся грязь.

Маленькая смерти не поверит,
и разлуки не поймет она...
Так хоть этой крохотной потерей
дотянулась до неё война.

Некуда от странной мысли деться:
это не игрушка, не пустяк, —
это, может быть, обломок детства
на железных скрещенных путях.

1943

САЛЮТ

Мы час назад не думали о смерти.
Мы только что узнали: он убит.
В измятом, наспех порванном конверте
на стуле извещение лежит.

Мы плакали. Потом молчали обе.
Хлестало в стёкла дождиком косым...
По-взрослому нахмурив круглый лобик,
притих её четырехлетний сын.

Потом стемнело. И внезапно, круто
ракетами врезаясь в вышину,
волна артиллерийского салюта
тяжёлую качнула тишину.

Мне показалось, будет очень трудно
сквозь эту боль и слёзы видеть ей
цветенье жёлтых, красных, изумрудных
над городом ликующих огней.

Но только я хотела синей шторой
закрыть огни и море светлых крыш,
мне женщина промолвила с укором:
«Зачем? Пускай любитесь малыш».

И, помолчав, добавила устало,
почти уйдя в густеющую тьму:
«...Мне это всё ещё дороже стало —
ведь это будто памятник ему».

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ НЕЙМИРОК (1911–1973). Родился в Киеве. В 1920 году вместе с родителями покинул советскую Россию. В годы войны участвовал в подпольной работе Народно-трудового союза на Украине, оккупированной гитлеровской армией. В 1943 году арестован гестапо, был узником нацистских концлагерей. Освобождён из Дахау американскими войсками. Поэт. После войны работал в издательстве «Посев» и на радиостанции «Свобода».

Александр НЕЙМИРОК

К. Z.

Я побывал в преддверье преисподней.
Я видел смерть, и смерть меня отвергла.
Но память жгущая не стёрлась, не померкла.
Я помню всё. Мне дышится свободней,
Но не избыть немилости Господней.

Как трупы я костлявые забуду?
Как изойду их муками немymi?
Я каждый день стораю вместе с ними,
Я каждый день трепещущей грудой
Колеблясь, исчезаю в чёрном дыме.

Но в теле вновь живая кровь струится,
И снова мир картонной панорамой,
Нелепо склеенный, передо мной теснится,
И падает душа замёрзшей птицей
На прах и щебень городского хлама.

Мюнхен. Июнь 1945

СЕМЁН ИЗРАИЛЕВИЧ ЛИПКИН (1911–2003). Родился в Одессе в семье закройщика. Окончил Московский инженерно-экономический институт. Поэт, переводчик, прозаик. В годы войны — фронтовой журналист.

Семён ЛИПКИН

ЗОЛА

Я был остывшею золой
Без мысли, облика и речи,
Но вышел я на путь земной
Из чрева матери — из печи.

Ещё и жизни не поняв,
И прежней смерти не оплавав,
Я шёл среди баварских трав
И обезлюдевших барачков.

Неспешно в сумерках текли
«Фольксвагены» и «мерседесы»,
А я шептал: «Меня сожгли.
Как мне добраться до Одессы?»

1967

КОСТЁР

Не видел сам, но мне сказали,
Что, уведя за косогор,
Цыганку старую связали
И рядом развели костёр.

Туман одел передовую
И ту песчаную дугу,
Где оборотни жгли живую
На том, не нашем берегу.

А я, покуда мой начальник
Направился в политотдел,
Пошёл к тебе сквозь низкий тальник,
Который за ночь поредел.

В избе, в больничном отделенье,
Черно смотрели образа,
И ты в счастливом удивленьи
Раскрыла длинные, оленье,
С печальным пламенем глаза.

Мы шли по тихому Заволжью,
И с наступленьем темноты
Костёр казался грубой ложью,
А правдой — только я и ты.

Но разве не одной вязанкой
Мы, люди, стали с давних пор?
Не ты ли той была цыганкой?
Не я ль взошёл на тот костёр?

Не на меня ль ложится в мире
За всё, чем болен он, — вина?
Мы оба на чужой квартире,
В окне — луна, в окне — война.

1963

ЛЕВ ИВАНОВИЧ ОШАНИН (1912–1997). Родился в Рыбинске в дворянской семье. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького; потом много лет вёл в нём поэтический семинар. Поэт; многие его стихотворения стали популярными песнями. «Ехал я из Берлина...» положено на музыку И. О. Дунаевским, «Дороги» — А. Г. Новиковым.

Лев ОШАНИН

ДОРОГИ

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей.
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
Вьётся пыль под сапогами —
степями,
полями, —

А кругом бушует пламя
Да пули свистят.
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит.
А дорога дальше мчится,
пылится,
клубится.
А кругом земля дымится —
Чужая земля!
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Край сосновый.
Солнце встаёт.
У крыльца родного
Мать сыночка ждёт.
И бескрайними путями —
степями,
полями —
Всё глядят вослед за нами
Родные глаза.
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер
Вспомним, друзья.
...Нам дороги эти
Позабыть нельзя.

1945

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ СМЕЛЯКОВ (1913–1972). Родился в Волынской губернии в семье железнодорожника. Поэт. В 1934–1937 годах, по клеветническому обвинению, находился в заключении. В 1941 году служил в армии в составе строительного батальона, попал в плен, после чего оказался в ГУЛАГе. В 1951–1955 годах в результате сложившейся системы коммунистических репрессий вновь оказался в заключении. Лауреат Государственной премии РСФСР (1967), премии Ленинского комсомола (1968).

Ярослав СМЕЛЯКОВ

* * *

Вот опять ты мне вспомнилась, мама,
и глаза твои, полные слёз,
и знакомая с детства панاما
на венке поредевших волос.

Оттеняет терпенье и ласку
потемневшая в битвах Москвы
материнского воинства каска —
украшение седой головы.

Все стволы, что по русским стреляли,
все осколки чужих батарей
неизменно в тебя попадали,
застревали в одежде твоей.

Ты заштопала их, моя мама,
но они всё равно мне видны,
эти грубые длинные шрамы —
беспощадные метки войны...

Дай же, милая, я поцелую,
от волнения дыша горячо,
эту бедную прядку седую
и задетое пулей плечо.

В дни, когда из окошек вагонных
мы глотали движения дым
и считали свои перегоны
по дорогам к окопам своим, —

как скульптуры из ветра и стали,
на откосах железных путей
днем и ночью бессменно стояли
батальоны седых матерей.

Я не знаю, отличья какие,
не умею я вас разделять:
ты одна у меня, как Россия,
милосердная русская мать.

Это слово протяжно и кратко
произносят на весах родных
и младенцы в некрепких кроватках,
и солдаты в могилах своих.

Больше нет и не надо разлуки,
и держу я в ладони своей

эти милые трудные руки,
словно руки России моей.

1945

* * *

Печалью дружеской согретый,
в обычной мирной тишине
перевожу стихи поэта,
погибшего на той войне.

Мне это радостно и грустно:
не пропуская ничего,
читать подстрочник безыскусный
и перекладывать его.

Я отдаю весь малый опыт,
чтоб перевод мой повторял
то, что в землянках и окопах
солдат Татарии писал.

Опять поёт стихотворенье
певца, убитого давно,
как будто право воскрешенья
в какой-то мере мне дано.

Я удивляться молча буду,
едва ли не лишаясь сил,
как будто маленькое чудо
я в этот вечер совершил.

Как будто тот певец солдатский,
что под большим холмом зарыт,
сегодня из могилы братской
со всей Россией говорит.

1957

ЯН САТУНОВСКИЙ (Яков Абрамович; 1913–1982). Родился в Екатеринославе на Украине (в советское время — Днепропетровск). Участник Великой Отечественной войны; после ранения был корреспондентом армейской газеты «Патриот Родины». Работал инженером-химиком. Печатался как детский поэт; ныне признан одним из мастеров русского поэтического авангарда советского времени.

Ян САТУНОВСКИЙ

* * *

Как я их всех люблю
(и всех убьют).
Всех —
командиров рот:
«Рó-тá, вперёд, за Рó-о...»
(одеревенеет рот).
Этих. В земле.
«Слышишь, Ванька, живой?»
«Замлел».

«За мной, живей, ё!»

Все мы смертники.
Всем
артподготовка в 6,
смерть в 7.

* * *

Сашка Попов, перед самой войной окончивший
Госуниверситет и как раз 22 июня
зарегистрировавшийся с Люсей Лапидус, —
о ком же ещё
мне вспоминать, как не о тебе? Стою ли
я — возле нашего общежития —
представляю то, прежнее время.
В парк захожу — сколько раз мы бывали

с тобой на Днепре!

Еду на Чечелевку и вижу —
в толпе обречённых евреев —
об руку с Люськой —
ты, русский! —
идёшь на расстрел.
Сашка Попов...

1946

* * *

Старый город немцы взорвали.
Пошатнулась, покати́лась мостовая.
Я бежал по дымным развалинам.
Я бегу до сих пор не переставая,
я бегу...
Тихо-тихо, понуря голову,
прохожу я по новому городу.
Он и выше на этаж, и краше.
Не хочу его видеть даже,
Не могу...

21 мая 61, ДН-СК

* * *

Я Мойша з Бердичева.
Я Мбйзбер.
А, может быть, Райзман.
Гинцбург, может быть.
Я плюнул в лицо
оккупантским гадинам.
Меня закопали в глину заживо.
Я Вайнберг.
Я Вайнберг из Пятихатки.
Я Вайнберг.
За что меня расстреляли?
Я жид пархатый дерьмом напхатый.
Мне памятник стоит в Роттердаме.

20 сентября 1963

* * *

Мирной жизни радуюсь вдвойне,
сравнивая,
то ли дело на войне.

На войне, бывало, убежишь в санбат погреться,
скинешь вещмешок,
отпустишь ремешок,
понемногу
ослабнет мышца сердца, —
славно в медсанбате,
тихо,
хорошо,
уходить неохота,
да и сил нет;
и сидишь,
и прислушиваешься в тиши,
как
свистит керосиновая лампа:
свистнет,
и стихнет;

как
идут
часы.

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ (1913–2009). Родился в Москве в дворянской семье. Учился в Литературном институте. Детский поэт, драматург; литературный функционер. В годы войны — фронтовой корреспондент. Лауреат Сталинских, Ленинской и других премий.

Сергей МИХАЛКОВ

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Крест-накрест синие полосы
На окнах съёжившихся хат.
Родные тонкие берёзки
Тревожно смотрят на закат.

И пёс на тёплом пепелище,
До глаз испачканный в золе.
Он целый день кого-то ищет
И не находит на селе...

Накинув старый зипунишко,
По огородам, без дорог,
Спешит, торопится парнишка
По солнцу — прямо на восток.

Никто в далёкую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.

В нетопленной, разбитой бане
Ночь скоротавший, как зверёк,
Как долго он своим дыханьем
Озябших рук согреть не мог!

Всё видевший, на всё готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.

Он знал, что где-то недалече,
Быть может, вон за той горой,
Его, как друга, в тёмный вечер
Окликнет русский часовой.

И по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза:
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза
За эти месяцы страдания,
Которые равны годам...

Но ты, фашистская Германия,
За всё сполна ответишь нам!

Детоубийцы и грабители,
Вам ничего не скрыть вовек!
Он будет первым обвинителем —
Десятилетний человек!

1942

ДЕТСКИЙ БОТИНОК

Занесённый в графу
С аккуратностью чисто немецкой,
Он на складе лежал
Среди обуви взрослой и детской.

Его номер по книге:
«Три тысячи двести девятый».
Обувь детская. Ношена.
Правый ботинок. С заплатой...

Кто чинил его? Где?
В Мелитополе? В Кракове? В Вене?..
Кто носил его? Владек?
Иль русская девочка Женя?..

Как попал он сюда, в этот склад,
В этот список проклятый,
Под порядковый номер
«Три тысячи двести девятый»?

Неужели другой не нашлось
В целом мире дороги,
Кроме той, по которой
Пришли эти детские ноги

В это страшное место,
Где вешали, жгли и пытали,
А потом хладнокровно
Одежды убитых считали?

Здесь на всех языках
О спасенье пытались молиться:
Чехи, греки, евреи,
Французы, австрийцы, бельгийцы.

Здесь впитала земля
Запах глена и пролитой крови
Сотен тысяч людей
Разных наций и разных сословий...

Час расплаты пришёл!
Палачей и убийц — на колени!
Суд народов идёт
По кровавым следам преступлений.

Среди многих улик —
Этот детский ботинок с заплатой,
Снятый Гитлером с жертвы
«Три тысячи двести девятой».

1944

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ЯШИН (псевдоним Попова; 1913–1968). Родился в Вологодской области в крестьянской семье. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик. Участвовал в войне как политработник и журналист.

Александр ЯШИН

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Жёлто-зелёные редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони отсюда река,
Город рабочий — как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чабра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнёзда.
В тихом теченье летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Всё в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили, —
Небо без копоти,
Ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Брата родного в войну убили.

1942

* * *

Что нам тысячи километров!
Имя вслух моё назови —
И домчится, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденье за явь приму.
Хлынь дождём на шумную крышу,
Ночью ставни открой в доме.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повеи.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую, оживу.

1943

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛИФШИЦ (1913–1978). Родился в Харькове в семье профессора медицины. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт (1933). Поэт, детский писатель. Участник обороны Ленинграда. Затем воювал в стрелковом батальоне, был ранен в бою.

Владимир ЛИФШИЦ

БАЛЛАДА О ЧЁРСТВОМ КУСКЕ

По безлюдным проспектам оглушительно звонко
Громыхала на дьявольской смеси трёхтонка.
Леденистый брезент прикрывал её кузов —
Драгоценные тонны замечательных грузов.

Молчаливый водитель, примёрзший к баранке,
Вёз на фронт концентраты, хлеба вёз он буханки,
Вёз он сало и масло, вёз консервы и водку,
И махорку он вёз, проклиная погоду.

Рядом с ним лейтенант прятал нос в рукавицу.
Был он худ. Был похож на голодную птицу.
И казалось ему, что водителя нету,
Что забрёл грузовик на другую планету.

Вдруг навстречу лучам — синим, трепетным фарам —
Дом из мрака шагнул, покорёжен пожаром.
А сквозь эти лучи снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, — плавно, медленно, сыто...

— Стоп! — сказал лейтенант. — Погодите, водитель.
Я, — сказал лейтенант, — здешний всё-таки житель. —
И шофёр осадил перед домом машину,
И пронзительный ветер ворвался в кабину.

И взбежал лейтенант по знакомым ступеням.
И вошёл. И сынишка прижался к коленям.
Воробьиные рёбрышки... Бледные губки...
Старичок семилетний в потрёпанной шубке...

— Как живешь, мальчуган? Отвечай без обмана!.. —
И достал лейтенант свой паёк из кармана.
Хлеба чёрствый кусок дал он сыну: — Пожуй-ка, —
И шагнул он туда, где дымила «буржуйка».

Там — поверх одеяла — распухшие руки,
Там жену он увидел после долгой разлуки.
Там, боясь разрыдаться, взял за бедные плечи
И в глаза заглянул, что мерцали, как свечи.

Но не знал лейтенант семилетнего сына.
Был мальчишка в отца — настоящий мужчина!
И, когда замигал догоревший огарок,
Маме в руку вложил он отцовский подарок.

А когда лейтенант вновь садился в трёхтонку:
— Приезжай! — закричал ему мальчик вдогонку.
И опять сквозь лучи снег летел, как сквозь сито.
Он летел, как мука, — плавно, медленно, сыто...

Грузовик отмахал уже многие вёрсты.
Освещали ракеты неба чёрного купол.
Тот же самый кусок — ненадкушенный, чёрствый —
Лейтенант в том же самом кармане нащупал.

Потому что жена не могла быть иною
И кусок этот снова ему подложила.
Потому что была настоящей женою.
Потому что ждала. Потому что любила.

Грузовик по местам проносился горбатым,
И внимал лейтенант орудийным раскатам,
И ворчал, что глаза снегом застит слепящим,
Потому что солдатом он был настоящим.

1942

САВЕЛИЙ СОЛОМОНОВИЧ ГРИНБЕРГ (1914–2003). Родился в Екатеринславе (Днепропетровске). До войны работал в Государственном Литературном музее. Во время войны в народном ополчении, затем — лектор в армии и на флоте. В 1973 году репатрировался в Израиль. Поэт; был мастером палиндрома.

Савелий ГРИНБЕРГ

МОСКВА 1941–1942

Я сижу в парикмахерской. Мне сначала неловко.
Голове неудобно.
Но кресло
с подголовником
вполне приспособлено.
Смотрю на себя в зеркало:
Углы рта.
Прибывший из ополчения.
Из смоленских лесов.
Перевязанный. Щетина. Полоска усов.
Ночь.
Разрушенная станция.
Сопенье паровозов из темноты.
Каркасы разбитых домов.
День.
Над нами самолёты раздирают небо, кружась.
Подан товарный состав.
Эшелоны идут в Можайск.
Предъявляй документы. Радуйся. Узнавай.
Пригородный поезд. Мосты. Москва.
Моя цивилизация встречает меня брадобреями.
За одного мол побритого двух небритых.
Мокрое горячее мохнатое полотенце.
Бритьё с одного раза. Компресс. Полудетство.
Мытьё головы. Пиксафон или хна.
Льётся мыло. Грохочет война.
Голоса мастериц:
причесать? постричь?
виски прямые? освежить? не беспокоит?
Как хорошо будет выйти в город
тревожный, звенящий, гулкий.
Улиц каменные коридоры.
Расщелины переулков.
Здесь строили площади, парки, мосты
бетонщики, плотники, зодчие,
чтоб нас обступали дома Москвы
знакомой, громоздкой, узорчатой.
За цветом цвет за звуком звук
ты строишь вновь свою Москву.
...в дорогах подмосковных
где голубым простором скован
под стук колёс
сквозь явь
сквозь сны
на фронт ты едешь из Москвы.
В огнях и в громадах нам видно Москву...
Листою и флагами дышит Москва
и скаты шуршат об нагретый асфальт.
Ступенчатый остроконечный звездоглавый Кремль.
Звон башенных часов. Их движет время
зубчатой передачей стен...

ЯКОВ АЙЗИКОВИЧ ХЕЛЕМСКИЙ (1914–2003). Родился в Василькове под Киевом. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт; участник войны, военный журналист.

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

* * *

Распоротый зенит. Трассирующий росчерк.
Извилистые рвы в рогатках и ежах.
И мы лежим в снегу средь пригородных рощиц,
На подступах к Москве, на ближних рубежах.

На подступах к тебе, к истопленному дому,
К замёрзшему окну на верхнем этаже,
Где, не родясь ещё, наш будущий питомец
Стал в комнате у нас хозяином уже.
Где новосёла ждут игрушки и обновы,
Кроватька для него давно припасена.

А над Тверской-Ямской и над седой Садовой
Тревожной полутьмой клубится вышина.
Бойцы аэростат, на вид многопудовый,
По гулким площадям проводят, как слона.

И хрупок мирный рай веселых распашонок,
Клеёнок, бубенцов, резиновых зайчат
Под крышей грозовой, где в небо напряженно
Средь рушащихся стен зенитчики глядят...

ЗВЕЗДА

Льву Озерову

Осенней ночью падает звезда.
В холодном небе — света борозда.
Примета есть: звезды летучей свет —
Тревожный признак, чьей-то смерти след.

Примета есть. Но как поверить ей?
Мы пережили тысячи смертей.
Беззвёздной ночью, в окруженье тьмы,
Друзей в походе хоронили мы.

И дальше шли — в снегу, в чаду, в пыли...
Ах, если б звёзды скорбный счёт вели
И падали под тяжестью утрат,
Какой бы разразился звездопад!

О, сколько б звёзд низринулось в ночи
Над теми, что расстреляны в Керчи,
Над павшими у Вязьмы и в Орле,
Над школьницей, что умерла в петле,
Над Бабьим Яром, где в золе подряд
Мои друзья и земляки лежат,
Над теми, что от отчих мест вдали
Укрыты горсткой неродной земли,
Над теми, что в Берлине сражены
За две минуты до конца войны, —
Весь Млечный Путь в безмолвии ночном
Осыпался бы горестным дождём!
Но с высоты студёной, чуть видна,
Срывается звезда. Всего одна...

1945

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ ВЫШЕСЛАВСКИЙ (1914–2002). Родился в Николаеве в семье инженера. Окончил Киевский университет. Поэт, переводчик, литературовед; участник войны. Дважды был тяжело ранен, но вернулся на фронт, был военным корреспондентом. Жил в Киеве. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

ВСТУПАЕМ В НЕМЕЦКОЕ СЕЛО

Плющом от света отгорожены,
стоят дома старинной моды:
они из карт как будто сложены —
из красных карт одной колоды.

Я на село смотрю и думаю:
здесь, может, тот фашист родился,
с которым я в бою под Уманью
за смерть ребёнка расплатился...

Ко мне рука за хлебом тянется,
и женщина с голодным взглядом
не устаёт шептать и кланяться...
Я не могу её — прикладом!

Пусть борьба до бесконечности
мне злом испытывает душу —
нигде закона человечности
в борьбе за правду не нарушу.

Детей не брошу ради мщения
в дыру колодезя сырую...
Не потому ль в конце сражения
я здесь победу торжествую?!

1945, Судеты

РАССКАЗ О ТЕПЛУШКЕ

Нас по дорогам той войны
везли машины.
Нас уносил от тишины
их бег мышиный.
И фронт их тряс
по сотням трасс,
как погремушки,
но я ещё в тот грозный час
застал теплушки.

.

Открыты двери с двух сторон,
и — беспристрастно
через сердца, через вагон
сквозит пространство.
Сквозят отлогие поля,
равнин изломы,
на грубых нарах шевеля
клоки соломы.
Сквозят, играя с лозняком,
степные реки...
Я тем волшебным сквозняком
пронзён навеки!

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ШУБИН (1914–1950). Родился в Елецком уезде (ныне Липецкая область) в семье мастерового. Окончил педагогический институт им. А. И. Герцена в Ленинграде. Поэт. Был военным корреспондентом на Волховском, Карельском фронтах, в 1945 — на Дальнем Востоке.

Павел ШУБИН

ВОЛХОВСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было, и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось!

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мёрзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладоге, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.

Будут навеки в преданьях прославлены
Под пулемётной пургой
Наши штыки на высотах Синявина,
Наши полки подо Мгой.

Пусть вместе с нами семья ленинградская
Рядом сидит у стола.
Вспомним, как русская сила солдатская
Немца за Тихвин гнала!

Встанем и чокнемся кружками стоя мы —
Братство друзей боевых,
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых!

1942

ПОЛМИГА

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только до той вон канавы
Полмига, полшага прожить;

Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только
Вот эту гранату,

Злорадно поставив на взвод,
Всадить её,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,

Чтоб стало в нём пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

3 августа 1943

ГЛЕБ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПАГИРЕВ (1914–1986). Родился в Екатеринодаре (Краснодар). Поэт, переводчик; участник Великой Отечественной войны.

Глеб ПАГИРЕВ

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Среди тряпья, немецких касок, ям
Здесь, у крыльца, валялось под ногами
Льняное полотенце, по краям
Расшитое большими петухами.

Весёлое творенье женских рук:
Два петуха — косые гребни, шпоры;
Они трубили зорю, а вокруг
Все заплели цветы, легли узоры.

Но полотенце было вмято в грязь,
И петухи убиты каблуками,
Они, последним криком подавась,
Лежали с незакрывшимися ртами.

А в доме — тихо, пусто и темно,
Рассыпанные по полу патроны,
Заложенное брёвнами окно
И на стене безликие иконы.

Я обошёл с товарищами дом
По гильзам, черепкам и ржавой жести
И полотенце подцепив штыком,
Повесил на крыльце на видном месте...

В какой-то день, в деревню возвратясь,
Своё жилище женщина узнает
И полотенце, брошенное в грязь,
Колодезной водою отстирает.

Повесит вновь его под образа,
И хоть вокруг всё голо, незнакомо,
Впервые вытрет насухо глаза
И наконец поймёт, что снова — дома.

ВИКТОР ФЁДОРОВИЧ БОКОВ (1914–2009). Родился в Подмосковье в крестьянской семье. Учился в Литературном институте. Поэт. В годы войны был призван на военную службу, но вскоре арестован и заключён в ГУЛАГ (1942–1947).

Виктор БОКОВ

* * *

Убитые не все подобраны,
Не все как надо похоронены.
А надо поступить по-доброму.
Они для нас не посторонние.

В конце концов давайте, люди добрые,
Найдём их, похороним с почестью.
Защитники! Какое слово гордое,
И на колени встать, и плакать хочется!

Война ушла и спряталась от нас,
Я думаю — она и недалече.
Она опять придёт в свой горький час,
Начнёт опять корёжить и калечить!

Вчера нашли бойца под Нарвою,
Под стенами отчаянного города.
Успел зажать гранату в руку правую,
Но не успел повергнуть злого врага.

На сопках, на увалах, на болотинах
То тут, то там вдруг жертвы открываются.
А кто-то крикнет: «А война-то вот она!»
И имена героев называются.

Хороним, подбираем, молимся,
Все почести героям честно возданы.
Лёд небреженья наконец-то тронулся,
И память к павшим стала клятвой родины!

1999

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НЕДОГОНОВ (1914–1948). Родился в городе Александровске-Грушевском (ныне Шахты Ростовской области) в семье кузнеца. Учился в Литературном институте. Поэт. В годы войны — фронтовой журналист.

Алексей НЕДОГОНОВ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Роса ещё дремала на лафете,
когда под громом дрогнул Измаил.
Трубач полка —
у штаба —
на рассвете
в холодный горн тревогу затрубил.

Набата звук,
кинжальный, резкий, плотный,
летел к Одессе,
за Троянов Вал,
как будто он не гарнизон пехотный,
а всю Россию к бою поднимал!

1941

МАТЕРИНСКИЕ СЛЕЗЫ

Матери моей Федосье Дмитриевне

Как подули железные ветры Берлина,
как вскипели над Русью военные грозы!
Провожала московская женщина сына...
Материнские слёзы,
материнские слёзы!..

Сорок первый — кровавое, знойное лето.
Сорок третий — атаки в снега и морозы.
Письмецо долгожданное из лазарета...
Материнские слёзы,
материнские слёзы!..

Сорок пятый — за Вислу идёт расставанье,
землю прусскую русские рвут бомбовозы.
А в России не гаснет свеча ожидания —
материнские слёзы,
материнские слёзы!..

Пятый снег закружился, завьюжил дорогу
над костями врага у можайской берёзы.
Сын седой возвратился к родному порогу...
Материнские слёзы,
материнские слёзы!..

1945

ИВАН ИВАНОВИЧ ДЕМЬЯНОВ (1914–1991). Родился в деревне Корогодино Малоархангельского уезда Орловской губернии в семье крестьянина. В годы войны — в действующей армии; водитель на Дороге жизни, на Волховском, Калининском и других фронтах. Продолжал работать водителем и в мирное время. Известный детский поэт.

Иван ДЕМЬЯНОВ

* * *

Когда от бомб, казалось, мир оглох
И друг мой пал из нашей роты
первым...
Я знал:
нужны не слёзы
и не вздох, —
а мой свинец,
мой шаг вперёд
и нервы!
Мне смерть страшна,
Но в битвах не робел,
В атаку шёл —
других не гнулся ниже...
Шёл смело в бой
Не потому,
что смел,
А потому,
что трусость ненавижу!

1948

ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ ШЕФНЕР (1915–2002). Родился в Петрограде в семье пехотного офицера, потомственного военного. Поэт, прозаик. Участник войны, старший лейтенант.

Вадим ШЕФНЕР

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДЕВУШКИ

Широкий ров пересекает луг,
Весенние в него сбегают воды.
Он кажется не делом чьих-то рук,
А давним порождением природы.

Я вспоминаю сорок первый год.
Здесь заняли мы свой рубеж когда-то.
Но этот ров у склона двух высот
Копали не сапёры, не солдаты.

Здесь девушки работали. Они,
Совсем не по-военному одеты,
Пришли сюда в те роковые дни,
Я помню их платочки и береты.

И голоса их в памяти звучат...
Они, покинув этот луг зелёный,
Отправились не в тыл — а в Ленинград,
На ближние объекты обороны.

Они ушли, бесстрашно-молоды,
На плечи взяв тяжёлые лопаты,
И каблучков их лёгкие следы
Оттиснулись на глине синеватой.

...Летят послевоенные года
Над Ленинградом, над страной,
над миром;
Мы их, наверно, видим иногда,
Тех девушек, но мы проходим мимо.

Мы их не узнаём среди других —
В ту пору мы не вглядывались в лица.
Они ж молчат о прошлых днях своих:
У них — дела, им некогда гордиться.

Но есть другие — те, которых нет,
Которых повидать нигде не сможем.
Они не встретят над Невой рассвет,
Гулять не выйдут вечером погожим.

Они в свои квартиры не вбегут,
Даря улыбки и рукопожатья.
Лишь матери седые берегут
В своих шкафах их выпускные платья.

Да у подружек школьных, у друзей
Ещё по старой памяти хранятся
Их фотоснимки довоенных дней —
Шесть на девять и девять на двенадцать.

Они ни встреч не помнят, ни разлук,
Ни голода, ни пламени, ни дыма, —
И смотрят на седеющих подруг
С улыбкой ясной и неповторимой.

1959

НА ПЕНСИИ

Парикмахер пехотный
Пристрастился к вину.
Он не очень охотно
Вспоминает войну.

А гордиться он вправе,
И заслужен покой, —
Только боже избави
От работы такой.

Ах, острижено сколько!
Стриг он как заводной,
Не под бокс, не под польку, —
Всё под ноль да под ноль.

Он работал отлично,
Понимал что к чему —
Но не каждый вторично
Мог явиться к нему.

Ах, пехота, пехота —
Строевой матерьял!..
На холмах, на болотах
Он клиентов терял.

Видно, полька-канадка
Не для этих ребят —
Под землёй в плащ-палатках
Двадцать лет они спят.

...Нынче грустно мне что-то,
Ты налей мне, налей!..
Ах, пехота, пехота,
Царица полей!

1968

«Дым войны, что в душу мне проник...»

ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВНА СЫРИЩЕВА (1915–2008). Родилась в Петрограде, детство и юность провела в Баку. Окончила архитектурный факультет Азербайджанского института искусств и Литературный институт. Поэт, переводчик.

Татьяна СЫРЫЩЕВА

* * *

Нет, войны я так и не узнала.
Шла она, как туча, стороной.
Гром — и две-три капли...
Слишком мало
я была затронута войной.
Только в тесноте военкомата
мальчикам, глядящим в руки мне,
объясняла, как держать гранату,
как бросать гранату
на войне.

А ещё мы знали
цену хлеба,
света в окнах, тишины, воды.
От всего распахнутого неба
ждали мы
какой-нибудь беды.
Плачем провожали всех вокзалы,
до сих пор лицо горит от слёз.
А войны
я так и не узнала, —
ветер тучу в сторону отнес.

АНАТОЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ ЧИВИЛИХИН (1915–1957). Родился в Петрограде. Работал учителем. Окончил Ленинградский инженерно-экономический институт. Поэт, участник обороны Ленинграда. Военный корреспондент.

Анатолий ЧИВИЛИХИН

МЫ ПРИКРЫВАЕМ ОТХОД

Отход прикрывает четвёртая рота.
Над Волховом тусклое солнце встаёт.
Немецкая нас прижимает пехота.
Спокойствие. Мы прикрываем отход.

Браток! Вон камней разворочена груда —
Туда доползи, прихвати пулемёт.
Ты лишний — скорей выметайся отсюда:
Не видишь, что мы прикрываем отход!

Прощайте! Не вам эта выпала доля.
Не всё ж отходить, ведь наступит черёд...
Нам надобно час продержаться, не боле.
Продержимся — мы прикрываем отход.

Не думай — умру, от своих не отстану.
Вон катер последний концы отдаёт —
Плыви, коль поспеешь, скажи капитану:
Мы все полегли. Мы прикрыли отход.

1942

ЕВГЕНИЙ АРОНОВИЧ ДОЛМАТОВСКИЙ (1915–1994). Родился в Москве в семье адвоката. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, впоследствии много лет преподавал в нём. Поэт, переводчик; многие его стихотворения положены на музыку, стали популярными песнями. Участник советско-финской войны. С первых дней Великой Отечественной войны — фронтовой корреспондент, был ранен, попал в плен, бежал.

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

СЛУЧАЙНЫЙ ВАЛЬС

Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок.

Хоть я с вами почти незнаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного.
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём,
Так скажите мне слово,
Сам не знаю о чём.

Будем кружить,
Петь и дружить.
Я совсем танцевать разучился
И прошу вас меня извинить.
Утро зовёт
Снова в поход.
Покидая ваш маленький город,
Я пройду мимо ваших ворот.

Хоть я с вами почти незнаком
И далёко отсюда мой дом,
Я как будто бы снова
Возле дома родного.
В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоём,
Так скажите мне слово,
Сам не знаю о чём.

1943

* * *

Одному поколенью на плечи —
Не слишком ли много?
Испытаний и противоречий
Не слишком ли много?

Я родился в войну мировую,
Зналось детство с гражданской войною,
И прошёл полосу моровую,
И макуха
Знакома со мною,
И разруха
Знакома со мною.

Старый мир напоследок калечил,
Но убить нас не смог он.
Одному поколению на плечи —
Не слишком ли много?

А считалось, что только одною
Мировую войною
Вся судьба одного поколения
Ограничена строго.
Сколько дней я сгорал
В окруженье,
Сколько лет я бежал
В наступленье —
Не слишком ли много?

Так дымились Освенцима печи,
Что черны все тропинки до бога.
Одному поколению на плечи —
Не слишком ли много?

Путешественнику полагалось
Два — от силы — кочевья,
Борзый конь, и натянутый парус,
И восторг возвращенья.
Нам — транзитные аэродромы,
Вновь и снова дорога.
И разлук и моторного грома
Не слишком ли много?

Одиссею — одна Одиссея...
Нам же этого мало.
Раз в столетие землетрясенье
На планете бывало.
Трижды видел, как горы качались,
Дважды был я в цунами.
(А ведь жизнь —
Только в самом начале,
Говоря между нами.)

Это б в прежнее время хватило
Биографий на десять.
Если вихрем тебя закрутило,
На покой не надейся.
Только мы не песчинками были
В этом вихре,
А ветром,
Не легендою были,
А былью,
И не тьмою,
А светом.
Равнодушные с мнимым участием
Соболезнуют, щурясь убого.
Только думают сами —
Поменяться бы с нами местами.
Одному поколению счастья
Не слишком ли много?
А они-то ведь, кажется, правы!
И меняться местами,
Нашей выстраданной славой
Ни за что
и ни с кем
мы не станем!

1965

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КОВАЛЁВ (1915–1977). Родился в Могилёвской губернии. Учился в Ленинградском университете; окончил Высшие литературные курсы. Вёл поэтический семинар в Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт. Начиная войну рядовым стрелком в морской пехоте, моряк-подводник, затем фронтовой корреспондент флотских газет.

Дмитрий КОВАЛЁВ

ПОТЕРИ

Они сошли в Полярном, в полдень, с бота.
Как уцелел он, как дошёл сюда?
Что там теперь? Туда ушла пехота.
Слыхать, бомбили по пути суда.
На всех шинели, ржавые от крови,
Пожухли, коробом стоят.
И только взгляды скорбь потерь откроют,
Но, как позор свой, ужас затаят.
От всей заставы пятеро осталось.
И не сознание подвига — вина.
В глазах — тысячелетняя усталость...
А только, только началась война.

1941

* * *

Был схвачен. Не ушёл из-под расстрела.
Из партизан во сне приходит к ней:
— На мне рубаха, мама, вся истлела,
Смени рубаху мне, дай поновой... —
Ещё почти мальчишка, худ, небритый,
Измученный, прерывисто дыша,
Лишь видно по губам, что говорит он.
Сквозь гимнастёрку светится душа.
Она сундук старинный открывает —
И бережёную на спинку, на кровать
Кладёт... Его от сердца отрывает —
И всё никак не может оторвать...
Перебралась из старого барака
Недавно в новый дом. Снесли барак.
Забеспокоилась и стала плакать:
Сменился адресок. Отыщет как?..
А он,
Хоть и не жил ещё, —
Из умниц:
По занавеске вышитой в окне
Узнал — и вот нашёл,
Не зная улиц:
— Истлела вся... Смени рубаху мне.

МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ МАТУСОВСКИЙ (1915–1990). Родился в Луганске в семье фотографа. Окончил МИФЛИ. Поэт-песенник, литературовед, прозаик; участник войны, журналист; майор. Музыка к песне «На безымянной высоте» написал В. Е. Баснер.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Дымилась роща под горою,
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только двое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте, —
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте.

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те, —
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте.

Над нами «мессеры» кружили,
И было видно, словно днём.
Но только крепче мы дружили
Под перекрёстным артогнём.
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте, —
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте.

Мне часто снятся все ребята —
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте —
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте.

1963

НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

А память готова взорваться опять,
Лишь только её вы затроньте.
Вы знаете, где нам пришлось воевать?
На Северо-Западном фронте.

Над нами обугленный тлеет небосвод
То в красном, то в белом накале.
Всю сырость псковских и демянских болот
С собой мы в подсумках таскали.

Здесь леший беседовать с нами привык,
Качаясь на ёлочных лапах.
Из нас ни одни ещё санпропускник
Болотный не вытравил запах.

Нам в грязь приходилось деревья валить,
Тащить из грязи волокуши.
Тогда ещё бог не успел отделить,
Как следует, землю от суши.

Мы жили в промозглых сырых погребях,
В сырые шинели одеты,
Курили сырой филичѣвский табак
И ели сырые галеты.

Ни вѣшки какой, ни столба со звездой
Нельзя водрузить на могиле.
В траншеях, заполненных ржавой водой,
Мы мѣртвых своих хоронили.

Три дня самолѣта с продуктами нет.
Покрепче ремень засупоньте.
Мы знаем теперь, где кончается свет, —
На Северо-Западном фронте.

Сквозь серенький морок и вечный туман
Тащились обозные клячи.
У «эмок», засевших по самый кардан,
Летели к чертям передачи.

Автобусы юзом ползли под откос,
Обратно вскарабкаться силась.
Имея две пары ведущих колѣс,
Вовсю пробуксовывал «виллис».

По этой лежнѣвке прошлѣпай хоть раз,
Трѣхтонки нуждались в ремонте.
Нелѣгкое дело отыскивать нас
На Северо-Западном фронте.

Кому приднепровские степи сродни,
Кто верен снегам Ленинграда.
Но эти замшелые кочки да пни
Кому-то отстаивать надо?!

Поскольку наш фронт города не берѣт,
Нас всем обделяло начальство.
И сводки Советского информбюро
О нас сообщали не часто.

Протѣрты у нас на коленях штаны,
Слиняли давно гимнастерки.
И если бывает фасад у войны,
То мы — фронтовые задворки.

В фашистской, протянутой к нам пятерне
Торчали мы вместо занозы.
И если поэзия есть на войне,
Мы были страницей прозы.

Мы, встав здесь однажды, не двигались вспять,
Решив не сдаваться на милость.
Наверно, поэтому нас убивать
По несколько раз приходилось...

Окопы уходят в траву без следа,
До дна высыхают болотца.
Быстрее, чем мгновенья, мелькают года,
Но *это* со мной остаётся.

И вижу я вновь, как при сильной грозе,
И лес, и высотку напротив, —
И снова, и снова теряю друзей
На Северо-Западном фронте.

1974

МАРГАРИТА ИОСИФОВНА АЛИГЕР (1915–1992). Родилась в Одессе в семье адвоката. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэтесса, переводчица. В 1943 году была удостоена Сталинской премии за поэму «Зоя», посвящённую знаменитой участнице диверсионной группы, действовавшей на оккупированной гитлеровцами территории Подмосковья.

Маргарита АЛИГЕР

* * *

Мне предназначено в веках,
из дома изгнанной войною,
пройти с ребёнком на руках
чужой лесистой стороною,

узнать дорогу до конца,
хлебнуть мороза, зноя, пыли,
и плакать каплями свинца,
которыми тебя убили.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Уснул, моё сокровище,
не встанет ото сна.
Не выветрилась кровь ещё,
земля ещё красна.

И новая трава ещё
над ним не проросла.
И рядом спят товарищи,
не встанут ото сна.

И птицы поднебесные,
когда на юг летят,
могилы эти тесные
в полёте разглядят.

И земляки солдатские,
когда в поля пойдут,
могилы эти братские
не вспашут, обойдут.

Ветрами чисто метены,
без памятных камней,
хранит земля отметины
погибших сыновей.

И если чудо сбудется
в далекие года,
война людьми забудется,
землём — никогда!

1945

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ СИМОНОВ (1915–1979). Родился в Петрограде в семье генерал-майора Михаила Симонова и княжны Александры Оболенской. Окончил Литературный институт. Виднейший литературный деятель советского времени; поэт, прозаик. Шесть раз удостоен Сталинской премии; лауреат Ленинской премии; Герой Социалистического Труда. В годы войны — корреспондент газеты «Красная Звезда» в действующей армии на разных фронтах.

Константин СИМОНОВ

* * *

(А. Суркову)

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.

Как слёзы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси...

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась.

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, всё-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти посёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенской
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём».

«Мы вас подождём!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока ещё милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

* * *

(В. С.)

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять неждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

* * *

Я пил за тебя под Одессой в землянке,
В Констанце под чёрной румынской водой,
Под Вязьмой на синем ночном полустанке,
В Мурманске под белой Полярной звездой.

Едва ль ты узнаешь, моя недотрога,
Живые и мёртвые их имена,
Всех добрых ребят, с кем меня на дорогах
Короткою дружбой сводила война.

Подводник, с которым я плавал на лодке,
Разведчик, с которым я к финнам ходил,
Со мной вспоминали за рюмкою водки
О той, что товарищ их нежно любил.

Загадывать на год война нам мешала,
И даже за ту, что, как жизнь, мне мила,
Сегодня я пил, чтоб сегодня скучала,
А завтра мы выпьем, чтоб завтра ждала.

И кто-нибудь, вспомнив чужую, другую,
Вдохнув, мою рюмку посмотрит на свет
И снова нальёт мне: — Тоскуешь? — Тоскую.
— Красивая, верно? — Жаль, карточки нет.

Должно быть, сто раз я их видел, не меньше,
Мужская привычка — в тоскливые дни
Показывать смятые карточки женщин,
Как будто и правда нас помнят они.

Чтоб всех их любить, они стоят едва ли,
Но что ж с ними делать, раз трудно забыть!
Хорошие люди о них вспоминали,
И значит, дай бог им до встречи дожить.

Стараясь разлуку прожить без оглядки,
Как часто, не веря далёкой своей,
Другим говорил я: «Всё будет в порядке,
Она тебя ждёт, не печалься о ней».

Нам легче поверить всегда за другого,
Как часто, успев его сердце узнать,
Я верил: такого, как этот, такого
Не смеет она ни забыть, ни продать.

Как знать, может, с этим же чувством знакомы
Все те, с кем мы рядом со смертью прошли,
Решив, что и ты не изменишь такому,
Без спроса на верность тебя обрекли.

1941

* * *

Словно смотришь в бинокль перевёрнутый —
Всё, что сзади осталось, уменьшено,
На вокзале, метелью подёрнутом,
Где-то плачет далёкая женщина.

Снежный ком, обращённый в горошину, —
Её горе отсюда невидимо;
Как и всем нам, войною непрошено
Мне жестокое зрение выдано.

Что-то очень большое и страшное,
На штыках принесённое временем,
Не даёт нам увидеть вчерашнего
Нашим гневным сегодняшним зрением.

Мы, пройдя через кровь и страдания,
Снова к прошлому взглядом приблизимся,
Но на этом далёком свидании
До былой слепоты не унизимся.

Слишком много друзей не докличется
Повидавшее смерть поколение,
И обратно не всё увеличится
В нашем горем испытанном зрении.

1941

* * *

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.

Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.

И к мёртвым выправив билет,
Всё едет кто-нибудь из близких
И время добавляет в списки
Ещё кого-то, кого нет...

И ставит,
 ставит
 обелиски.

1971

ЛЮДМИЛА КОНСТАНТИНОВНА ТАТЬЯНИЧЕВА (1915–1980). Родилась в городе Ардатове (ныне Мордовия) в семье студента-медика и сельской учительницы. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэтесса, литературная деятельница.

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА

СУРОВЫЙ ТАНЕЦ

И на току,
И в чистом поле
В войну я слышала не раз:
— А ну-ка, бабы,
Спляшем, что ли! —
И начинался сухопляс.
Без музыки.
Без вскриков звонких.
Сосредоточенны, строги,
Плясали бабы и девчонки,
По-вдовьи повязав платки,
Не павами по кругу плыли,
С ладами чуткими в ладу,
А будто дробно молотили
Цепами горе-лебеду.
Плясали, словно угрожая
Врагу:
— Хоть трижды нас убей,
Воскреснем мы и нарожаем
Отечеству богатырей! —
Наперекор нелегкой доле,
Да так, чтобы слеза из глаз,
Плясали бабы в чистом поле
Суровый танец —
Сухопляс.

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВ (Исаак Владимирович; 1915–1986). Родился на Украине. Поэт, инвалид Великой Отечественной войны. Стихи были положены на музыку композитором Ваню Мурадели и стали всемирно известной песней. Автор нескольких сборников сатирических стихотворений.

Александр СОБОЛЕВ

БУХЕНВАЛЬДСКИЙ НАБАТ

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Это возродилась и окрепла
В медном гуле праведная кровь.
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь!
И восстали.
И восстали.
И восстали вновь!

Сотни тысяч заживо сожжённых
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.
Слышите громовые раскаты?
Это не гроза, не ураган.
Это, вихрем атомным объятый,
Стонет океан, Тихий океан.
Это стонет,
Это стонет
Тихий океан!

Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон.
Звон плывёт, плывёт над всей землёю,
И гудит взволнованно эфир:
Люди мира, будьте зорче втрое,
Берегите мир, берегите мир!
Берегите,
Берегите,
Берегите мир!

1958

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДУДИН (1916–1993). Родился в крестьянской семье. Поэт, литературный деятель. С 1939 года — в Красной Армии, участвовал в советско-финской войне, в обороне Ленинграда.

Михаил ДУДИН

ТОВАРИЩАМ 1941 года

На закате горят города,
Задышаются с детскими снами.
Эшелоны уходят туда,
Эшелоны, набитые нами.

Там трещит за редутом реду́т,
Там сломался рубеж обороны.
На закат эшелоны идут,
Днём и ночью идут эшелоны.

На закате горят города.
Не гляди, не надейся на чудо.
Эшелоны уходят туда.
Но они не вернуться оттуда.

Провожала нас Родина-мать.
И шинель и винтовку вручила.
Не просила в бою погибать
И в бою отступить не учила.

Нам судьбою узнать не дано
Все о нас сочиненные были.
Мы погибли без спроса давно,
А о том, как погибли, забыли.

Пролетели над нами года,
И салют отгремел многократно.
Эшелоны ушли в никуда.
И никто не вернулся обратно.

1986

МИХАИЛ ДАВЫДОВИЧ ЛЬВОВ (псевдоним Рафката Давлетовича Маликова-Габитова; 1917–1988). Родился в семье сельского учителя в селе Насибаш (ныне Башкортостан). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Воевал в танковых войсках. Поэт, переводчик.

Михаил ЛЬВОВ

* * *

Я был убит приснившимся осколком.
Моя невеста плакала вдали.
Она ещё не выплакалась толком, —
Уже за ней охотники пришли.

Нет, я тебя, о жизнь, не обвиняю
За то, что ты недолго помнишь нас,
Такой, как есть, тебя я принимаю
На год, на день, на молодость, на час.

Меня любила девушка. Наверно,
Меня любила девушка. Она
Была, наверно, мне до смерти верной,
А после смерти верность не нужна.

Прости меня, далёкая, живая,
Что я тебя, как варвар, ревновал,
Опасности везде подозревая,
Ступить тебе и шагу не давал.

Но в шесть утра горнисты Измаила,
Как ангелы, трубящие в раю,
Солдата вновь подняли из могилы,
И я опять ревную и люблю.

1945

ПАВЕЛ ФЁДОРОВИЧ БОГДАНОВ (1917–). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, участник войны.

Павел БОГДАНОВ

ШЁЛ СОЛДАТ К ПОБЕДЕ

Все, кто на войне служил в пехоте,
Знают: в ней не как в других войсках, —
Рядовой боец несёт в походе
Всё хозяйство на своих плечах.

Вещмешок, да скатка, да лопата.
Каска, котелок, противогаз.
Автомат, патроны да гранаты.
Фляга, ложка, сухарей запас.

Бинт да вата, — если будешь ранен,
Перевяжешься, наложишь жгут.
Да ещё — пенал в грудном кармане
С адресом твоим, когда убьют...

Воин шёл в дыму, в огне сражений,
В слякоть, в зной, и в дождь, и в снегопад.
С полным двухпудовым снаряженьем,
С полной выкладкой солдат.

И была к победе в сорок пятом
Та дорога тяжкая длинна.
И лежала на плечах солдата
Вся война...

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ФОМИЧЁВ (1917–1982). Поэт, участник войны. Был в гитлеровском плену.

Николай ФОМИЧЁВ

ОЧЕВИДЕЦ

С. А.

Сам с собой
Возбуждённо толкую —
Без пера и бумаги
Пишу.
Лишь согретую сердцем
Строку я
В самодельный блокнот заношу.

Всё в стихи
Я хочу переплавить:
Пытки ночью,
Расстрел поутру...
Пусть топорно!
Успею поправить,
Если в лагере сам не умру.

Верю:
Стих мой,
Со временем споря,
Из неволи
Вернётся домой —
Очевидец великого горя,
Преступлений свидетель живой.

Рурский поселок Гербеде

* * *

С немкой возле станка поболтал...
Мастер, шедший по цеху в то время,
Поглядел на меня, как султан,
Повстречавший мужчину в гареме.

И за это здесь могут схватить:
Всё мерещится им, между прочим,
Что арийскую кровь развести
Замышляет восточный рабочий!

ГЛЕБ СЕРГЕЕВИЧ СЕМЁНОВ (при рождении Глеб Борисович Деген; 1918–1982). Родился в Петрограде. Окончил Ленинградский государственный университет. Поэт, переводчик, литературный педагог. По состоянию здоровья в армию не призывался. В блокаду работал в лаборатории МПВО; затем был вывезен в Пермь.

Глеб СЕМЁНОВ

* * *

Я — тыловая крыса.
«Люди — они на фронте,
а этот — в своей постели
спит со своей женой...» —

Бабы глаза ей колют.
Скажет она: «Не троньте!»
Заплачет она: «Неправда,
он у меня больной!»

Бабы ярятся пуще:
«Руки и ноги целы!
Годен детишек делать —
годен и на войну!..»
Словом, я окопался.
Местные офицеры
за женщину не считают,
обходят мою жену.

Весь день над столом сутуюсь,
а ночью — одно и то же
снится:
перед сержантом
встаю, как на пьедестал:
«Есть прикрыть отступление!» —
и сонный восторг по коже...
Снится, что стал я годным,
хоть на смерть,
да годным стал!

«Дым войны, что в душу мне проник...»

МИХАИЛ КУЗЬМИЧ ЛУКОНИН (1918–1976). Родился в Астраханской губернии в семье почтового служащего. Окончил Сталинградский учительский институт; учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт, участник советско-финской и Великой Отечественной войн.

Михаил ЛУКОНИН

ХОРОШО

Хорошо перед боем,
Когда верится просто
В то, что встретимся двое,
В то, что выживем до ста.
В то, что
Не оборвётся
Всё свистящим снарядом,
Что не тут разорвётся,
Дальше где-нибудь, рядом.
В то, что с тоненьким воем
Пулякинётся мимо.
В то,
чему перед боем
Верить
Необходимо.

1942

ИВАН ВЕНЕДИКТОВИЧ ЕЛАГИН (псевдоним Матвеева; 1918–1987). Родился во Владивостоке. Учился в Киевском медицинском институте. Во время войны оказался на оккупированных землях, затем — в Западной Европе. С 1950 жил в США. Один из крупнейших русских поэтов второй волны изгнания.

Иван ЕЛАГИН

* * *

Уже последний пехотинец пал,
Последний лётчик выбросился в море,
И на путях дымятся груды шпал,
И проволока вянет на заборе.

Они молчат — свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене,
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.

Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли...
Там города залечивают раны.

Там будут снова строить и ломать.
А человек идёт дорогой к дому.
Он постучится — и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

* * *

Что останется? ржавчина свалок.
Долгий голод, рассказы калек...
И подумают дети, что жалок
Был прославленный пулями век.

Что им скажут какие-то числа
Покоробленных временем дат,
Там, где криво дощечка повисла
Над твоею могилой, солдат?

И никто не узнает, что душу
Ты отыскивал в чёрном бою,
Там, где бомба хрипела — «разрушу»,
Там, где пуля свистела — «убью»...

Где прошёл ты, весь в дыме и пепле,
В дыме боя и пепле седин,
Там, где тысячи гибли и слепли,
Чтобы солнце увидел один...

НИНА ИВАНОВНА НОВОСЕЛЬНОВА (урожд. Сиротина; 1919–1999). Участница войны; сержант медицинской службы. Награждена медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны 2-й степени. Была тяжело контужена, потеряла слух. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэтесса.

Нина НОВОСЕЛЬНОВА

СОЛДАТСКИЕ ПЕСНИ

Всё было — и скользко, и круто,
Всё было — и солнце, и мгла,
Но тихая эта минута
Со мною сквозь годы прошла:

Стреляют поленья сухие,
Недолог походный уют.
Девчата «второй хирургии»
Солдатские песни поют.

Иль сводки последних известий
Повинны, тревожные, в том,
Что даже походные песни
Мы так вдохновенно поём?

И плач над могилою братской,
И зовы далёкой любви —
Всё вылилось в песне солдатской,
А песню как хочешь зови.

Замкнушь, тишины не нарушу,
А боль моя — дело моё...
И ранит мелодия душу
И мягко врачует её.

Терпи! Не приходит до срока
Ни радость, ни горькая весть...
И грустно, что счастье далёко,
И сладко: далёко, да есть.

АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ ВОЛОДИН (псевдоним Лифшица; 1919–2001). Родился в Минске. Окончил ВГИК. Кинодраматург, прозаик, поэт. По его сценариям сняты фильмы «Звонят, откройте дверь», «Старшая сестра», «Пять вечеров», «Осенний марафон» и др. Участник войны, награждён медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны 1-й степени и др.

Александр ВОЛОДИН

* * *

Нас матери на руки сдали
короткой победной войне.
Нам скорбно доверился Сталин.
Кому это нам? Это мне.

Как мины постыло скрежещут,
как женщины мучат во сне.
Нам век не хватать будет женщин.
Кому это нам? Это мне.

* * *

Всё ещё, хотя и реже
снятся сны, где минный скрежет
и разрывов гарь и пыль.
Это — было, я там был.

Но откуда — про глухие
стены, где допросы, страх,
сапогом по морде, в пах?..
Я там не был! Но — другие...

* * *

Аккуратно, перед наступлением
все по кружкам разливают водку.
Порошённый снегом суп глотают,
хлеб дожёвывая на ходу.

Мы с Сурудиным сидим в сторонке.
Может быть, последний ломоть хлеба,
может быть, последний раз из фляги
водку разливаем пополам.

Выпили. Чтоб тот, кто уцелеет,
помнил этот день оглохший, белый,
и домой вернулся, и за друга
две хороших жизни пережил!

У него в спине была воронка.
Мелкая воронка, но насквозь.

1942

* * *

Станиславу Любину

В траншейных профилях земли
мы пели. А над нами пели
снаряды. Плакали, скрипели
и подпевали, как могли.
Почти не помню песню ту.
Но были там слова такие:
«Не для меня сады цветут.
Не для меня придёт весна
и песней жаворонок зальётся,
и кто-то в роще отзовется
с восторгом чувств не для меня!»

И вот весна пришла. Не для
меня. И жаворонок залился.
А я напился и свалился
в канавы, травы и поля.

Никто, никто не помнит слов.
Кто помнил — тех уж нет на свете.

* * *

Солдатской переписки строки.
Письмо в расчёте на ответ
той незнакомой, той далёкой
в подшивке полковых газет,
которая светло и странно
глядит с газетного листа.
Черты её лица туманны —
всегда туманна красота.
Простые сведенья сначала:
работа. Братик. Мама. Дом.
Знакомство. Жалоба на жалость.
А чувства? Нет, они потом.
О том, чтобы соединиться,
пока и речи в письмах нет.
Там лучшая души частица,
и лучшая придёт в ответ.
Живут и писем ожидают
двух почт счастливые рабы.
Уже меж строчек польхают
тоска, предчувствие судьбы...

Сто лет прошло. Я получаю
смешное в сутолоке дня
письмо от женщины случайной,
совсем не знающей меня.

И вот сажусь за стол, как прежде.
Очки надел. Включаю свет.
В полукомической надежде
я, как солдат, пишу ответ...

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ФАТЬЯНОВ (1919–1959). Родился во Владимирской губернии. Учился в театральной студии. Поэт, около двухсот его стихотворений положено на музыку («Соловьи», «Давно мы дома не были» — композитор В. Соловьёв-Седой). В начале войны служил в Ансамбле красноармейской песни и пляски. Затем фронтовой корреспондент, также постоянно выезжал на фронт с концертами. Был ранен; служил в действующей армии.

Алексей ФАТЬЯНОВ

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зелёный над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жён, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

ДАВНО МЫ ДОМА НЕ БЫЛИ

Горит свечи огарочек,
Гремит недалний бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой!
Не тратя время попусту,
По-дружески да попросту
Поговорим с тобой.

Давно мы дома не были...
Шумит над речкой ель,
Как будто в сказке-небыли,
За тридевять земель.
На ней иголки новые,
А шишки все еловые,
Медовые на ней.

Где ёлки осыпаются,
Где ёлочки стоят,
Который год красавицы
Гуляют без ребят.
Без нас девчатам кажется,
Что месяц сажей мажется,
А звёзды не горят.

Зачем им зорьки ранние,
Коль парни на войне,
В Германии, в Германии,
В далёкой стороне.
Лети, мечта солдатская,
К дивчине самой ласковой,
Что помнит обо мне.

Горит свечи огарочек,
Гремит недалёкий бой.
Налей, дружок, по чарочке,
По нашей фронтовой!..

1944

БОРИС АБРАМОВИЧ СЛУЦКИЙ (1919–1986). Родился в Славянске на Донбассе. Учился в Московском юридическом и Литературном институтах. Поэт. Добровольцем ушёл на фронт, служил следователем дивизионной прокуратуры, затем — политработник; гвардии майор. Был контужен.

Борис СЛУЦКИЙ

КЛЮЧИЦА

Опасения не зная
и не ведая забот,
рана бывшая сквозная
в мускулах моих живёт.
Он осколок. Он приличный:
полтора на полтора.
Он спокойный и привычный.
Изредка ожжёт с утра.

Сердце схватит, поиграет
и отпустит спустя миг.
Много он не забирает
времени и сил моих.

Кончилась война в Европе.
Мир. Иные времена.
А в моей ключице вроде
продолжается война.

Продолжается война,
вроде ни к чему она,
но её врачам не вынуть
и хирургам не извлечь.
С нею мне и жить и сгинуть,
без неё ни сесть, ни лечь.

В этой маленькой войне
много может приключиться.
Эта самая ключица —
ключ ко многому во мне.

ПРО ЕВРЕЕВ

Евреи хлеба не сеют,
Евреи в лавках торгуют,
Евреи раньше лысеют,
Евреи больше воруют.

Евреи — люди лихие,
Они солдаты плохие:
Иван воюет в окопе,
Абрам торгует в рабкопе.

Я всё это слышал с детства,
Скоро совсем постарею,
Но всё никуда не деться
От крика: «Евреи, евреи!»

Не торговавши ни разу,
Не воровавши ни разу,
Ношу в себе, как заразу,
Проклятую эту расу.

Пуля меня миновала,
Чтоб говорилось нелживо:
«Евреев не убивало!
Все воротились живы!»

ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

Лошади умеют плавать,
Но — не хорошо. Недалеко.

«Глория» — по-русски значит «Слава», —
Это вам запомнится легко.

Шёл корабль, своим названьем гордый,
Океан старался перевозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья всё ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шляпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если
Нету мест на лодках и плотях?

Плыл по океану рыжий остров.
В море в синем остров плыл гнедой.

И сперва казалось — плавать просто,
Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края.
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и всё. А все-таки мне жаль их —
Рыжих, не увидевших земли.

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ РАЗУМОВСКИЙ (1919–2000). Родился в Орловской губернии. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Литературный институт. Спортсмен-волейболист, тренер. Поэт, публицист, детский писатель. Сделал собственный перевод «Слова о полку Игореве».

Юрий РАЗУМОВСКИЙ

СОСЕД

Нас не нужно жалеть,
ведь и мы никого б не жалели.

С. Гудзенко

Жил со мной в коммуналке чекист —
Он соседям на кухне подолгу
Говорил, что пред родиной чист,
Что расстреливал, следуя долгу.
И, напившись, чекист не молчал —
Он рассказывал нам, как пытали.
Вспоминал вдруг такие детали,
Что мы спать не могли по ночам.
Иногда он припомнить любил,
Как на фронте расстреливал трусов —
Новобранцев, мальчишек безусых, —
И подсчитывал, скольких убил.
Вспоминал он, как кони шалели
От пропитанной кровью травы,
Как снимал он с казнённых шинели
И как сбрасывал трупы во рвы...
А когда стал всё чаще болеть
И почти что совсем обезножел,
Он просил нас его пожалеть
И помочь ему, чем только можем.
Я сказал ему, вспомнив про рвы
И про снятые с мёртвых шинели:
«Вас не надо жалеть — ведь и вы
Никогда никого не жалели...»
И хотя обругал он меня,
Я смолчал, а потом, между прочим,
Помогал до последнего дня
И закрыл ему грешные очи.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ НАРОВЧАТОВ (1919–1981). Родился в Хвалынске. Окончил МИФЛИ и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, публицист, литературовед. Добровольцем участвовал в советско-финской и Великой Отечественной войнах.

Сергей НАРОВЧАТОВ

В ТЕ ГОДЫ

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжённых сёл, казнённых городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И вороньё кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мезтью мстить мне за тебя?

1941

ДОРОГА В ТЧЕВ

Я сегодня расскажу вам про дорогу в Тчев,
Как на пыльном перекрёстке битых три часа
Я стоял ошеломлённый, вовсе проглядев
Всё выдавшие на свете синие глаза.
Вёл колонну итальянцев одорукий серб,
Под норвежским флагом фура проплелась, пыля,
И мне честь, шагая мимо, отдал офицер
В непривычном мне мундире службы короля.
Шли цивильные поляки, — пестрая толпа! —
Шёл француз под руку с чешкой — пара на большой!
Их вчера столкнула вместе общая тропа,
Завтра их наделит разною судьбой.
Шёл старик в опорках рваных, сгорблен, сед и хром.
С рюкзаком полуистлевшим на худой спине.
— Где батрачил ты? — спросил я. — Где свой ищешь дом?
— Я профессор из Гааги, — он ответил мне.
Шла девчонка. Платье — в клочья, косы — как кудель:
«Вот, — подумал я, — красотка с городского дна».
— Как вы хлеб свой добывали, о мадмуазель? —
И актрисой из Брюсселя назвалась она.
Шёл в диковинных отрепьях, сношенных вконец,

Черномазенький мальчишка — что за странный взгляд.
— Где ж ты родичей оставил, Расскажи, малец?!
— Их повесили в Софии год тому назад.
Так и шли людские толпы: Что там толпы — тьмы!
Всех языков и наречий, всех земных племен.
В эти дня земле свободу возвращали мы,
В эти дня был сломлен нами новый Вавилон.

1944

О ГЛАВНОМ

Не будет ничего тошнее, —
Живи ещё хоть сотню лет, —
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

Стою в намокшей плащ-палатке,
Надвинув каску на глаза,
Ругая власть и без оглядки
Всё то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел проклятый дождь, —
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдёшь.

Ведь как-никак мы в сорок пятом,
Победа — вот она! Видна!
Выходит срок служить солдатам,
А лишь окончится война,

Тогда — то, главное, случится!..
И мне, мальчишке, невдомёк,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.

Что ни главнее, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

1970

«Дым войны, что в душу мне проник...»

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АРАКЧЕЕВ (р. 1919) — поэт; участник Великой Отечественной войны.

Сергей АРАКЧЕЕВ

БЕЗЫМЯННОЕ БОЛОТО

Одно болото, где мы спали стоя,
Едва сумев дожидаться до утра,
Мы называли чёртовой дырою —
В нём от застоя дохла мошкара.

В нём не хотели рваться даже мины,
А шли ко дну, пуская пузыри,
И если б не было за ним Берлина,
Мы б ни за что сюда не забрели!

1944

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЛЮКИН (1919–1968). Родился в Нижегородской области в крестьянской семье. Окончил Высшие литературные курсы. Поэт; участник войны.

Александр ЛЮКИН

ВДОВИЙ ДОМ

Пол намыт
С песком,
До блеска.
Утром политы цветы,
На окошке занавеска
Несказанной чистоты.

В доме чисто,
В доме свято,
Ни соринки
Не видать.
Непорочна,
Не помята,
У стены
Стоит кровать.

Но в неистовой
Истоме
Стены,
Стулья,
Тьма в углу —
Всё тоскует
В этом доме
Об окурках
На полу.

АЛЕКСЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ МАРКОВ (1920–1992). Родился в Ставропольской губернии. Во время искусственного голода 1932–1933 годов мать поэта с двумя детьми бежала на товарняке от заградотрядов в Дагестан. Окончил Буйнакское педагогическое училище, преподавал русский язык в ауле Ашты. Ушел на фронт в 1941 году. Сержантом окончил войну в 1945 году в Берлине.

Алексей МАРКОВ

* * *

Мы матерились в рукопашной,
Кто был в бою, меня поймёт!
Какой-то лейтенантик страшно
Кричал: «За Сталина! Вперёд!»
Но этого казалось мало,
Стал сыпать по-другому он,
И мы четвёртым, пятым валом
Немецкий смяли батальон.
Дымились на земле патроны,
Не то горячие слова?
Кружился шар земной со звоном,
Не то кружилась голова?
А лейтенантик, что искусно,
Неподражаемо орал,
Почти мальчишечка безусый,
Сейчас в ложбине умирал...
Неоспоримо и упрямо
Хотел привстать... Шептал приказ...
Но вот сказал протяжно: «Мама...»,
И все мы шапки сняли враз,
И голос растворился в нас...

ПОЛКОВОЙ МАРШ

За стеной с тревогой зовущей,
Разрывая тишину окрест,
Почему-то за сердце берущий
Марш выводит полковой оркестр.

Занавес на окнах в час разлуки,
Чтобы не смущать любовью дня.
Очень понимающие руки
Обнимают, торопясь, меня.

Я уйду. Останется на память
Только марш, вздыхающий до слёз,
Да в зелёной кадке, за цветами,
Охладевший пепел папирос.

1942

АНИСИМ МАКСИМОВИЧ КРОНГАУЗ (1920–1988). Родился в Харькове в семье журналиста. Учился в Литературном институте. С детства страдал костным туберкулёзом. Во время войны работал в Окнах ТАСС. Поэт, переводчик.

Анисим КРОНГАУЗ

* * *

Как горькие вести приходят,
Так мимо ворот и сеней
В деревню на тряской подводе
Приехало восемь семей.

Ещё в исступленье недолгом
Лишь месяц гремела война,
Здесь люди пока ещё толком
Не знали, какая она.

С каким-то весёлым задором
Спешили на фронт мужики,
Садясь на ходу на платформы,
Бросая вперёд сундучки.

Но в утро июльское это,
Впервые до боли ясна,
По улице их к сельсовету
Прошла за подводой война.

Старуха в большой капелюхе
Как девочка в шапке отца,
А девочка взглядом старухи
Глядит на узоры крыльца.

Рассказывать здесь их заставят,
Как пламя вставало стеной.
Но что ещё можно добавить
К котомке за детской спиной?!

БУМАЖНЫЕ КРЕСТЫ

Как любила девочка меня,
Семнадцатилетняя,
С косичками,
Встреченного среди бела дня
В час военный
С мирными привычками.

К отправленью эшелон готов.
Зрение фиксирует невольное:
У вокзала церковь
Без крестов,
Все в крестах бумажных
Окна школьные.

ДАВИД САМОЙЛОВИЧ САМОЙЛОВ (псевдоним Кауфмана; 1920–1990). Родился в Москве в семье врача. Учился в МИФЛИ. Поэт, переводчик, стиховед. Добровольцем ушёл на фронт; пулемётчик, старший сержант. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы» и др., орденом Отечественной войны 1-й степени.

Давид САМОЙЛОВ

* * *

Жаль мне тех, кто умирает дома,
Счастье тем, кто умирает в поле,
Припадая к ветру молодому
Головой, закинутой от боли.

Подойдёт на стон к нему сестрица,
Поднесёт родимому напиток.
Даст водицы, а ему не пьётся,
А вода из фляжки мимо льётся.

Он глядит, не говорит ни слова,
В рот ему весенний лезет стебель,
А вокруг него ни стен, ни кровя,
Только облака гуляют в небе.

И родные про него не знают,
Что он в чистом поле умирает,
Что смертельна рана пулевая.
... Долго ходит почта полевая.

1947

ПЯТЕРО

Жили пятеро поэтов
В предвоенную весну,
Неизвестных, незапетых,
Сочинявших про войну.

То, что в песне было словом,
Стало верною судьбой.
Первый сгинул под Ростовом,
А второй — в степи сырой.

Но потворствует удачам
Слово — солнечный кристалл.
Третий стал, чем быть назначен,
А четвёртый — тем, чем стал.

Слово — заговор проклятый!
Всё-то нам накликал стих...
И живёт на свете пятый,
Вспоминая четверых.

1973

* * *

А. Ч.

Полночь под Ивана-Купала.
Фронта дальние костры.
Очень рано рассветало.
В хате жили две сестры.

Младшая была красотка,
С ней бы было веселей,
Старшая глядела кротко,
Оттого была милей.

Диким клевером и мятой
Пахнул сонный сеновал.
На траве, ещё не мятой,
Я её поцеловал.

И потом глядел счастливый,
Как светлели небеса,
Рядом с этой некрасивой, —
Только губы и глаза...

Только слово: «До свиданья!» —
С лёгкой грустью произнёс.
И короткое рыданье
С лёгкой грустью перенёс.

И пошёл, куда не зная,
С автоматом у плеча,
«Белоруссия родная!..»
Громким голосом крича.

1973

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ РЕШЕТНИКОВ (1920–1990). Родился в Вятской губернии в крестьянской семье. Окончил педагогическое училище. Поэт, участник войны. Жил и умер в Новосибирске.

Леонид РЕШЕТНИКОВ

НОЧНАЯ АТАКА

Прожектор, холодный и резкий,
Как меч, извлечённый из тьмы,
Сверкнул над чертой перелеска,
Помедлил и пал на холмы.

И в свете его обнажённом,
В сиянии дымном, вдали,
Лежали молчащие склоны
По краю покатой земли.

Сверкая росой нестерпимо,
Белёная, будто мертва,
За еле струящимся дымом
Недвижно стояла трава.

Стоял перелесок за полем.
И чётким и плоским он был,
Как будто из чёрного толя
Зубцы его кто-то скроил.

Вся ночь, притаившись, молчала.
Ещё не настала пора.
И вдруг вдалеке зазвучало
Протяжно и тихо: «Ура-а-а!»

Как будто за сопкою дальней
Вдруг кто-то большой застонал,
И звук тот, глухой и печальный,
До слуха едва долетал.

Но ближе, всё ближе по полю
Катился он. И, как игла,
Щемящая ниточка боли
Сквозь сердце внезапно прошла...

А рядом — с хрипеньем и хрустом —
Бежали, дыша горячо,
И сам я летел через бруствер,
Вперёд выдвигая плечо.

Качалась земля под ногами.
Моталась луна меж голов.
Да билось, пульсируя, пламя
На выходах чёрных стволов.

1959

ВИКТОР ГОНЧАРОВ (Семён Михайлович; 1920–2001). Родился в Екатеринода-
ре (Краснодар). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, скульп-
птор, книжный график. Участник войны; лейтенант.

Виктор ГОНЧАРОВ

* * *

Мне ворон чёрный смерти не пророчил,
Но ночь была,
И я упал в бою.
Свинцовых пуль трассирующий росчерк
Окончил биографию мою.
Сквозь грудь прошли
Расплавленные пули.
Последний стон зажав тисками скул,
Я чувствовал, как веки затянули
Открытую солдатскую тоску,
И как закат, отброшенный за хаты,
Шнырнул в глаза кровавые круги,
И как с меня угрюмые солдаты
Неосторожно сняли сапоги...
Но я друзей не оскорбил упрёком.
Мне всё равно. Мне не топтать дорог.
А им — вперёд. А им в бою жестоком
Не обойтись без кирзовых сапог.

1944

* * *

Когда тебя бессонной ночью
Снарядный визг в окоп швырнёт,
И ты поймёшь, что жизнь короче,
Чем южной звёздочки полет...

Пусть, славя жизнь, и ночь, и осень,
Отбой горнисты протрубят...
Глотая кровь, ты сам попросишь
Своих друзей добить тебя.

Но не добьют...
Внесут в палату,
Дадут железных капель пить,
Наложат гипс, и в белых латах,
Как памятник, ты станешь жить.

И вы́ходят!
Как из пелёнок,
Ты в жизнь шагнёшь из простыней,
Нетерпеливый, как ребёнок,
Спешащий к матери своей.

1945

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВИЧ КОРЕНЕВ (1920–1989). Родился в Москве. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт, участник войны; старший лейтенант. Награждён медалью «За отвагу», орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, польским «Крестом Храбрости» и др.

Александр КОРЕНЕВ

ГДЕ-ТО В ПУТИ...

Нас платформа уносит в ночь.
Бабы-вдовы, солдатки — вповалку.
Вот и я курсирую вновь
В госпитальной шинелишке жалкой.

Вот прижат теснотой — к одной,
По-крестьянски суровой, крепкой.
В тьме лишь губ её грубая лепка.
Да и то повернулась спиной.

Задыхаюсь, так весь стгоряча
Растворился бы в ней, свирепо...
А платформа, в грохоте мча,
Словно взносится в звёздное небо...

Не как синий — к земле — звездопад,
Не Петрарковый зов — к Лауре.
К ней — родной, посторонней, дуре
Жадной силой впотьмах прижат.

Тётки спят, в головах сидора.
Ночь летит громогласно, грозно.
Вон трассируют звёзды, космос...
Так и я вдруг стгорю дотла!

Прём над бездною. Мост бездонно
Проорёт!.. А она, клубком,
Длинноногой топорной мадонной
Спит, укутав лицо платком.

Вся война и вся высь, светясь,
Обступают... А она, лежа,
Мчит, от мира отворотясь:
От детей, от потерь, от бомбёжек,

Отстраняясь — ночной покой —
От всех бед, от побед, объятий.
И, сама пожалев: «Солдатик!»,
Обнимает вдруг жёсткой рукой.

<1980>

ЮРИЙ СЕМЁНОВИЧ БЕЛАШ (1920–1988). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и его аспирантуру. Участник войны; критик. Стихи писал с 1967 года, начал публиковать только в 1980-х годах.

Юрий БЕЛАШ

* * *

Не дороги — а реки весенней разлившейся грязи.
Что повозки! — тут танки не могут пройти.
Тонут в месиве вязком по самые башни,
и на башнях сидят, свесив ноги, танкисты —
моряки, потерпевшие в море крушение.

А пехота идёт... А пехота идёт исступлённо,
под ремни подоткнувшая полы шинелей,
аж по самые каски заляпана грязью
и измотана так — материться и то нету сил.

И один только звук и висит над колонной,
и ползет вместе с ней — неотрывно, обрыдло, —
это чавкает грязь под ногами пехоты.

Тяжело на войне! — даже если идёшь по дорогам,
по которым отходит отступающий враг.

* * *

Я и сам уже не понимаю —
как меня сей жребий миновал?
Может, я, а не Сергей Минаев
был убит под Клином наповал.

Может, не его, меня зарыли
после боя — в выжженном селе,
но из списков вычеркнуть забыли —
и живу, живу я на земле.

И, щемящей памятью влекомый
в годы те, где всё гремит война,
я стою у насыпи знакомой,
у могилы, где схоронен я...

19 июня 1971

«Дым войны, что в душу мне проник...»

ВЛАДИМИР АНТОНОВИЧ БОБРОВ (1921–1977). Родился в Москве. Участник войны был трижды ранен. Окончил Московский финансовый институт, защитил кандидатскую диссертацию. Работал во Внешторге. При жизни стихов не публиковал.

Владимир БОБРОВ

ПОБЕДА

Был я там, где рвались мины.
Слышал рядом свист свинца.
Долю фронтовой судьбины
честно вынес до конца.

Рад бы память не тревожить,
да забыть я не могу
вшей на заскорузлой коже,
кровь и трупы на снегу,

и карболовое счастье
лазаретов, где я гнил,
и оскаленные пасти
наспех вырытых могил,

и перед броском минуты...
Знаю, какова она —
отгремевшего салюта
настоящая цена.

И мне думается, рано
подводить боям итог.
Нерубцующейся раной
мир лежит у наших ног.

1945

ВАСИЛИЙ ЕФИМОВИЧ СУББОТИН (1921–2015). Родился в Вятской губернии. Окончил Высшие литературные курсы. В 1970-е годы преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, участник войны, фронтовой журналист, старший лейтенант.

Василий СУББОТИН

СТРОКИ ВОЙНЫ

Ты нам навесила до срока,
Война, тяжелый вещмешок.
Кусты разрывов на дорогах,
Костры привалов у дорог.

Ракет сигнальных свет зелёный
Летел навстречу в ноги нам.
Был пред глазами край сожжённый
Да холмики по сторонам.

Столь властно время говорило
Огнём орудий боевых,
Что разобрать нельзя уж было —
Где жизнь твоя, а где других...

Она от каждого снаряда
Равно качалась на весах —
На европейских автострадах,
На непролазных большаках.

* * *

Темны предгория Карпат.
Безвестным здесь прошёл героем
Мой дед — брусиловский солдат,
И мы с отцом окопы роем.

И если ты не знал грозы,
Как я, не забывал о крове,
Возьми ту землю на язык —
Она солёная от крови.

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
На верху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?

Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ КЛЕЩЕНКО (1921–1974). Родился в Ярославской губернии в семье реставратора икон. Поэт, прозаик. 20 мая 1941 года был осуждён военным трибуналом за стихи против большевистского террора и Сталина («Пей кровь, как цинандали, на пирах...», «Герострату» и др.). Много лет провёл в ГУЛАГе.

Анатолий КЛЕЩЕНКО

БЕССЛАВНЫЙ СОНЕТ

Что говорить, гордиться нечем мне:
Не голодал в блокадном Ленинграде,
И пороха не нюхал на войне,
И не считал взрывателей на складе.

Я даже дружбы и знакомства ради —
Причин к тому достаточно вполне —
Представлен не был ни к одной награде,
Но, видит бог, не по своей вине.

Иных покрыла славою война,
Иные доставали ордена
За нашу кровь,
Не оскверняя стали.

Мы тихо умирали в темноте,
Бесславно умирали — но и те,
Кто убивал нас, — славы не достали!

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРУНИН (1921–2014). Поэт, переводчик, архитектор; участник Великой Отечественной войны. Попал в фашистский плен, после освобождения английскими войсками и возвращения в СССР был отправлен в ГУЛАГ (1945–1955). Жил и работал в Республике Казахстан (Жезказган).

Юрий ГРУНИН

ОБЫДЕННОСТЬ

день так долог долог долог долог
день так нескончаемо жесток
это голод голод голод голод
замедляет времени поток
немец крысой показался скрылся
в будке отбивать свои часы
это крысы крысы крысы крысы
рыскают сегодня по Руси
день так долог долог долог долог
лом о лед звенит звенит звенит
вечный холод холод холод холод
душу всю навывлет леденит
словно черви в сумраке вечернем
немцы выползают из щелей
это черви черви черви черви
расползлись по родине твоей

УРОК НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Такое только у собак
я в мирной жизни видел:
ошейник да жестянка — знак,
что псу хозяин выдал.
Вот и для нас пришла пора:
и мы достойны чести
носить такие номера —
круги из белой жести.
Тот круг — на шею, на шинель,
судьбой собачьей рабской.
Здесь жисть как жисть —
жисть как мишень,
где цифры чёрной краской.
Приказ — и плеть, и возглас «лос!»*,
и некуда деваться.
И потому я просто пёс.
Мой номер 320.
Ношу ту бляху как печать —
для конвоиров чванных.
На окрик их учусь кричать:
— Яволь, драй-хундэрт-цванцих!
Учусь, куда ж деваться тут.
Собачий лай — весь труд тот.
Собака по немецки «хунд».
Сто по-немецки «хундэрт».
«Драй-хундэрт» — триста, как три пса.
Как трижды псом обруган.

* Пошёл! (нем.)

«Дым войны, что в душу мне проник...»

Голодный хунд. Наука вся.
А голод? Голод — «хунгер».
Я человеком звался встарь.
Как дальше буду зваться?
Трофейный вражий инвентарь
с жетоном «320».

ЯКОВ АБРАМОВИЧ КОЗЛОВСКИЙ (1921–2001). Родился в Истре. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик. Участник войны; капитан.

Яков КОЗЛОВСКИЙ

ПОСЛАНИЕ ИЗВЕСТНОМУ ПОЭТУ

Мне ведомо:
ты признанный талант,
Чьи на виду падения и взлёты.
Приветствую тебя, как лейтенант
Тщеславыю не подверженной пехоты.

С поклонников своих взывая дань,
Ты стадионов потрясаешь своды.
Иметь бы мне в мои молодые годы
Твою иерихонскую гортань.

Ведь я до хрипа голос напрягал
И от земли,
что минами изрыта,
Вновь для атаки роту отрывал,
Как будто бы железо от магнита.

И помнит мир,
как брал я города,
Над кровью закрывал глаза убитым.
Каким я был в те годы знаменитым,
Ты, славу богу, не был никогда.

ТО НЕ ТВОЯ, БОЕЦ, ВИНА...

Страдать случалось нашим душам
И не по собственной вине.
Ты о войне за Гиндукушем
Не вспоминай, боец, при мне.

Туда не в час ли окаянный
России преданных сынов
Ввёл маршал полусамозванный
Стяжатель высших орденов?

И две Отчестственных кряду
Там шла война, там шла война,
Но ты не прячь свою награду,
То не твоя, боец, вина.

<1989>

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ОРЛОВ (1921–1977). Родился в Череповецкой губернии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт. Участник Великой Отечественной войны, танкист; был тяжело ранен.

Сергей ОРЛОВ

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы всё перенесём с тобой:
Мы люди, а она — стальная...

1944

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему, как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

1944

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шёл к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

1945

ЮРИЙ ДАВЫДОВИЧ ЛЕВИТАНСКИЙ (1922–1996). Родился в Черниговской области. До войны учился в МИФЛИ; окончил Высшие литературные курсы. Поэт, участник войны; лейтенант.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

ЗЕМЛЯ

Я с землёю был связан немало лет.
Я лежал на ней. Шла война.
Но не землю я видел в те годы, нет.
Почва была видна.
В ней под осень мой увязал сапог,
с каждым новым дождём сильней.
Изо всех тех качеств, что дал ей бог,
притяженье лишь было в ней.
Она вся измерялась длиной броска,
мерам давешним вопреки.
До второй избы. До того леска.
До мельницы. До реки.
Я под утро в узкий окопчик лез,
и у самых моих бровей
стояла трава, как дремучий лес,
и, как мамонт, брёл муравей.
А весной цветами она цвела.
А зимою была бела.
Вот какая земля у меня была.
Маленькая была.
А потом эшелон меня вёз домой.
Всё вокруг обретало связь.
Изменялся мир изначальный мой,
протяжённее становясь.
Плыли страны. Вился жилой дымок.
Был в дороге я много дней.
Я ещё деталей видеть не мог,
но казалась земля крупней.
Я тогда и понял, как земля велика.
Величественно велика.
И только когда на земле война —
маленькая она.

* * *

Ну, что с того, что я там был.
Я был давно. Я всё забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недалёк.
Я лёд кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лёд —
ёя в нем, как мушка в янтаре.)

Но что с того, что я там был.
Я всё избыл. Я всё забыл.

Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Но что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл.
Я это всё хочу забыть.
Я не участвую в войне —
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землей, и с той зимой
уже меня не разлучить,
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)

Но что с того, что я там был!..

по ночам приходил, говорил о тебе,
о военной судьбе, о соседней палате
и опять о весёлой военной судьбе.

Ты не плачь о нём,
девушка, в городе дальнем,
о своём ненаглядном, о милом, не плачь.
...Одного человека не спас военврач —
он лежит на снегу белизны госпитальной.

Венгрия, 1945

* * *

Я в гарнизонном клубе за Карпатами
читал об отступлении, читал
о том, как над убитыми солдатами
не ангел смерти, а комбат рыдал.

И слушали меня, как только слушают
друг друга люди взвода одного.
И я почувствовал, как между душами
сверкнула искра слова моего.

У каждого поэта есть провинция.
Она ему ошибки и грехи,
все мелкие обиды и провинности
прощает за правдивые стихи.

И у меня есть тоже неизменная,
на карту не внесенная, одна,
суровая моя и откровенная,
далекая провинция —
Война...

1947

ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОЖЕНЯН (1922–2005). Родился в Харькове. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт. Участник войны, служил в диверсионном отряде, в морской пехоте, был несколько раз ранен. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья», «За освобождение Белграда» и др.

Григорий ПОЖЕНЯН

ПОГОНЯ

Я старею, и снятся мне травы,
а в ушах то сверчки, то шмели.
Но к чему наводить переправы
на оставленный берег вдали!
Ни продуктов, ни шифра, ни грязи
не хочу ни сейчас, ни потом.
Мне сказали:
— Взорвёте понтон
и останетесь в плавнях для связи. —
...И остался один во вселенной,
прислонившись к понтону щекой,
восемнадцатилетний военный
с обнажённой гранатной чекой.
С той поры я бегу и бегу,
а за мною собаки по следу.
Все на той стороне. Я последний
на последнем своём берегу.
И гудят, и гудят провода.
Боль стихает. На сердце покойней.
Так безногому снится погоня,
неразлучная с ним навсегда.

ТАК БЫВАЕТ НА ВОЙНЕ

Легче было на войне
под бомбёжкой, в кювете,
чем в прогретой тишине,
задремавшей на паркете,
при колеблющемся свете
принимать решение мне.
Ни пристрелянный овраг,
ни зашедший с флангов враг
не страшны, когда задачу
после всех контратак
ты решаешь: только так,
а не так или иначе.
Ясность, как она нужна,
как отчётливо видна
даль, от детства до ухода,
от восхода до темна...
Выбирая время года
(кто осудит, в чём вина!),
для меня была война.
А излом ствола в спине,
хруст на пригнанном ремне
под корсетом.
Я не волен.
Я ведь ранен, а не болен.
Так бывает на войне.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВИКУЛОВ (1922–2006). Родился в Череповецкой губернии в семье фельдшера. Окончил Вологодский педагогический институт. Поэт, публицист. Во время войны командовал взводом, батареей, был помощником начальника штаба артиллерийского полка.

Сергей ВИКУЛОВ

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

М. Дудину

В день святого Пантелеймона
(впрочем, тут ни при чём святой),
повернувшись спиной к иконам,
пили женщины — дескать, что нам! —
мутной браги хмельной настой.

Угощали друг друга рьяно,
грубо, попросту, по-мужски.
Пели звонко, плясали пьяно
и смеялись до слёз. С тоски.

А тоска велика, без меры.
Встанут в круг, подперев бока, —
сами дамы и кавалеры,
ни единого мужика.

Ну хотя б один завалящий,
даже пусть инвалид какой.
Покурил бы, коли курящий,
уцелевшей обнял рукой...

Нету! Даже за гармониста
(научила всему нужда)
тоже баба — толстوشка Христя,
радость горькая и беда.

Ах, и что за гармони были
раньше — Христиной ли чета!

Где те парни? Одних убили.
А другие ушли, забыли
эти северные места.

Пляшут женщины: — Ах вы, сени!
Пой, тальяночка, норови! —
Шумно в горнице, а веселья —
нет веселья, хоть впрямь реви.

Может, с песнею вдоль посада
им пройтись бы — рука в руке —
и себя и свои наряды
показать бы — да перед кем?
Ходят улицей, крутозобы,
только куры да петухи...

Трудно: где же вы, хлеборобы?
Скучно: где же вы, женихи?

1958

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ МЕЖИРОВ (1923–2009). Родился в Москве. Участвовал в боях на Западном и Ленинградском фронтах; начинал рядовым, впоследствии — заместитель командира стрелковой роты. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького, затем многие годы здесь преподавал. В 1990-е годы по личным обстоятельствам уехал в США. Прах поэта похоронен в Переделкине.

Александр МЕЖИРОВ

МУЗЫКА

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попраля.

Какая музыка во всём,
Всем и для всех — не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасём...
Ах, не до жиру — быть бы живу...

Солдатам голову кружа,
Трёхрядка под накатом брёвен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно, навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке — инвалид,
И Шостакович — в Ленинграде.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕХОТЕ

Пули, которые посланы мной,
Не возвращаются из полёта,
Очереди пулемёта
режут под корень траву.
Я сплю,
Положив голову
на Синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.
Я подымаю веки,
лежу, усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким,
ловлю исчезающий зной.
И когда я
поворачиваюсь
с правого бока на спину,
Синявинские болота
хлюпают подо мной.
А когда я встаю
и делаю шаг в атаку,
Ветер боя летит

и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт,
и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю
свой
второй
шаг.
И белый флаг
вывешивают
вражеские гарнизоны,
Складывают оружие,
в сторону отходя.
И на моё плечо,
на погон полевой зелёный,
Падают первые капли,
майские капли дождя.
А я всё дальше иду,
минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря
и форсирую реки вброд.
Я на привале в Пильзене
пену сдуваю с пива
И пепел с сигарки стряхиваю
у Бранденбургских ворот.
А весна между тем крепчает,
И хрипнут походные рации
И, по фронтовым дорогам
денно и ночью пыля,
Я требую у противника
безоговорочной
капитуляции,
Чтобы его знамена
бросить к ногам Кремля.
Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то.
Смежив тяжёлые веки,
вижу, как наяву:
Я сплю,
положив под голову
Синявинские болота,
А ноги мои упираются
в Ладогу и в Неву.

ЭДУАРД АРКАДЬЕВИЧ АСАДОВ (1923–2004). Родился в Мерве (Туркестан) в учительской семье. Участник войны; в 1944 году под Севастополем был тяжело ранен, потерял зрение. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалью «За оборону Ленинграда» и др. Почётный гражданин Севастополя. После войны окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, автор многих стихотворных сборников.

Эдуард АСАДОВ

СОЛДАТ

Меж стиснутых пальцев желтела солома,
Поодаль валялся пустой автомат,
Ложался на задворках отцовского дома
Осколком гранаты убитый солдат.

Бойцы говорили, не то совпадение,
Не то человеку уж так повезло,
Что ранней зарёй в полосе наступленья
Увидел гвардеец родное село.

Чьё сердце не дрогнет при виде знакомой
До боли, до спазмы родной стороны!
И тяжесть становится вдруг невесомой,
И разом спадает усталость войны!

Что значили парню теперь километры?!
Ждала его встреча с семьёй на войне,
В лицо ему дули родимые ветры,
И, кажется, сил прибавлялось вдвойне!

Но нет, не сбылось... Громыкнула граната...
Капризен солдатской судьбы произвол:
Две тысячи вёрст прошагал он до хаты,
А двадцать шагов — не сумел... не дошёл...

Меж стиснутых пальцев солома желтела,
Поодаль валялся пустой автомат...
Недвижно навеки уснувшее тело,
Но всё ещё грозен убитый солдат!

И чудилось: должен в далёком Берлине
Солдат побывать, и, как прежде в бою,
Он будет сражаться, бессмертный отныне,
Бок о бок с друзьями, шагая в строю.

За мысли такие бойцов не судите,
Пускай он в Берлин и ногой не ступил,
Но в списках победных его помяните —
Солдат эту почесть в боях заслужил!

1945

ГЕНРИХ МОИСЕЕВИЧ РУДЯКОВ (1923–1989). Участник войны. Журналист, литературовед, поэт.

Генрих РУДЯКОВ

* * *

Когда мой взвод несёт потери
И нам нельзя ни шагу вспять,
Я должен знать, кому я верю.
Я должен знать.

Когда снаряды бьют, кромсая,
И головы нельзя поднять,
Я должен знать, кого спасаю,
Я должен знать.

Потом пускай слагают гимны
И безутешно плачет мать.
Я должен знать, за что я гибну.
Я должен знать.

* * *

Опять весна и чавкающей жижей
Дороги набухают, как всегда.
В кювете догнивает немец рыжий.
В пустых глазницах — талая вода.

Скрипят колёса батальонных кухонь.
В плащах трофейных чинны повара,
И милым сердцу кашеварным духом
Встречает нас весенняя пора.

На всех распутьях — свежие указки:
«Хозяйство Тернового», «Медсанбат».
Скелеты пушек, брошенные каски,
Вдали дворы господские горят...

На «передке» — затишье, и в траншеях —
Дымок махры, неспешный разговор.
И, тускло в блеске солнечном желтея,
Лежит на шапке смазанный затвор.

Идёт апрельским лесом пополнение
Туда, где собираются в кулак,
В последнее отныне наступление
На Кёнигсберг...

1945

* * *

Я устал от раздумий и памяти горькой
О жестоких годах фронтовой маеты.
Мне бы ахнуть стакан и обдирною коркой
Зажевать, забывая бои и фронты.
Что с того, что в моём изрубцованном теле

Притаился свинец, как слепая беда?
Мы с тобой одолели войну неужели
Для того, чтобы помнить об этом всегда?
Но опять и опять, нарастая в глубинах,
Поднимается боль к побелевшим губам.
Это — память бредёт, подрываясь на минах.
Это память моя прорывается к вам.
Хорошо молодым в мире сладостных истин
До рассвета блуждать по июньской Москве.
Если б мог я, как дерево, сбрасывать листья
И не помнить о прошлогодней листве...

<1980>

АЛЕКСЕЙ ТИХОНОВИЧ ДАДЬЯНОВ (1924–1994). Родился в Орле в семье рабочего. В годы войны попал в оккупацию и был угнан в 1942 году в Германию. Вернулся после 1945 года. Служил в армии, окончил техникум железнодорожного транспорта, работал по специальности.

Алексей ДАДЬЯНОВ

* * *

По спине моей, как по нотам,
Дробь сыграла в один момент,
Палка — двигатель нашей работы,
Безобидный на вид инструмент.
Познаю я здесь странные вещи,
О которых лишь в книжках читал:
Что на Западе есть помещик,
Настоящий живой феодал.
Только что он меня отдубасил.
Вся спина полыхает огнём...
Мы за партией в девятом классе
Очень мало знали о нём.

* * *

Теперь у меня вместо имени-отчества
Номер и ОСТ на груди — почёт.
Входит в каморку мою одиночество —
Руку на плечи кладёт.
Ты не печалься. Плёвое дело.
Выстоим. Выдержим. Переживём.
Плывёт над конюшней белее мела
В немецкий концлагерь луна под ружьём.
В стойлах кони перебирают ногами
И, мудро вздыхая, жуют овёс.
Я и коней бы считал врагами,
Да жаль эти добрые морды до слёз.
Может быть, выпадет мне удача —
Прыгну в седло, пропаду из глаз!..
Милые лошади, я не плачу.
Я просто жалею себя и вас.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПАНЧЕНКО (1924–2005). Родился в Калуге в семье учителя. Окончил педагогический институт, Высшие партийные курсы и Высшие литературные курсы. Участник войны, сержант. Поэт, переводчик, общественный деятель.

Николай ПАНЧЕНКО

ТЕПЛУШКА

Калорий, видно, мало,
Дорожный неуют,
Опять же одеяла
Солдату не дают:
Торчат из-под шинели
Сырые сапоги.
От дыма посипели
И лица и мозги.
Бессмысленно теплушкой
Зовётся этот дом:
Вода в железной кружке
Давно схватилась льдом.
Однако не болею,
Моршанскую курю,
Солидно: «Будешь злее!» —
Кому-то говорю.
Беседуют соседи,
Безропотно вполне:
«Который не доедет —
Не нужен на войне...»

1942–1943

* * *

Я знал: убийство — не искусство,
И отличиться не хотел.
Всё реже прыгаю на бруствер,
Всё чаще будто сквозь прицел
Гляжу — пустым-пуста обойма,

На всё про всё — ядрёна мать.
И только утром пальцу больно
Всю ночь на что-то нажимать.
В кишках рубцы,
В суставах соли,
Но обрастает мясом кость,
Но год за годом в слитки боли
Перерабатываем злость.
Нам проще — мы штыком и матом,
Свинцом, по крайности — огнём.
А вы, что выпустили атом,
Ну что вы знаете о нём?..

1951, 1956

МИХАИЛ ФЁДОРОВИЧ БОРИСОВ (1924–2010). Родился на Алтае в крестьянской семье. В 1941 году добровольцем ушел на фронт. В 1943 году удостоен звания Героя Советского Союза (уничтожил семь вражеских тяжелых танков в сражении под Прохоровкой). После войны учился в юридическом институте, окончил горный техникум. Служил военным корреспондентом.

Михаил БОРИСОВ

* * *

Мы под обугленным селом,
Чумазые, как черти,
Который день в снегу живем
За сто шагов от смерти.

За сто берет и автомат,
Кучней ложатся мины,
Но пострашнее для ребят
Мороз, что дубит спины.

Шинель — не зимнее пальто,
И пахнут дни не щами,
Баланду в термосах и то
Подносят к нам ночами.

Поочередно через край
Хватив баланды клятой,
Ещё сильнее стылый «рай»
Крестят потом ребята.

Нас в три погибели свело
Лежанье это наше...
Мы рвёмся в бой.
Зовёт село
Теплом своим — Лебяжье.

1967

* * *

Память с нами не играет в прятки,
Не уходит вдаль на вираже.
...Слышу, как гремят сорокапятки
На забытом богом рубеже.

Мы их называли «Смерть расчету!»,
Называли «Родина, прощай!».
Прикрывая матушку пехоту,
Сами выживали невзначай.

Среднею излучиною Дона
В корчах плыл подбитый небосвод,
Из артиллерийского заслона
Уцелел под вечер только взвод.
Степь вокруг снарядами прошита,
Светится насквозь, что решето.
Даже мой наводчик Подкорытов
Не сказал как раньше:
— Прожито!
У него — две беленькие прядки.
У меня — застывший в крике рот...

Двое нас на две сорокапятки.
Он и я — весь уцелевший взвод.

1975

* * *

В тот день была нелётною погода.
С утра лил дождь.
В землянке — сонный рай.
И трубный голос командира взвода:
— Вставай, Петров,
и что-нибудь сыграй!

Солдат мешок достал неторопливо
Огладил шнур, распутал узелок,
Потрёпанную хромку, словно диво,
На свет коптилки бережно извлек.
Оттачивая песенную фразу,
Варьировал её он без конца.

Ни у кого я не видал ни разу
Такого вдохновенного лица.
Когда поздней
Мы все в потёках пота
Терзали землю до обвальнoй мги,
Плечом Петрова отодвинув,
Кто-то
Сказал ему:
— Ты пальцы береги!

Но много яри было в том горниле
И мало тех, кто отыграл сполна...
Ещё с неделю хромку мы хранили,
Пока не затерялась и она.

1991

* * *

Уйду — не надо славословья,
Не надо выспренных тирад,
Пусть только
Ветры Приднепровья
Над кручей памятной взлетят;
Пусть посреди полей Алтая,
В сибирской дальней стороне,
Ветла,
согбенная,
седая,
Вздохнёт тихонько обо мне;
И пусть,
Душе одной внимая
В тот миг щемяще-ножевой,
Берёзка, как сестра родная,
Всплеснёт пожухлою листвою.
Они — дорог моих примета
И мой почётный караул...
До орудийного лафета
Я, как-никак, недотянул.

БУЛАТ ШАЛВОВИЧ ОКУДЖАВА (при рождении был назван Дорианом, имя впоследствии изменил; 1924–1997). Родился в Москве в семье большевистских функционеров; родители и сестра отца пали жертвами внутривластного террора 1930-х годов. Участник войны, рядовой. Окончил Тбилисский университет, работал учителем. Поэт, прозаик, классик авторской песни.

Булат ОКУДЖАВА

МЕДСЕСТРА МАРИЯ

А что я сказал медсестре Марии,
когда обнимал ее!
— Ты знаешь, а вот офицерские дочери
на нас, на солдат, не глядят.

А поле клевера было под нами,
тихое, как река.
И волны клевера набегали,
и мы качались на них.

И Мария, раскинув руки,
плыла по этой реке.
И были чёрными и бездонными
голубые её глаза.

И я сказал медсестре Марии,
когда наступил рассвет:
— Нет, ты представь: офицерские дочери
на нас и глядеть не хотят.

1957

ПЕСЕНКА О ПЕХОТЕ

Простите пехоте,
что так неразумна бывает она:
всегда мы уходим,
когда над землёю бушует весна.
И шагом неверным
по лестничке шаткой
спасения нет...
Лишь белые вербы,
как белые сёстры, глядят тебе вслед.

Не верьте погоде,
когда затяжные дожди она льёт.
Не верьте пехоте,
когда она бравые песни поёт.
Не верьте, не верьте,
когда по садам закричат соловьи:
у жизни и смерти
ещё не окончены счёты свои.

Нас время учило:
живи по-походному, дверь отворя...
Товарищ мужчина,
а всё же заманчива доля твоя:
весь век ты в походе,

и только одно отрывает от сна:
чего ж мы уходим,
когда над землёю бушует весна?

1961

* * *

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, воевал.
А может, это школьник меня нарисовал.
я ручками размахиваю, я ножками сучу,
и уцелеть рассчитываю, и победить хочу.

Ах, что-то мне не верится, что я, брат, убивал.
А может, просто вечером в кино я побывал?
И не хватал оружия, чужую жизнь круша,
и руки мои чистые, и праведна душа.

Ах, что-то мне не верится, что я не пал в бою.
А может быть, подстреленный, давно живу в раю,
и кущи там, и рощи там, и кудри по плечам...
А эта жизнь прекрасная лишь снится по ночам.

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ДРУНИНА (1924–1991). Родилась в Москве в семье историка. Как сандружинница участвовала в боях под Москвой. Добровольно пойдя на армейскую службу, была батальонным санинструктором на 2-м Белорусском и 3-м Прибалтийском фронтах; старшина медицинской службы. Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы» и др. Окончила Литературный институт. Поэтесса. Покончила с собой.

Юлия ДРУНИНА

* * *

Я ушла из детства
В грязную теплушку,
В эшелон пехоты,
В санитарный взвод.
Дальние разрывы
Слушал и не слушал
Ко всему привыкший
Сорок первый год.

Я пришла из школы
В блиндажи сырые.
От Прекрасной Дамы —
В «мать» и «перемать».
Потому что имя
Ближе, чем
«Россия»,
Не могла сыскать.

1942

* * *

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы — девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

1942

* * *

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943

ОВИДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛЮБОВИКОВ (1924–1994). Участник войны, техник — старший лейтенант. Поэт, литературный деятель. Жил и умер в г. Вятка (Киров).

Овидий ЛЮБОВИКОВ

* * *

И снова ратной славы дата.
Признался он, как отрубил:
«На фронте не был я, ребята
Я, так сказать, глубокий тыл».
Дохнуло издалёка эхо,
И докатилось до солдат
Натужное дыханье цеха,
Бессонных молотов набат
На стеллаже, картуз под ухо,
Соснуть и снова за станок.
Людей косила голодуха,
Недуги их валили с ног.
И что ни месяц — за посёлком
Кресты могильные тесней
И похоронки, как осколки,
Прицельно били в матерей.
...На вас он смотрит виновато,
Ломает спички в тишине.
Не верьте вы ему, солдаты.
Он всю войну был на войне.

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ СТАРШИНОВ (1924–1998). Родился в Москве. Участник войны, старший сержант. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, впоследствии вёл здесь поэтический семинар. Поэт, фольклорист — собиратель частушек; литературный деятель.

Николай СТАРШИНОВ

* * *

Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи — солдаты
Идут вперёд
За взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги,
Идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва,
Шуршит трава.

И от ромашек-тонконожек
Мы оторвать не в силах глаз.
Для нас,
Для нас они, быть может,
Цветут сейчас
В последний раз.

И вдруг (неведомо откуда
Попав сюда, зачем и как)
В грязи дорожной — просто чудо! —
Пятак.

Из желтоватого металла,
Он, как сказанья чешуя,
Горит,
И только обметало
Зелёной окисью края.

А вот — рубли в траве примятой!
А вот ещё... И вот, и вот...
Мои товарищи — солдаты
Идут вперёд
За взводом взвод.

Всё жарче вспышки полыхают.
Всё тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.

1945

АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ НИКОЛАЕВ (1925–1997). Родился в Москве. Окончил в 1944 году Томское артиллерийское училище. лейтенант, потерял на фронте руку; инвалид Великой Отечественной войны. Окончил юридический факультет МГУ, затем Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт.

Александр НИКОЛАЕВ

МОЯ РУКА

Я слышал одного юнца,
Что, не придав словам значенья,
Сказал для красного словца:
— Я б руку дал на отсечение.

Послушай, друг,
Когда война
Кончалась в Западной Европе,
Моя рука погребена
Была в засыпанном окопе.

С тех пор прошло немало лет.
Давно зарубцевалась рана,
Но руку ту, которой нет,
Я ощущаю непрерывно.

То пробежит по ней огонь,
То у запястья нерв забьётся,
То вдруг зачесется ладонь,
А то в тугой кулак сожмётся.

Пусть на приветствие в ответ
Могу и левую поднять я,
Сама рука,
Которой нет,
Рванётся для рукопожатья.

Не знаешь ты наверняка,
Что упадут, к примеру, спички —
И сразу дернётся рука,
Чтоб подхватить их по привычке.

Скажи, ты слышал, наконец,
Как малыши хохочут звонко,
Когда смеющийся отец
Подбрасывает вверх ребёнка?

Ты не жалея меня.
Твой взгляд
Сказал, что ты ошибся малость.
Не забывай, что я солдат,
Солдата унижает жалость.

И я смотрю спокойно вдаль,
Постигнув гордых слов значенье:
Смотря за что,
А то не жаль
И две руки на отсечение.

1955

НАУМ МОИСЕЕВИЧ КОРЖАВИН (псевдоним Манделя). Родился в 1925 году в Киеве в семье стоматолога. С 1947 по 1954 — узник ГУЛАГа. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик. С 1973 года живёт в США.

Наум КОРЖАВИН

ДЕТИ В ОСВЕНЦИМЕ

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились — мучили детей.

И это каждый раз опять, —
Кляня, ругаясь без причины...
И детям было не понять,
Чего хотят от них мужчины.

За что — обидные слова,
Побой, голод, псов рычанье?
И дети думали сперва,
Что это за непослушанье.

Они представить не могли
Того, что было всем открыто:
По древней логике земли,
От взрослых дети ждут защиты.

А дни всё шли, как смерть страшны,
И дети стали образцовы,
Но их всё били.
Так же.
Снова.
И не снимали с них вины.

Они хватались за людей.
Они молили. И любили.
Но у мужчин идеи были,
Мужчины мучили детей.

Я жив. Дышу. Люблю людей,
Но мне бывает всё постыло,
Как только вспомню: это — было.
Мужчины мучили детей.

1961

ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВИНОКУРОВ (1925–1993). Родился в Брянске в семье военнослужащего. Участник войны. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, впоследствии много лет преподавал здесь. Поэт, переводчик, литературовед. Всенародно известна песня на его стихи «Москвичи» (музыка А. Эшпая).

Евгений ВИНОКУРОВ

* * *

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.

А в жизни, помню, отзывался ротный
О нём как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощекий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.

Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо, руки скорбно сложит, но
Лишь только «быть или не быть?» воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.

Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис входивших в светлый круг, —
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвят слово — всё притихнет вдруг,

Сердца замрут, и задрожат бинокли...
У тех — и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мёрзли мы и мокли
И запросто сидели у костра.

1947

* * *

Я эти песни написал не сразу.
Я с ними по осенней мерзлоте,
С неначатыми,
по-пластунски лазал
Сквозь чёрные поля на животе.

Мне эти темы подсказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.
Добытые с тяжёлым потом строки
Я, как себя, от смерти не берег.

Их ритм простой мне был напет метелью,
Задувшею костёр,
и в полночь ту
Я песни грел у сердца, под шинелью,
Одной огромной верой в теплоту.

Они бывали в деле и меж делом
Всегда со мной, как кровь моя, как плоть.
Я эти песни выдумал всем телом,
Решившим все невзгоды побороть.

1945

* * *

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идёт кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

КОНСТАНТИН ИЛЬИЧ ЛЕВИН (1924–1984). Участник Великой Отечественной войны, на фронте был тяжело ранен, потерял ногу. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт.

Константин ЛЕВИН

* * *

Нас хоронила артиллерия.
Сначала нас она убила,
Но, не гнушаясь лицемерия,
Теперь клялась, что нас любила.

Она выламывалась жерлами,
Но мы не верили ей дружно
Всеми обугленными нервами
В натруженных руках медслужбы.

За нас молились леди Англии
И маркитантки полковые.
Нас интервьюировали б ангелы,
Когда бы были таковые.

Мы доверяли только морфию,
По самой крайней мере — бромю.
А те из нас, что были мёртвыми, —
Земле, и никому другому.

Тут все ещё ползут, минируют
И принимают контрудары.
А там — уже иллюминируют,
Набрасывают мемуары...

И там, вдали от зоны гибельной,
Циклюют и воцат паркетты.
Большой театр квадригой вздыбленной
Следит салютную ракету.

И там по мановенью Файеров
Взлетают стаи Лепешинских,
И фары плавят плечи фраеров
И шубки дамские в пушинках.

Бойцы лежат. Им льёт регалии
Монетный двор порой ночью.
Но пулеметы обрыгали их
Блевотиною разрывною!

Но тех, кто получил полсажени,
Кого отпели суховеи,
Не надо путать с персонажами
Ремарка и Хемингуэя.

Один из них, случайно выживший,
В Москву осеннюю приехал.
Он по бульвару брел, как выпивший,
И средь живых прошёл, как эхо.

Кому-то он мешал в троллейбусе
Искусственной ногой своею.
Сквозь эти мелкие нелепости
Он приближался к мавзолею.

Он вспомнил холмик и размытые
Куски фанеры по дорогам,
Глаза солдат, навек открытые,
Спокойным светятся упрёком.

На них пилоты с неба рушатся,
Крестами в тучах застревают..
Но не оскудевает мужество,
Как небо не устаревают.

И знал солдат, равны для Родины
Те, что заглотаны войною,
И те, что тут лежат, схоронены
В самой стене и под стеною.

КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ ВАНШЕНКИН (1925–2012). Родился в Москве в семье инженера-химика. В годы войны служил в воздушно-десантных войсках, гвардии сержант. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, эссеист.

Константин ВАНШЕНКИН

* * *

Земли потрескавшейся корка.
Война. Далёкие года...
Мой друг мне крикнул:
— Есть махорка? —
А я ему: — Иди сюда!..

И мы стояли у кювета,
Благословляя свой привал,
И он уже достал газету,
А я махорку доставал.

Слепил сигарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безмятежно:
— Ты сам прикуривай сперва... —

От ветра заслонясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего.

И он качнулся как-то зыбко,
Упал, просыпав весь табак,
И виноватая улыбка
Застыла на его губах.

И я не мог улыбку эту
Забыть в походе и в бою
И как шагали вдоль кювета
Мы с ним у жизни на краю.

Жара плыла, метель свистела,
А я забыть не смог того,
Как пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего...

1952

ИОН ЛАЗАРЕВИЧ ДЕГЕН родился в 1925 году в Могилёве-Подольском. В годы войны танкист-ас. После войны окончил медицинский институт. В 1977 году репатриировался в Израиль. Русский советский и израильский поэт и писатель. Знаменитое стихотворение Дегена под заглавием «Валенки» долгое время ходило в обществе без имени автора. Опубликовано в книге «Стихи из планшета гвардии лейтенанта Иона Дегена», вышедшей в Израиле в 1991 году.

Ион ДЕГЕН

* * *

Ни плача я не слышал и ни стопа.
Над башнями нагорбиа огня.
За полчаса не стало батальона.
А я всё тот же, кем-то сохранённый.
Быть может, лишь до завтрашнего дня.

Июль 1944

* * *

Случайный рейд по вражеским тылам.
Всего лишь танк решил судьбу сраженья.
Но ордена достанутся не нам.
Спасибо, хоть не меньше, чем забвенья.

За наш случайный сумасшедший бой
Признают гениальным полководца.
Но главное — мы выжили с тобой.
А правда — что? Ведь так оно ведётся...

Сентябрь 1944

* * *

Есть у моих товарищей танкистов,
Не верящих в святую мощь брони,
Беззвучная молитва атеистов:
— Помилуй, пронеси и сохрани.

Стыдась друг друга и себя немного,
Пред боем, как и прежде на Руси,
Безбожники покорно просят Бога:
— Помилуй, сохрани и пронеси.

Сентябрь 1944

* * *

Когда из танка, смерть перехитрив,
Ты выскочишь чумной за миг до взрыва,
Ну, всё, — решишь, — отныне буду жив
В пехоте, в безопасности счастливой.

И лишь когда опомнишься вполне,
Тебя коснётся истина простая:
Пехоте тоже плохо на войне.
Пехоту тоже убивают.

Ноябрь 1944

* * *

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей,
Дай-ка лучше погрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.

Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки,
Мне ещё наступать предстоит.

Декабрь 1944

УЩЕРБНАЯ СОВЕСТЬ

Шесть «юнкеров» бомбили эшелон
Хозяйственно, спокойно, деловито.
Рожала женщина, глуша старухи стон,
Желавшей вместо внука быть убитой.

Шесть «юнкеров»... Я к памяти взывал,
Когда мой танк, зверя, проутюжил
Колонну беженцев — костей и мяса вал —
И таял снег в крови дымящих лужах.

Шесть «юнкеров»? Мне есть что вспоминать!
Так почему же совесть шевелится
И ноет, и мешает спать,
И не дает возмездьем насладиться?

Январь 1945 года

ГЕРМАН БОРИСОВИЧ ГОППЕ (1926–1999). Родился в Ленинграде в семье инженера-конструктора, впоследствии погибшего в ГУЛАГе. Мать умерла в блокадном Ленинграде. Подделав свидетельство о рождении, ушёл на фронт, воевал, был тяжело ранен. Окончил педагогический институт им. А. И. Герцена. Поэт, историк Санкт-Петербурга, литературный педагог.

Герман ГОППЕ

* * *

Не зная утруски, усушки,
Окольных путей на базар,
На складах лежали игрушки —
Никчёмный в блокаде товар.

Глазами помощников глянув
На сказочный этот мирок,
Андрей Александрович Жданов
Не вспомнить о детях не мог.

И вот довоенное эхо
Погружено в «виллис» штабной.
Он сам в детприемник поехал,
Упёршись в игрушки спиной.

Но дети не поняли дядю
И не оценили порыв,
По-старчески сумрачно глядя
На щедрые эти дары.

Почувствовав холод нежданный,
Шинель запахнул, торопясь,
Андрей Александрович Жданов,
Верховная в городе власть.

Решил: неудачное дело.
Да только был прав не вполне,
Поскольку буржуйка теплела
И плавилась куклы в огне.

* * *

Нелепей не придумать поворот,
А главное — кощунственно признаться,
Но избавленьем сорок первый год
Вступил в мои неполные шестнадцать.

А перед этим шёл предсудный срок,
Ведя к неумолимому исходу.
Остаться неопознанным не мог
Не сын отца, а сын врага народа.

Как удлинялся к школьной двери путь,
Как день за днём вина моя полнела.
И нужен был слушок какой-нибудь,
Чтоб окрылить общественность на дело.
Чтоб лучший друг смотрел почти в глаза
И вопрошал почти что откровенно:

«Ты почему об этом не сказал?
Такое умолчание — измена».

Чтоб девочка, не знавшая о том,
Что в снах моих она совсем иная,
Стыдила класс ещё одним врагом,
Меня до отреченья поднимая...

И тут — война. И долгий страх утих,
Ему вменялись новые заботы...
Так от суда товарищей моих
Спасла меня родимая пехота.

* * *

Да, верой жили.
Да ещё какой!
Её убить пытались, не убили.
Она травой взрывалась на могиле,
Но возвращалась в поредевший строй.

Да, верой жили.
И она слепой,
Как говорят, была.
Не замечали.
Не замечали, чёрт возьми, в начале,
А за началом начинался бой.

Да, верой жили.
И не нам с тобой,
Носившим беспросветные погоны,
Теперь причины зная поимённо,
Мудрее быть, чем были в жизни той.

Мы всё равно виновны.
Но виной
Не гнули нас солдатские котомки.
За вашу зоркость,
мудрые потомки,
Мы заплатили полной ценой.

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРИН (Коренберг Гodelь Шабеевич; 1926–2010). Родился в Радомышле. В семье было три сына, все участники Великой Отечественной войны, старший, партизан-подрывник, героически погиб. Служил в ВВС ВМФ, участвовал в боях за освобождение Одессы и взятие Кёнигсберга. Окончил педагогический институт в Баку. Поэт, переводчик.

Григорий КОРИН

* * *

Я видел дважды, как со дна
Душа народа подымалась,
И подняла её война.
А кончилась — душа распалась.

Но вижу снова каждый год,
Когда в Пасхальную неделю
Её вздымает небосвод,
Всю перемешанную с прелью.

Пройди кладбище до конца,
Не встретишь ни одной могилы
Без яблочка, цветка, яйца,
Крупы и ветки желтокрылой.

Живые с мёртвыми сошлись,
Свело их души Божьей дланью —
И дважды люди поднялись
К всечеловеческому зданью.

* * *

Храбрый летчик, спасавшийся дважды,
На подбитом своем «ястребке»,
В мирном небе летал бы, отважный,
Отрабатывал бочку, пике.
Но в глазах твоих сдвоилось что-то,
И с подагрой не сесть за штурвал.
Ах, как быстро своё отработал,
Ах, как быстро своё отлетал.
Утром раненько плещешься в ванной,
Дождаясь газеты своей,
Почитаешь, расправишься с манной,
И в ДОСАФ кольцевать голубей.
Ты глядишь на них странно, сердито,
Словно здесь ты застрял из-за них,
И жена твоя с архнаедитом
Голубей в снах изводит цветных.
А проснётся, засядет за книги.
Сын по комнате ходит, озлясь,
Ненавидит творенья великих,
А в тетрадках подмётная грязь.
Бедный лётчик, спасавшийся дважды,
На подбитом своем «ястребке»,
Ты ложишься ни с кем не задравшись,

Не надравшись ни с кем в кабаке.
Даже рюмка — и та под запретом,
И болтлива, угрюма жена,
Снова «Правду» с великим портретом
Сверху скатерти стелет она.

АЛЕКСЕЙ СТЕПАНОВИЧ СМОЛЬНИКОВ (1926–2000). Родился в Сарапуле. Окончил Воронежскую школу радиоспециалистов. Участник войны. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик.

Алексей СМОЛЬНИКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВОЙНЫ

Ах, чем он запомнился, этот денек,
Когда миновал я границу?
Иду и читаю: «Вокзал». «Кипяток».
Гляжу и смеюсь: уцелели, браток!
Хотя и развален ты, Брест-городок,
И мне бы чуток подлечиться...

А чем мне запомнился тот эшелон,
Набитый по верхнюю полку?
С утра и до ночи скрипучий вагон
То плачет, то пьёт, то хохочет, хмельён,
Мой сидор солдатский наверх водружён,
И мне с ним не тесно нисколько.

А что ещё было? Цыганка была.
Откуда? Ах, важно ли это!
Плясала и пела, за ручку брала
И всем нам бесплатно про счастье плела,
И, может, впервые она не врала
В то первое мирное лето...

* * *

Вот и случилось: первый поцелуй...
Думал, будет огненно и пьяно.
Но она глядит как из тумана,
Слёзы вытирает и глядит.

Пальтецо на плечиках худых,
Мокроступы на ногах озябших.
Только шепчет: — Наши... наши, наши!.. —
Больше ничего не говорит.

Сколько в этой веске их, девчат!
Сбит замок, открыты настежь двери,
А девчонка смотрит и не верит,
И целует, и в глаза глядит...

Больше не запомнил ничего.
Просто Польшей шла вперёд пехота,
Просто вдруг припомнилось с чего-то,
Как мне было восемнадцать лет...

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БАРУЗДИН (1926–1991). Родился в Москве. Участник войны, разведчик, рядовой. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, литературный деятель.

Сергей БАРУЗДИН

* * *

Мы дочь на войне родили,
Может, безумное дело?
Детей на войне убивают,
Порой и родителей их.

Но, может, мы просто верили,
Наверно, мы свято верили,
Что скоро наступит победа
И мы останемся жить.

Мы сына в разруху родили,
Может, безумное дело?
Детей разруха уносит,
Порой и родителей их.

Но, может, мы просто верили,
Наверно, мы свято верили,
Что мы одолеем разруху
И мы останемся жить.

Войны кончаются медленно,
Разрухи уходят не сразу.
А дети растут быстро,
И вот им за двадцать лет.

Если бы мы выжидали,
Взвешивали, гадали,
То как бы тогда мы жили,
Когда детей наших нет?

* * *

Вдали от тебя
И вдали от России
В баварской,
Для нас необычной, пивной
Я снова гадаю,
Какие такие
Те *люди*,
Что к нам
Заявились с войной.

Солидные фрау,
Солидные фрицы
Семейно и мирно
Сидят за столом.
Их внукам и детям
Никак не сидится,
И с фюрером кружки

«Дым войны, что в душу мне проник...»

При том ни при чём.
Но пенится пиво
И льётся в избыток
Из бочек дубовых,
Приросших к стене.
И кажется мне,
Что ничто не забыто.
И тени убитых
Мерещатся мне.

ЕВДОКИМ ЕВДОКИМОВИЧ РУСАКОВ (1926–2001). Из крестьян Новгородчины (деревня Коровкино Боровичского района). С началом войны подростком был направлен на оборонные работы на Волховский фронт. Во время налета фашистской авиации его тяжело контузило. Пастух; автор книги детских стихов «Мельница-метелица», поэтического сборника «Живу я в маленькой деревне» (1979), из которого взяты печатающиеся в антологии стихотворения.

ЕВДОКИМ РУСАКОВ

РУЧНЫЕ ЖЕРНОВА

Ничего с войны не мелют,
Позабыл о них народ.
Сердцем каменным немеют,
Отрубями заткнут рот.
Жернова в амбаре дремлют
Позабыты, и давно
По-другому в наше время
Мелют хлебное зерно.
«Чиргут-чиргут», —
Слышу снова.
Не забыть тот тяжкий год,
Как по очереди вдовы
Жёрнов брали в оборот.
«Чиргут-чиргут!» —
Охал жёрнов...
Сколько нами на веку
Тяжких дней,
Событий чёрных
Перемолото в муку!

<1979>

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Не пришедший до сих пор обратно,
Без вести пропавший у Двины,
Всё идёт,
Идёт на запад брат мой
В дымно-красном мареве войны.
Всё вперёд идёт он,
Всё в дороге.
Он от стужи и дождей продрог,
И усталость связывает ноги,
Но победы день ещё далёк,
И ещё невидима граница.
Эхо носит выстрелов валы,
И ещё пилотку пехотинца
Не сорвала пуля с головы.
Вот уж вся Россия за плечами.
Но поход свой продолжает брат.
Так идёт он днями и ночами, —
Всё вперёд...
И не придёт назад.

<1979>

СТЕПАН ЯКОВЛЕВИЧ КУРЛОВ (1927–2004). Родился в Новосибирской области в крестьянской семье. Во время войны работал на авиационном заводе. Окончил художественное училище в Москве. Долгое время работал художником и сценаристом на Тульском телевидении. Всю жизнь писал стихи.

Степан КУРЛОВ

САНИТАРКА

Ты стояла, пилотку в руках теребя,
Из Калуги на фронт провожали тебя
И звучал на перроне чей-то гнусный куплет:
«На позицию девушка, а с позиции — нет».
Но напутствие это «провидцу» назло
С паровозным протяжным гудком унесло.
На ближайшей версте подцепил эшелон
Остро пахнувший йодом санитарный вагон.
Ты отправилась с нашим отрядом туда,
Где горела земля, где кипела вода,
Где шагала, стремясь всё живое стереть,
В боевые доспехи одетая смерть.
Тяжкий груз опустился на плечи твои.
Всё пришлось испытать: отступленья, бои,
Пробираться в кромешных ночах наугад
И бессменной сидеть в изголовье солдат,
Обескровленных их из огня выносить,
Сапогами крутые дороги месить...
...Глаз с меня не спускала санитарка моя,
Потому я вернулся в родные края.
Мы спешили домой. Нас встречала страна,
Нас одних. Без неё. Не вернулась она.
Мы идём по земле в переплесках огней.
Мы — глубинная, вечная память о ней.

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ КЛЕПИКОВ, участник Великой Отечественной войны. Долгие годы работал на Тульском оружейном заводе. Стихотворение печатается по изд.: *Клепиков В.* Откровение: Стихотворения. Поэма. Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та, 2001.

Владимир КЛЕПИКОВ

**ПАМЯТИ ВЕТЕРАНОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

С болью и правдой уходят
Рыцари прошлой войны...
Время им пристань готовит,
Где ни войны, ни вины.

Во искупляющих муках
В ночь отплывают они
К тем, с кем и были в разлуках
Долгие мирные дни.

К бывшим соседям по нарам,
Танкам и блиндажам,
Чтобы продолжить по парам
Службу солдатскую там...

«Первый» спешит ко «второму»
В свой пулеметный расчёт,
Штурман — к пилоту седому
В мёртвый его самолёт.

В танке с прошибленным боком,
Знаю, механика ждёт
Весь экипаж одинокий
В глуби Синявских болот,

Там они встретятся снова,
Чтоб не терять никогда
Колю, Сережу и Вову
В их молодые года.

Там и останутся вместе:
Танки, орудья, тела...
Там их бессмертье окрестит
За боевые дела.

Время сравнивает их просто:
Станут навечно в строю
Те, кто погиб в девяностых,
Кто в сорок первом — в бою!

19 марта 1997

Валентин БЕРЕСТОВ
Владимир СОКОЛОВ
Владимир КОРШИЛОВ
Андрей ДЕМЕНТЬЕВ
Инна ГОФФ
Генрих САПГИР
Юрий ВОРОНОВ
Владимир ГОРДЕЙЧЕВ
Дмитрий СУХАРЕВ
Михаил ФИЛЬШТЕЙН
Юрий РЯШЕНЦЕВ
Глеб ГОРБОВСКИЙ
Римма КАЗАКОВА
Владимир ЦЫБИН
Евгений ХРАМОВ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Станислав КУНЯЕВ
Александр ГОРОДНИЦКИЙ
Борис РАХМАНИН
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ
Евгений ЕВТУШЕНКО
Натан ЗЛОТНИКОВ
Феликс ЛАУБЕ
Владимир КОСТРОВ
Василий КАЗАНЦЕВ
Лариса ВАСИЛЬЕВА
Евгений РЕЙН
Николай РУБЦОВ
Иван НИКУЛЬШИН

III

Александр КУШНЕР
Владимир ПОРТНОВ
Владимир ФИРСОВ
Белла АХМАДУЛИНА
Олег ДМИТРИЕВ
Геннадий ШПАЛИКОВ
Анатолий ДРОЖЖИН
Анатолий БЕРГЕР
Владимир ВЬСОЦКИЙ
Олег ЧУХОНЦЕВ
Александр ГОВОРОВ
Эдуард БАЛАШОВ
Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ
Геннадий РУСАКОВ
Лев ТАРАН
Валерий ШАМШУРИН
Татьяна ГЛУШКОВА
Геннадий ХОМУТОВ
Алексей ШИТИКОВ
Иосиф БРОДСКИЙ
Юрий КУЗНЕЦОВ
Феликс ЧУЕВ
Анатолий БОГДАНОВИЧ
Евгений ЛЕБЕДЕВ
Геннадий СТУПИН
Наталья ГАЛКИНА
Александр БОБРОВ
Александр ТКАЧЕНКО

«Я ЮНОСТЬЮ СВЯЗАН С ВОЙНОЮ...»

ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ БЕРЕСТОВ (1928–1998). Родился в Калужской губернии. В годы войны был в эвакуации в Ташкенте. Окончил исторический факультет Московского университета. Поэт, детский писатель; литературовед.

Валентин БЕРЕСТОВ

А. Г. Берестову

Кто помнит о Костике,
Нашем двоюродном брате,
О брате-солдате,
О нашей давнишней утрате.
Окончил он школу
И сразу погиб на войне.
Тебе он припомнился,
Мне он приснился во сне.
В семейных альбомах
Живёт он на карточке старой,
Играть не играл он,
Но снят почему-то с гитарой.
И что-то важнее,
Чем просто печаль и родство,
Связало всех нас,
Кто ещё не забыл про него.

1968

* * *

А как мы фронту помогали?
Что тут ответить? Мы пахали.
А кто поменьше, те пололи
В сибирском ли, в узбекском поле.

Земной вам поклон, сорняки,
Цепкие корешки.
Поле без нас не скучало,
Поле без нас одичало,
Жизни слепая сила
Над ним сорняки возносила,
Диким взошла урожаем,
Который мы уничтожаем,
Розовый лёсс обнажаем.
А за нами тянутся робко
Красноногие кустики хлопка,
Благородные, чуть живые
И увиденные впервые.

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ СОКОЛОВ (1928–1997). Родился в Лихославле Тверской губернии в семье военного инженера. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, эссеист, переводчик.

Владимир СОКОЛОВ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Что делал я тогда? Снопы вязал,
А может быть, работал на прополке,
Когда ты полем боя проползал,
Где каждый метр изранили осколки.

Меня поймёт, кто был для фронта мал,
Мальчишка, живший на Оби иль Каме.
Он тоже географию сдавал
По карте, сплошь истыканной флажками.

Ни на минуту друга не забыв,
Я жил, ни слова о тебе не зная.
Прошла война. Коль всё ж придёт другая,
Нам без тебя являться на призыв.

Но как ты жив! Не памятью, не тенью,
А так, что кажется: ты здесь вот рядом, сам!
Погибший на Московском направлении,
Быть может, самый юный партизан.

А дни бегут скорее и скорее.
Они спешат. Они торопят нас.
Не по годам, а по часам стареют
Учебники истории сейчас.

От нас года холодные всё дальше,
Всё глуше громы незабвенных битв.
Но ты спокойно спи, великий мальчик!
Как и они, не будешь ты забыт.

А дни бегут. Большой весной дружной
Украшен мир, насколько видит глаз.
Как дорожить нам нашей жизнью нужно,
Когда она во столько обошлась!

Быть может, долгий век отпущен мне.
Я должен жизнь свою прожить такую,
Чтобы зачлась она моей страной
С твоим коротким веком наравне.

1947

ХЛЕБ

Сорок второй. Позёмка. Стужа.
До города верста.
Теплушка наша чуть похуже
Вагона для скота.

Но, лишь в пути узнав, как дорог
Её худой уют,

Закоченев, приходим в город.
Там, слышно, хлеб дают.

В ларьке, по окна заметённом,
Пимов о доски стук.
— Откуда, хлопцы? — С эшелона. —
И чей-то голос вдруг:

— Ребят вперёд пустите, братцы!
Пусть первыми возьмут.
Я слышал, это ленинградцы.
Ишь, как мальчонка худ.

А нас брала уже усталость,
Всё вымерзло в груди.
И очередь заволновалась:
— Ребята, проходи!..

— Да вы бы сразу попросили.
— А сам-то, чай, ослеп? —
Так было тесно в магазине,
Так был он близко, хлеб.

А продавщица обмахнула
Прилавок: — Ну, так что ж? —
И вот уж в воду обмакнула
Большой и добрый нож.

Угрюмы нары эшелона.
Буханки горячи.
А мы молчали, сжав талоны.
Мы были москвичи.

Был зябок жалкий наш нарядец.
С ларька срывало жечь.
— Нет, — я сказал, — не ленинградец. —
А как хотелось есть!

<1957>

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КОРНИЛОВ (1928–2002). Родился в семье инженеров-строителей в Днепропетровске (ныне город Днепр, Украина). С началом войны был эвакуирован в Новокузнецк (Сибирь). Окончил Литературный институт институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик.

Владимир КОРНИЛОВ

ТРОФЕЙНЫЙ ФИЛЬМ

Гр. Бакланову

Что за бред? Неужели помню чётко
Сорок лет этот голос и чечётку?
Мочи нет — страх опять ползёт в серёдку,
Я от страха давнего продрог.
До тоски, до отчаянья, до крика
Не желаю назад и на полмига!
Не пляши, не ори, молчи, Марика!
Ну прошу: заткнись, Марика Рокк!

Провались, всех святых и бога ради!
Нагляделся, сполна в своей досаде
На роскошные ядра, плечи, стати
Со своей безгрешной высоты.
Ты поёшь, ты чечётничаешь бодро.
Дрожь идёт по подросткам и по одрам,
Длиннонога, стервоза, крутобёдра,
Но не девушка моей мечты.

Не заманивай в юность — эту пору
Не терплю безо всякого разбору,
Вся она мне ни по сердцу, ни впору,
Костью в горле стала поперёк...
Там на всех на углах в усах иконы,
В городах, в деревнях тайги законы,
И молчат в серых ватниках колонны,
Но зато поёт Марика Рокк.

Крутит задом и бюстом иноземка,
Крупнотела, дебела, хоть не немка —
Вожделение рейха и застенка —
Почему у нас в цене она?
Или то, что с экрана нам пропела,
Было впрямь восполнением пробела?
Или вправду устала, приболела
Раздавившая врага страна?

Ты одно мне по нраву, наше время,
Для тебя мне не жаль ни сил, ни рвенья,
Только дай мне ещё раз уверенья,
Что обратных не найдёшь дорог.
Ты пойми: возвращаться неохота
В дальний год, где ни проблеска восхода,
В тёмный зал, где одна дана свобода —
Зреть раздетую Марику Рокк.

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ДЕМЕНТЬЕВ родился в 1928 году в Твери. Учился в педагогическом, затем в Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт, автор текстов многих песен. «Баллада о матери» положена на музыку эстрадным певцом Евгением Мартыновым.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Постарела мать за тридцать лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.

И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мертвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.

...Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне.
Все пришли в кино — и стар и мал.
Кто познал войну и кто не знал,
Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.

Трудно было это вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг,
И пронёсся материнский крик:
— Алексей! Алешенька! Сынок!
Словно сын её услышать мог.

Он рванулся из траншеи в бой,
Встала мать прикрыть его собой.
Всё боялась — вдруг он упадёт,
Но сквозь годы мчался сын вперёд.
— Алексей! — кричали земляки.
— Алексей! — просили. — Добеги!

Кадр сменился! Сын остался жить,
Просит мать о сыне повторить.
И опять в атаку он бежит.
Жив-здоров, не ранен, не убит.
— Алексей! Алешенька! Сынок!
Словно сын её услышать мог.

Дома всё ей чудилось кино...
Всё ждала, вот-вот сейчас в окно
Посреди тревожной тишины
Постучится сын её с войны.

1967

ИННА АНАТОЛЬЕВНА ГОФФ (1928–1991). Родилась в Харькове в семье врача-фтизиатора. С лета 1941 года в эвакуации, здесь, учась в школе, одновременно работала нянечкой, позже библиотекарем в томском эвакогоспитале № 1506. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Прозаик, начинала как поэтесса. На её стихи написаны известные песни: «Русское поле», «Август», «Я улыбаюсь тебе»...

Инна ГОФФ

В ПАРКЕ У МАМАЕВА КУРГАНА

В парке у Мамаева кургана
Посадила яблоню вдова,
Прикрепила к яблоне дощечку,
На дощечке вывела слова:
«Муж мой был на фронте лейтенантом,
Он погиб в сорок втором году.
Где его могила, я не знаю,
Так сюда поплакать я приду».

Посадила девушка берёзу:
«Своего не знала я отца,
Знаю только, что он был матросом,
Знаю, что сражался до конца».
Посадила женщина рябину:
«В госпитале умер он от ран,
Но свою любовь я не забыла,
Потому хожу я на курган».

Пусть с годами подписи сотрутся,
Их никто не сможет прочесть,
Будет к солнцу дерево тянуться,
И весной птицы прилетать.
И стоят деревья, как солдаты,
И в бурю стоят они, и в зной.
С ними те — погибшие когда-то —
Оживают каждой весной.

<1968>

ГЕНРИХ ВЕНИАМИНОВИЧ САПГИР (1928–1999). Родился в Бийске в семье инженера; с детства жил в Москве. В советское время был известен как детский поэт, кинодраматург; вошёл в историю литературы как писатель-авангардист.

Генрих САПГИР

ДЯДЯ ЮРА

Юрий Владимирович красит свои редкие волосы хной
красное зачёсывает вкось через лысину
вставные зубы и вставные мысли
мысли ему вставили ещё в тридцатых
в сороковых пошёл на войну добровольцем
был адъютантом в полку и вообще не задумывался
однако после войны себе выдумал
как за Родину за Сталина
от Москвы до Берлина дошагал
тучный дядя Юра — серые клочковатые усики
кто же там на фото — безусый с испуганными глазами
с тонкой шеей — карандаш в гимнастёрке?
сын его? родственник?
вообще другой человек?
(выдвинул ящик комода —
Господи! крыса в носке)
дядя Юра любит вспоминать о войне
война принадлежит ему лично
(плотно задёрнуты шторы —
шарит прожектор — убьют!)
и на празднике Победы —
обычно солнечный день —
золотая броня медалей
покрывает грудь и живот
телу нравится что женщины оглядываются
(кукольный ротик животик —
сделай мне котик массаж)
даже глазки зажигаются
а прохожие глядят как на ископаемое
не исключено —
в одной из прежних жизней
дядя Юра был тиранозавром
бежал на задних ногах
и ревел разинув пасть как ворота
и была война среди хвощей и папоротников
победили млекопитающие

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ ВОРОНОВ (1929–1993). Родился в Ленинграде в семье профсоюзного работника. Пережил ленинградскую блокаду; в 1943 году награждён медалью «За оборону Ленинграда». Окончил Ленинградский государственный университет. Поэт, публицист.

Юрий ВОРОНОВ

* * *

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали.
И только в сорок пятом —
Паспорта.

И в этом нет беды...
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда...

МЁРТВЫЕ

Мне кажется:
Когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают.

Они к Неве
По улицам идут,
Как все, живые.
Только не поют:

Не потому,
Что с нами не хотят,
А потому, что мёртвые
Молчат.

Мы их не слышим,
Мы не видим их,
Но мёртвые
Всегда среди живых.

Идут и смотрят,
Будто ждут ответ:
Ты этой жизни
Стоишь или нет?

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ГОРДЕЙЧЕВ (1930–1995). Родился в посёлке Касторном (ныне Курская область). Окончил Воронежский учительский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, литературный деятель.

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

ОККУПАЦИЯ

В Саратове горцы трубили,
На Каме горели костры.
А мы в оккупации были,
Подростки военной поры.
Нам нечему стало учиться,
И карты помочь не могли, —
Война поломала границы
На всём протяженье земли.
Нам опыт давался не просто,
И не было радости нам
С утра обходить перекрёсток
И слушать историю там,
Где рынок бурлил недалёко
И пели слепцы под баян
Певучие плачи Востока,
Плакучие песни славян.
Пылили моторные части,
Погоны блистали оплечь, —
И всюду победно и властно
Немецкая лязгала речь.
На каменной этой дороге,
Где русские пленные шли,
Мы новые брали уроки,
Но старых забыть не могли.
Мы тайно писали «диктанты»,
И утром бесились посты,
Срывавшие «Смерть оккупантам!» —
В косую линейку листы.
Мы эхо ловили ночами,
К земле припадали у стен,
И гулы вдали означали
Начало больших перемен.
Об этом не скажешь: пустое!
Те ночи с раскатами их,
Те дни потрясенные стоят
Годов академий иных!

ДМИТРИЙ АНТОНОВИЧ СУХАРЕВ (псевдоним Сахарова; род. 1930, Ташкент). Окончил Московский университет. Доктор биологических наук. Поэт, на его стихи написаны многие песни барда Сергея Никитина и др.

Дмитрий СУХАРЕВ

СОРОК ДВА

Я лермонтовский возраст одолел,
И пушкинского возраста предел
Оставил позади, и вот владею
Тем возрастом, в котором мой отец,
Расчёта минометного боец,
Угрюмо бил по зверю и злодею.

Отец мой в сорок лет владел брюшком
И со стенокардией был знаком,
Но в сорок два он стал как бог здоровый:
Ему назначил сорок первый год
Заместо валидола — миномёт,
Восьмидесятидвухмиллиметровый.

Чтоб утвердить бессмертие строкой,
Всего и нужно — воля да покой,
Но мой отец был занят миномётом;
И в праведном бою за волю ту
Он утверждал опорную плиту,
И глаз его на это был наметан.

И с грудью металла на спине
Шагал он по великой той войне,
Похрапывал, укутавшись в сугробы.
И с горсткою металла на груди
Вернулся он, и тут же пруд пруди
К нему вернулось всяческой хворобы.

Отец кряхтел, но оказался слаб
Пред полчищем своих сердечных жаб
И потому уснул и не проснулся.
Он юным был — надежды подавал,
Он лысым стал — предмет преподавал,
Но в сорок два — бессмертия коснулся.

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ ФИЛЬШТЕЙН родился в 1930 году в Кишинёве. Окончил Кишинёвский педагогический институт. Поэт, переводчик, редактор.

Михаил ФИЛЬШТЕЙН

ВОЕНРУК

А военрук наш весел был,
И юн, и ростом мал.
И боевой мальчиший пыл
Душою понимал.

Он выводил в метельный двор
Ребячий непокой.
И ловко пробовал затвор
Единственной рукой.

Он был для нас ещё бойцом.
Привычно с нами пел.
Но задышался. И лицом
Вдруг становился бел.

Он замолкал, белей зимы,
В искрящейся пыли —
Не то что мы, не то что мы,
Когда колонной шли.

Та белизна в зрачках росла,
Текла по синеве,
Как будто это смерть жила
В зашитом рукаве.

ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ РЯШЕНЦЕВ родился в 1931 году в Ленинграде. С раннего детства жил в Москве; отец был репрессирован в 1938 году. Окончил МГПИ. Поэт, прозаик, драматург. Автор песен ко многим спектаклям и фильмам.

Юрий РЯШЕНЦЕВ

ДОРОГА В ШКОЛУ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Та дороженька лихая
мимо страшного Шанхая,
мимо стаяк воронья,
мимо шаек пацанья.

Только метры, только миги
до разбоя от игры.
Защищай и хлеб, и книги
чем попало, школяры!

У Коляпы — поджигалка,
бритву прячет от ментов.
Если только глаз не жалко,
к толковищу — будь готов!

Ветер славы и помоек,
Магадана и войны
дует, пристаен и стоек,
сразу в обе стороны.

Мы солдат убитых дети.
Сорок пятый год. Январь.
Но когда на целом свете
лишь один слепой фонарь...

Женька Голубь стал калекой.
Валька жив, но крив на левый...
Ох, Коляпа, лютый зверь!..
Он общественник теперь.

<1986>

ГЛЕБ ЯКОВЛЕВИЧ ГОРБОВСКИЙ родился в 1931 году в Ленинграде в учительской семье. Отец был репрессирован. Во время войны оказался в оккупации. Учился в Ленинградском полиграфическом техникуме. Поэт, публицист.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

МАТЕРИ

Предвоенные дожди лета,
на Варшавском вокзале цветы!
...Я впервые на поезде еду.
Десять дней до Великой Черты.
Провожает меня, задыхаясь
от улыбок и жалобных слёз, —
мама... Мама моя молодая, —
золотой одуванчик волос!
Умоляла попутчиков слёзно
присмотреть за мальчишкой в пути...
Слышишь, мама, гудок паровозный!
От вагона, дружок, отойди.
...Мы расстались. И время проворно
понесло нас по рельсам своим.
Напиталась война... И, тлетворный,
над дорогой рассеялся дым.
Далеко мы заехали, знаю.
До седин. И тебе не в укор, —
всё я вижу: не ты, а иная
провожает меня до сих пор.
Вижу лето и солнце, как мячик,
над перроном... И люди в купе...
Золотистых волос одуванчик
всё мелькает в нарядной толпе.
Провожает меня исступлённо,
за окном продолжает бежать...
И уже до последнего стоны
будет в жизни меня провожать.

РИММА ФЁДОРОВНА КАЗАКОВА (имя при рождении — Рэмо; 1932–2008). Родилась в Севастополе в семье военнослужащего. Окончила исторический факультет Ленинградского университета и Высшие литературные курсы. Поэтесса, переводчица, литературно-общественная деятельница.

Римма КАЗАКОВА

* * *

...В сорок втором ходил к нам интендант —
наук каких-то хитрых кандидат.
За мамой он ухаживал упрямо.
Не поддавалась интенданту мама.
Не потому, что папа воевал,
хотя уж это что-нибудь да значит!
Всё обстояло здесь совсем иначе:
отец тогда не больно б горевал.
Была на фронте у него жена,
а если говорить грубей и проще —
там, на войне, с ним женщина жила,
а нам он деньги посылал по почте.
Мать знала. Донесла-таки молва!
Но мать обиду молча проглотила
и на почтамт, как прежде, приходила.
А как тут быть?
Что мать моя могла?
Работала. Всё научилась делать.
Садила огород, капусту квасила.
Не плакала. И даже губы красила.
Лишь в зеркальце чуть пристальней глядела.
А интендант был добр, как Дед Мороз.
Он приходил, пакетами увешанный...
Но мать ему решительно и вежливо внушала:
— Николай Иваныч, брось!..
Он чай поспешно ложечкой студил.
Он уходил, пакеты взяв неловко.
А ведь тогда, в тот долгий год нелёгкий,
не знаю, кто бы маму осудил...
Двоих детей не просто поднимать.
И так не просто понимать при этом,
что в чём-то главном,
в самом главном —
предан!

...Мне не забыть сорок второго, мать.

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ЦЫБИН (1932–2001). Родился в крестьянской семье в Киргизии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, затем много лет вёл здесь поэтический семинар. Поэт, переводчик, редактор.

Владимир ЦЫБИН

ДОНОСЯТСЯ ШАГИ

Из шелеста морозного пурги,
из темноты, где не видать ни зги,
рассыпаны, как по воде круги,
доносятся незримые шаги.

Откуда-то из мглы, издалека,
тишайшие переступая дни,
пройдя сквозь нерождённые века,
сюда, в твой день, доносятся они.

Шуршат они о время, как песок,
как тёмная, матёрая вода.
Неужто средь неведомых дорог
заблудятся и не дойдут сюда?

Навстречу ринься им и помощи,
кинь эхо, зазвеневшее во мгле!
Из дней грядущих слышатся шаги.
Жива земля и люди на земле.

Там — зелены, попавшие под дождь,
не мёртвая от стронция зола,
а звонкая от тысячи подошв,
спасённая для правнуков земля.

Рассветы от созвездий зелены,
и высыхает по низинам дым,
доносятся шаги из тишины,
где сходится грядущее с былым.

И только тихий техник пожилой
лады приладил ловко под ладонь,
припомнив всех,
кто не пришёл домой,
скрипя протезом, плачет под гармонию.

Как терпкие, далёкие пути
расходятся мелодии круги —
по снежной и обветренной степи
друзей его доносятся шаги...

ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ ХРАМОВ (псевдоним Абельмана; 1932–2001). Родился в Москве в семье технических интеллигентов. Дед, Самуил Абельман, в императорской России был крупным инженером. Мать, химик, впоследствии стала лауреатом Ленинской премии. Окончил юридический факультет Московского университета. Поэт, переводчик, литературовед; литературный педагог.

Евгений ХРАМОВ

* * *

Двадцать второго июня сорок первого года
На дачу, что мы снимали в это лето на Сходне,
Ещё ничего не зная, съехалось всё семейство:
Отцы, и дети, и внуки.
Стол был ещё довоенный, праздничный, изобильный:
С мраморной ветчиною, весёлым промытым луком,
Жирно блестящей сёмгой, крутобокой редиской.
И довоенная водка добродушно желтела в графине.

И все за столом сидели.
Младшие — мы с сестрою,
Старшие — дед и бабушка.
А посредине их дети, наши дядья и тётки с жёнами и мужьями:
Уже седой Петр Павлыч,
Ещё не убитый Костя,
А мамин брат дядя Саша со шпалами в алых петлицах.

...Сначала всё было тихо, и все говорили негромко.
А после громче и громче и даже... развеселились.
Как будто что-то прорвалось, выяснилось, разрешилось!
Наверное, было жутко,
Жутко и непонятно жить с фашистами в мире,
А теперь всё встало на место...

И отец мой — он был самый штатский, инженер-капитан запаса —
Померанцевой выпил и крикнул:
«Ну, через месяц — в Берлине!»

А впрямь до Берлина было
От новой границы рядом —
Пятьсот с небольшим километров,
Как раз на месяц похода...

<1980>

СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ КУНЯЕВ родился в 1932 году в Калуге. В годы войны семья была эвакуирована в Костромскую область. Окончил филологический факультет Московского университета. Поэт, публицист, литературно-общественный деятель.

Станислав КУНЯЕВ

* * *

Мы жили и пограничной полосе
близ хуторов, когда-то заселённых.
Я уходил по молодой росе
и дотемна бродил в лугах зелёных.

Я слушал, как над клевером стоит
гуденье пчёл, собирающих нектары,
и волновал меня разъятый быт,
пустые окна, тёмные амбары.

Солома истлевала на стерне,
сады дичали в тягостном покое.
Таилось нечто в этой тишине,
и вызревало что-то роковое.

Недаром озверевшие коты,
блестя остервенелыми глазами,
в пустых жилищах разевая рты,
мяукали дурными голосами.

Недаром, разлучённые с огнём,
ветшали, как гробы, пустые печи,
и ржавчина съедала день за днем
тяжёлые колодезные цепи.

А на исходе пламенной весны
вдруг вспыхнули — прекрасны и зловещи —
на тёмных елях алые цветы,
как будто бы рождественские свечи.

Давным-давно так ярко не цвели
еловые леса в начале лета.
Огонь и зелень...
Слухи поползли,
что не к добру подобная примета.

Быстрее хлеба вызревало зло,
и чёрный дым окрестности окутал,
когда, кренясь,
на левое крыло
лёг «юнкерс» —
и спикировал на хутор...

1975

АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ ГОРОДНИЦКИЙ родился в 1933 году в Ленинграде в семье гидрографа. Пережил с матерью первую блокадную зиму, затем эвакуирован в Омск. Окончил геофизический факультет Ленинградского горного института. Профессиональный геофизик и океанолог, доктор геолого-минералогических наук. Поэт, известен многими песнями. Классик авторской песни.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

ТРЕБЛИНКА

Треблинка, Треблинка,
Чужая земля.
Тропинкой неблизкой
Устало пыля,
Всхожу я, бледнея,
На тот поворот,
Где дымом развеян
Мой бедный народ.

Порою ночью
Всё снится мне сон;
Дрожит подо мною
Товарный вагон,
И тонко, как дети,
Кричат поезда,
И жёлтая светит
На небе звезда.

Недолго иль длинно
На свете мне жить,
Треблинка, Треблинка,
Я твой пассажир.
Вожусь с пустяками,
Но всё — до поры:
Я камень, я камень
На склоне горы.

Плечом прижимаюсь
К сожжённым плечам,
Чтоб в марте и в мае
Не спать палачам.
Чтоб помнили каты —
Не кончился бой!
Я камень, я камень,
Над их головой.

1966, Польша

НАД ПРОСЁЛКАМИ ЛИСТЬЯ

Над просёлками листья — как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб не дожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи — так вовсе нигде не лежат.

А евреи по небу серым облачком реют.
Их могил не отыщешь, кусая губу:
Ведь евреи мудрее, ведь евреи хитрее, —
Ближе к Богу пролезли в дымовую трубу.

И ни камня, ни песни от жидов не осталось —
Только ботинок детских игрушечный ряд.
Что бы с ними ни случилось, не испытывай жалость,
Ты послушай-ка лучше, что про них говорят...

А над шляхами листья — как дорожные знаки,
К югу тянутся птицы, и хлеб не дожат.
И лежат под камнями москали и поляки,
А евреи — так вовсе нигде не лежат.

1966, Освенцим

МОНОЛОГ МАРШАЛА

Я маршал, посылающий на бой
Своих ушастых стриженных мальчишек.
Идут сейчас весёлою гурьбой,
А завтра станут памятников тише.
В огонь полки гоню перед собой,
Я маршал, посылающий на бой.

Я славою отмечен с давних пор.
Уже воспеты все мои деянья,
Но снится мне зазубренный топор,
И красное мне снится одеянье,
И обелисков каменная твердь.
Я маршал, посылающий на смерть.

Пока в гостях бахвалится жена,
Один бреду я по своим хоромам,
И звякают негромко ордена
Неугомонным звоном похоронным,
И заглушить его мне не сумеь —
Я маршал, посылающий на смерть.

Не знающему робости в боях,
Немало раз пришлось мне нюхать порох,
Но странный я испытываю страх
В пустых соборах и на школьных сборах.
И победить его мне не сумеь...
Я маршал, посылающий на смерть.

1967, Ленинград

БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ РАХМАНИН (1933–2000). Родился в Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик-фантаст, сценарист. В последние годы жил в Германии.

Борис РАХМАНИН

* * *

Мне в детстве истина простая
открылась в зябкую весну:
как только люди вырастают —
уходят тут же на войну.
Я помню — это было в мае,
кричал скворец над косяком, —
простужен был я, хлипкий малый,
пробит навывлет сквозняком.
И, забираясь в дальний угол,
известный в доме только мне,
гадал я с искренним испугом:
не простужусь ли на войне?
Поползаешь по мокрым пашням —
потом ангина. Вот напасть!
А стыдно, знаете ли, с кашлем
в военный госпиталь попасть.
Солдаты стонут там на койках,
хирурги в белом все — до глаз,
стальные острые осколки
со звоном шлёпаются в таз.
Нет, этот насморк мне не нужен!
Стал драться я со сквозняком
и по весенним сизым лужам
отважно бегать босиком.
Так мужеству я стал учиться,
знал, что ненастья впереди, —
уж если госпиталь случится —
так только с пулею в груди.

<1980>

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ (1933–2010). Родился в Москве в семье инженера-гидротехника. Во время войны жил в эвакуации в Кургане. Позднее он писал: «В какую дыру забросила нас эвакуация, но какая добрая это была дыра!». Окончил Московский архитектурный институт. Поэт, публицист, художник, архитектор; крупнейший современный мастер стиха.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ДЕТИ-САПОГИ

В войну мы были маленькими.
Мы были ростом с валенки,
точнее с сапоги —
кирзовые, брезентовые,
скрипучие, бессмертные,
добытые с убитого,
с товарища ноги.

В чём мерка поколения?
Что взрослым по колено,
их горестные броды,
то нам под подбородок.
Мы дети-сапоги.

Мы научились многому —
быть парой одноногому
среди ночной пурги.

Когда любили матери,
нас клали за кроватями.
«Сними-ка, помоги».
Мы были с ними вровень,
отмытыми от крови —
кто с ложкой, кто почище —
с ножом за голенищем,
со скрипом за две тыщи,
за Вислу от Мытищей
свистали каблуки!

Делились с нами опытом,
разбитые Европою,
с отставшими набойками,
не знавшие Набокова,
но с богом коротки.
Вздыхали их гармошки
про стёжки и дорожки
неясной нам тоски.
Отсюда наши пешие,
просёлочные, спешные,
не в кабинетах спетые,
а на ходу — стихи.

Отсюда семимильные,
как через поле минное,
порой непоправимые,
но верные шаги.

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕВТУШЕНКО (при рождении получил фамилию Гангнус — по отцу, прибалтийскому немцу) родился в 1933 году в Иркутской области в семье геолога. После войны жил в Москве. В это время его мать, Зинаида Ермолаевна Евтушенко, сменил сыну фамилию на свою. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик. Выступал как прозаик, кинорежиссёр, актёр. Живёт в Москве и в США.

Евгений ЕВТУШЕНКО

ПЕВИЦА

Маленький занавес поднят.
В зале движенье и шум.
Ты выступаешь сегодня
в кинотеатре «Форум».

Выглядишь раненой птицей,
в пёрышках пули тая.
Стать вестибюльной певицей —
это Победа твоя?

Здесь фронтовые песни
слушают невсерьёз.
Самое страшное, если
даже не будет слёз.

Хочешь растрогать? Не пробуй...
Здесь кинопублика вся
с пивом жуёт бутерброды,
ждёт, чтоб сеанс начался.

Публика не понимает
что ты поёшь, почему,
и заодно принимает
музыку и ветчину.

А на экране фраки,
сытых красоток страна,
будто победа — враки,
или не наша она.

Эти трофейные фильмы
сверзшиися, как с небес,
так же смотрели умильно
дяденьки из СС.

Нас не освободили.
Преподнесли урок.
В этой войне победили
ноги Марики Рокк.

1951

НАТАН МАРКОВИЧ ЗЛОТНИКОВ (1934–2006). Родился в Киеве, окончил здесь политехнический институт. Поэт, переводчик, редактор.

Натан ЗЛОТНИКОВ

САНДАЛИ

В полутёмном и гулком подъезде
Он взбегал, не касаясь перил,
По ступеням покатым к невесте,
Много слов в полутьме говорил.

На заветном окошке сидели,
Свесив ноги, как будто с крыльца.
Им осталось не больше недели,
Им казалось: не будет конца.

Тихо в доме большом. Редко-редко
Лифт тяжёлый гудел за спиной,
Это, может, сосед иль соседка
Возвращалась со смены ночной.

Звёзды лета светили им в очи,
Дождь кропил, луж мерцала слюда.
Ночи всё становились короче,
Стало сладко не ведать стыда.

И однажды слетели сандали
С легких ног её, охнув внизу,
Словно птицы две вдруг увидали
С высоты мимолётной грозу.

Но, нисколько о них не жалея,
Под широким его пиджаком
Попрощалась, ещё став милее,
Побежала домой босиком.

Через день он ушёл в ополченье,
И ушла рыть окопы она.
Но внезапной разлуки мученье
Было горше для них, чем война.

Может, каждый из них не заметил,
Как исчез он в пожаре густом.
Только нет уж давно их на свете.
К счастью, оба не знают о том.

ФЕЛИКС ЯНОВИЧ ЛАУБЕ (1934–1996). Родился в Архангельске в семье партийно-хозяйственного функционера; в 1938 году отец был репрессирован. Окончил театральное училище имени Щукина. Известный поэт-песенник. Стихотворение легло в основу песни, написанное композитором Павлом Аедоницким.

Феликс ЛАУБЕ

ДОВОЕННЫЙ ВАЛЬС

Мирное небо над крепостью Бреста,
В тесных квартирах весёлые лица.
Вальс... Политрук приглашает невесту,
Новый кубик блестит на петлицах.

А за окном красота новолунья,
Шепчутся с Бугом плакучие ивы.
Год сорок первый, начало июня...
Все ещё живы... Все ещё живы.

Смотрит на Невском с афиши Утёсов,
В кинотеатрах идёт «Волга-Волга».
Снова Кронштадт провожает матросов,
Будет учебным поход их недолго.

А за кормой белой ночи раздумье,
Кружатся чайки над Финским заливом.
Год сорок первый, начало июня...
Все ещё живы... все ещё живы...

Мимо фасада Большого театра
Мчатся на отдых, трезвоня, трамваи.
В классах десятых экзамены завтра,
Вечный огонь у Кремля не пылает.

Всё впереди, всё пока накануне —
Двадцать рассветов осталось счастливых.
Год сорок первый, начало июня...
Все ещё живы... все ещё живы...

Вальс довоенный напомнил о многом,
Вальс воскресил дорогие нам лица,
С кем нас свела фронтовая дорога,
С кем нам пришлось навсегда разлучиться.

Годы прошли, за окном тёплый вечер,
Смотрят с портретов друзья молчаливо.
В памяти нашей сегодня и вечно
Все они живы... все они живы...

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ КОСТРОВ родился в 1935 году в Костромской области. Окончил химический факультет Московского университета и Высшие литературные курсы. Поэт, переводчик, автор текстов к эстрадным песням. Много лет преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького.

Владимир КОСТРОВ

ТЫ ГОВОРИЛА НА НЕМЕЦКОМ...

Гертруда Фёдоровна, немка,
в военном детском далеко,
ты говорила на немецком,
на ненавистном языке.
А из села отцы и братья
пошли в жестокие бои,
а по телам отцов и братьев
шли соплеменники твои.
И как, наверно, было трудно
под злым огнём ребячьих глаз
с немецким именем Гертруда
входить в полуголодный класс.
И, становясь лишь на год старше,
вливались в роты и полки,
на запад шли, стреляя, ваши
угрюмые ученики.
Ты им недаром говорила
про справедливость на Земле,
Гертруда Федоровна, немка,
в ветлужском маленьком селе.
И ты не зря
не уходила
в войну со своего поста.
Гертруда Федоровна, правда,
как сложен мир,
как жизнь проста!

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ КАЗАНЦЕВ родился в 1935 году в Томской области в крестьянской семье. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Поэт; выступает также как прозаик.

Василий КАЗАНЦЕВ

ДВОЮРОДНЫЙ БРАТ

Всей деревней его до горы проводили.
Он рукой помахал и растаял во мгле.
С фронта письма потом приходили.
Через месяц лежал он в земле.

У взрослеющих лет было многое взято.
Что-то выжег в душе прокатившийся пал.
Я не то чтоб забыл непришедшего брата.
Но — не часто его вспоминал.

А однажды приехал в деревню родную.
И увидел его постаревшую мать.
Каждый день — о вечернюю пору глухую —
Приходила ко мне — горевать.

И каким-то проснувшимся давним укором
Мне корябала сердце игла.
Не забыться негаданным тем разговорам.
Столько лет протекло. Вот и мать умерла...

И чем дальше живу я, тем чаще и чаще
То далёкое лето встаёт, как во сне.
И слеза набегает всё тяжче и тяжче.
Вместо матери юность оплакивать — мне.

* * *

Рассказ суровый о войне.
О чести. Верности. Коварстве.
В другом краю. В другой стране.
В чужом каком-то государстве.

Но что творится в фильме том,
Понять почти что невозможно.
Ужель и вправду всё кругом
Так в мире этом стало сложно?

Иль это автор накрутил,
Чураясь ясности залётной,
И чётко грань не прочертил
Меж силой тёмною и светлой?

Спешат — бегут... Лицом — к лицу!
Сейчас... сойдутся в рукопашной!
И жарко льнёт малыш к отцу:
— А наши... Наши где? Где — наши?

* * *

Сначала — тёмная вина.
Потом — гремящая война.
Затмила эту тень вины
Тень оглушительной войны.

Но вот окончилась война.
И всколыхнулась вновь вина.
Очнулась снова тень вины.
Большней, страшней, чем тень войны!

<1989>

ВЕСНА 1944 года

Шумно по лесу идём —
Громогласною ватагой.
Далеко за логом дом.
Преисполнен взгляд — отвагой.
Голый ивовый кусток...
Будто спины малых птичек,
В глубине гнезда — пяток
Серых в крапинку яичек.
Перевесть не смея дух,
Осторожно, по порядку,
Невесомые, как пух,
Перекладываем в шапку.
Шумно по лугу идём.
Беспокойною ватагой.
Далеко за логом дом.
Мы вперёд глядим с отвагой.
Далеко за логом дом.
Вот талина — погляди-ка.
Мы её не обойдём.
Мы сдерём с талины — лыко.
Ну и лыко. Благодать.
Будем всем честным народом
Обнажённый ствол глодать,
Будто бы облитый мёдом.
Сок размазан по лицу.
Вязок он, и густ, и сладок.
Приближается к концу
Жизни первый наш десяток.
Между туч глубок пробел.
Холм успело солнце выжечь.
Снег в низинах почернел...
Предстоит нам — жить. И выжить.

1970

ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА ВАСИЛЬЕВА (урождённая Кучеренко) родилась в 1935 году в Харькове; дочь военного инженера, одного из создателей серии танков БТ и Т-34. Окончила филологический факультет Московского университета. Поэтесса. В 1990-е годы выступала как прозаик. Преподавала в Литературном институте им. А. М. Горького; общественный деятель.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ЭВАКУАЦИЯ

Бегут, как овечки, теплушки,
коровой ревёт паровоз,
летят серебристые стружки
с пристанционных берёз.
Какое хорошее лето!
Смешное поют провода.
Я еду, я еду, я еду
и даже не знаю куда.
Как низко летят самолёты,
над поездом вьются они,
я, кажется, вижу пилота,
а ну, дурачок, догони!
Эй, ты, поднажми-ка немножко,
меня не догнать все равно!
Весёлое слово «бомбежка»,
с картошкой схоже оно.
Вся в дырочках крыша, как сито,
не страшно мне — мама со мной,
неведеньем детства прикрыта
я, как неприступной стеной.
...Недавно одна кинолента
войной опалённого дня
с отчетливостью документа
вернула в те годы меня,
и время разверзлось, как яма,
и ночи волна наплыла,
и страшно подумать, что мама
на волос от смерти была.

ЕВГЕНИЙ БОРИСОВИЧ РЕЙН родился в 1935 году в Ленинграде в семье архитектора. Был в эвакуации. Окончил Ленинградский Технологический институт им. Ленсовета, Поэт, переводчик, кинодраматург. В советское время выступал также как детский поэт. Преподаёт в Литературном институте им. А. М. Горького.

Евгений РЕЙН

СОРОК ЧЕТВЁРТЫЙ

От бульвара Тверского
до бульвара Цветного
повторяю всё это
снова, снова и снова.
Время — сорок четвёртый,
я учусь в первом классе,
едет конник червонный
по аллеям и штрассе.
Нарисовано это
на Кузнецком мосту,
чтоб увидеть всё это,
я хожу за версту.
Помню аэростаты
и оркестры эстрады
в парке, где выставляли
«тигры» и «фердинанды».
Тех салютов московских
никогда не забудем —
Жуков и Рокоссовский,
Черняховский, Ватутин.
Помню тех офицеров
с новыми орденами,
в гимнастёрчках серых
проходивших меж нами.
Время цвета атаки,
не защитного цвета —
наши красные флаги
и Победа, Победа!

СОРОК ПЯТЫЙ

На мне пальто из пёстренького твидика —
хорошее, германское пальто.
Глобальная, имперская политика
четыре года думала про то,
как мне урон недавний компенсировать.
Про то решали Рузвельт и Черчилль.
Как одарить меня, сиротку сирого,
проект им наш Верховный начертил.
Четыре года бились танки вермахта,
люфтваффе разгорались в облаках,
правительств по одной Европе свергнуто
поболее, чем пальцев на руках.
Тонул конвой на севере Атлантики,
и лис пустыни* заметал следы,
стратеги прозорливые и тактики
устраивали канны и котлы.
Но главное, но главное, но главное —

* Лис пустыни — так называли фельдмаршала Роммеля.

я был красноармейцами прикрыт.
И вот стою, на мне пальтишко справное,
уже полгода я одет и сыт.
Стою я в переулке Колокольниковом,
смогался я с уроков, и смеюсь,
и говорю с румяным подполковником,
и он мне дарит пряжку «Gott mit uns»^{*}.
Убит отец, я видел льды блокадные,
едва не потерял сестру и мать,
но главное, но главное, но главное —
тогда-то я и начал понимать...

ТЕРИОКИ. 1946

Линия Маннергейма, глыбы дотов разбитых,
пионерский лагерь Архитектурного фонда...
Артур Чилингаров, Генрих Штейнберг, Битов...
На пляжах — колючка Ленинградского фронта.

Физкультурник Боб, пионервожатая Валя,
директор Иван Николаич.
Валуны на дамбах в ледниковом развале,
над которыми удочку наклоняешь.

Девочка Ира из Хореографической школы
имени Вагановой с улицы Зодчего Росси.
И всё булькают, булькают пузырьки альвеолы
и растворяются в прозе.

Сорок шестой. Шоколад на полдник,
Серёжа Юрский приходит с дачи.
Вот и бреду, унылый колодник,
повторяя: «Ну и что? Тем паче!»

«Горнисты и барабанисты — на флаг! Тревога!» —
орёт военрук в гимнастёрке и планках.
И мы выстраиваемся у порога
нашего дома в пилотках и плавках.

На Золотом пляже — трупы в бушлатах
ещё зарыты там, где кабины.
И финский закат в багровых и лиловатых
цветах полушария, затонувшего до половины.

Еще можно найти и «шмайсер» и «трёхлинейку»,
«Железный крест» и «За боевые заслуги».
А будущий самоубийца Светлан Охрименко
утюжит матрасом белые брюки.

Так и тянулось с мая до школы
лето за летом, за летом лето,
а самый весёлый капитан футбола —
Раф Гуревич — пропал бесследно.

<1997>

* Надпись на пряжках немецких солдат «С нами Бог».

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ (1936–1971). Родился в селе Емецк (ныне Архангельская область) в семье хозяйственного работника. С 1943 года, после смерти матери, жил в детдоме. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Трагически погиб во время бытовой ссоры.

Николай РУБЦОВ

ДЕТСТВО

Мать умерла. Отец ушёл на фронт.
Соседка злая не даёт проходу.
Я смутно помню утро похорон
И за окошком скудную природу.

Откуда только — как из-под земли! —
Взялись в жильё и сумерки, и сырость...
Но вот однажды всё переменилось:
За мной пришли, куда-то повезли.

Я смутно помню позднюю реку.
Огни на ней, и скрип, и плеск парома,
И крик: «Скорей!» Потом раскаты грома
И дождь... Потом... детдом на берегу.

Вот говорят, что скуден был паёк,
Что были ночи с холодом, с тоскою, —
Я лучше помню ивы над рекою
И запоздалый в поле огонёк.

До слёз теперь любимые места!
И там, в глуши, под крышею детдома,
Для нас звучало как-то незнакомо,
Нас оскорбляло слово «сирота».

Хотя старушки местных деревень
И впрямь на нас так жалобно глядели,
Как на сирот несчастных, в самом деле,
Но время шло, и приближался день,

Когда раздался праведный салют,
Когда прошла военная морока,
И нам подъём объявлен был до срока,
И все кричали: — Гитлеру капут!

Ещё прошло немного быстрых лет,
И стало грустно вновь: мы уезжали!
Тогда нас всей деревней провожали,
Туман покрыл разлуки нашей след...

1967

ИВАН ЕФИМОВИЧ НИКУЛЬШИН родился в 1936 году на саратовской земле в крестьянской семье. Окончил ВПШ. Поэт, прозаик, литературно-общественный деятель.

Иван НИКУЛЬШИН

* * *

В сорок третьем у нас в деревушке,
В крайнем домике, смиренно жила
Из приезжих глухая старушка,
Что провидицей судеб была.

И, бывало, украдкой, дворами,
С безутешной тоской по отцу
Наша мать уходила с дарами
К колдовскому крутому крыльцу.

Бабка карты раскинет сердито,
По-недоброму зыркнет на них
И утешит скрипуче:
— В убитых
Нет его...

Значит, где-то в живых...

АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВИЧ КУШНЕР родился в 1936 году в Ленинграде в семье военно-морского инженера. Окончил Педагогический институт им. А. И. Герцена, работал учителем. Поэт, в том числе автор стихотворных книг для детей, статей о классической и современной русской поэзии.

Александр КУШНЕР

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. В. была смешливою моей
подругой гимназической (в двадцатом
она, эс-эр, погибла), вместе с ней
мы, помню, шли весенним Петроградом
в семнадцатом и встретили К. М.,
бегущего на частные уроки,
он нравился нам взрослостью и тем,
что беден был (повешен в Таганроге),
а Надя Ц. ждала нас у ворот
на Ковенском, откуда было близко
до цирка Чинизелли, где в тот год
шли митинги (погибла как троцкистка),
тогда она дружила с Колей У.,
который не политику, а пенье
любил (он в горло ранен был в Крыму,
попал в Париж, погиб в Сопровивленье),
нас Коля вместо митинга зазвал
к себе домой, высокое на диво
окно смотрело прямо на канал,
сестра его (умершая от тифа)
Ахматову читала наизусть,
а Боря К. смешил нас до упаду,
в глазах своих такую пряча грусть,
как будто он предвидел смерть в блокаду,
и до сих пор я помню тот закат,
жемчужный блеск уснувшего квартала,
потом за мной зашёл мой старший брат
(расстрелянный в тридцать седьмом), светало...

<1979>

ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ ПОРТНОВ родился в 1937 году в городе Махачкала. По первой профессии геолог. Журналист, киноредактор, литературно-общественный деятель. Автор стихотворных и прозаических книг.

Владимир ПОРТНОВ

* * *

«Была война.
Мне минул пятый год.
Мать умерла.
Отец ушёл на фронт».
Мне этот стих
Поставили в вину:
Мол, у Рубцова
Есть такие строки.
Но в этом
Надо бы винить войну:
Сиротства розного —
Одни истоки.

«Не повтори других», —
Согласен с вами.
Я это знал
И знаю наперёд.
Но как,
Какими заменить словами:
«Мать умерла.
Отец ушёл на фронт»?

Здесь нет метафор,
Нет определений,
У этих слов
Проста и гола суть.
Мальчишки из грядущих поколений,
Не повторите их когда-нибудь.
Пусть болью вам не перехватит рот:
«Мать умерла.
Отец ушёл на фронт».

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ФИРСОВ (1937–2011). Родился в Смоленской области в крестьянской семье. Во время эвакуации, после смерти матери оказался в детдоме в Иркутске; вновь обрёл родных только в конце войны. Окончил Литературный институт, где впоследствии преподавал многие годы. Поэт, переводчик, литературно-общественный деятель.

Владимир ФИРСОВ

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти А. А. Коваленкова

Я помню сожжённые сёла
И после победного дня
Пустую,
Холодную школу,
Где четверо, кроме меня.
Где нам однурукий учитель
Рассказывал про Сталинград...
Я помню
Поношенный китель
И пятна — следы от наград.

Он жил одиноко, при школе.
И в класс приходил налегке.
И медленно
Левой рукою
Слова
Выводил
На доске.
Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,
Что заново с нами
Учился
Умению ровно писать.

Ему мы во всём подражали,
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали,
Зато мы писали, как он.
Зато из рассказов недлинных
Под шорох осенней листвы
Мы знали
Про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

В том самом году сорок пятом
Он как-то однажды сказал:
— Любите Отчизну, ребята. —
И вдаль, за окно, указал.

Дымок от землянок лучился
Жесточкой печалью земли.
— Всё это, ребята, Отчизна.
Её мы в бою сберегли...

И слово заветное это
Я множество раз выводил.
И столько душевного света
Я в буквах его находил.

А после —
Поношенный китель
Я помню, как злую судьбу.
Лежал в нём
Мой первый учитель
В некрашеном светлом гробу.

Ушёл, говорили, до срока,
Но беды теперь — позади.
Рука его
Так одиноко
Лежала на впалой груди!

И женщины громко рыдали.
И помню, как кто-то сказал:
— Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Могилу землёй закидали.
И после
В военкомат
Огромную пригоршню сдали
Достойных солдата наград.

Мой первый учитель!
Не в праве
Забыть о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер — не в славе,
Ты с нами идёшь сквозь года.

Тебе я обязан тем кровным,
Тем чувством, что ровня судьбе.
И почерком этим неровным
Я тоже обязан тебе.

Тебе я обязан
Всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нёс ты на светлом челе!

1971

БЕЛЛА АХАТОВНА АХМАДУЛИНА (1937–2010). Родилась в Москве в семье большевистского функционера и переводчицы в НКВД. Окончила Литературный институт. Поэтесса, переводчица, общественная деятельница; снималась в кино. Общепризнана неповторимая художественность её лирического таланта.

Белла АХМАДУЛИНА

ПОБЕДА

В день праздника, в час майского дождя,
в миг соловьиных просьб и повелений,
когда давно уж выросло дитя,
рождённое порой послевоенной,
когда разросся в небе фейерверк,
как взрыв сирени бел, лилов и розов, —
вдруг поглядит в былое человек
и взгляд его становится серьезен.
Есть взгляд такой, такая тень чела —
чем дальше смотришь, тем зрачок влажнее.
То память о войне, величина
раздумья и догадка — неужели
я видела тот май, что превзошёл
иные маи и доныне прочен?
Крик радости в уста, слезу в зрачок
вписал его неимоверный почерк.
На площади, чья древняя краса
краснеет без изъяна и пробела,
исторгнув думу, прынул в небеса
вдох всей земли и всех людей — Победа!

1965

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ДМИТРИЕВ (1937–1993). Родился в Омске. Окончил факультет журналистики МГУ. Поэт, переводчик.

Олег ДМИТРИЕВ

ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ДЕТСТВО

Уходит на фронт ополчение.
Я знаю, отец командир.
Сижу, догрызаю печенье
В одной из московских квартир.

Я мал ещё. Мне не понятно,
Как горько отца провожать.
Ведь он не вернётся обратно!
Да только откуда мне знать...

Идёт ополчение строим
В своих довоенных пальто.
Никто там не станет героем
И трусом не станет никто.

Прекрасные светлые люди
Идут на закатную даль,
Почти что никто не добудет
Себе для почёта медаль.

Награды для них
Это малость:
Мечтают юнец и старик,
Чтоб только Москва не досталась
Врагу ни на час, ни на миг!

На запад идёт ополчение.
Хоть я перед вами в долгу,
У вас не прошу я прощенья,
Сказать только это могу:
За строим неровным, угрюмым
Пускай не следил я в тот час...

Но чуть об отце я подумал,
Подумал о каждом из вас.

ГЕННАДИЙ ФЁДОРОВИЧ ШПАЛИКОВ (1937–1974). Родился в Карелии в семье военного инженера. Окончил суворовское училище в Киеве и сценарный факультет ВГИКа. Кинодраматург, поэт, прозаик. Покончил с собой.

Геннадий ШПАЛИКОВ

* * *

Городок провинциальный,
Летняя жара,
На площадке танцевальной
Музыка с утра.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц — и не больше —
Кончится война.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

* * *

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
Душу не мути.

А не то рвану по следу —
Кто меня вернёт? —
И на валенках уеду
В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,
Там, где — боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.

* * *

Я жизнью своею рисковую,
С гранатой на танк выхожу
За мирную жизнь городскую,
За всё, чем я так дорожу.

Я помню страны позывные,
Они раздавались везде —
На пункты идти призывные,
Отечество наше в беде.

Живыми вернуться просили.
Живыми вернуться не все,
Вагоны идут по России,
По травам её, по росе.

И брат расставался с сестрою,
Покинув детей и жену,
Я юностью связан с войною
И я ненавижу войну.

Я понял, я знаю, как важно
Веслом на закате грести,
Сирени душистой и влажной
Невесте своей принести.

Пусть пчёлы летают — не пули,
И дети родятся не зря,
Пусть будет работа в июле
И отпуск в конце января.

За лесом гремит канонада,
А завтра нам снова шагать.
Не надо, не надо, не надо,
Не надо меня забывать.

Я видел и радость и горе,
И я расскажу молодым,
Как дым от пожарища горек
И сладок отечества дым.

* * *

Москва сортировала поезда:
Товарные, военные, почтовые.
Нас увозили в дальние места,
Живыми оставались чтобы мы.

Для жизни дальней оставались жить,
Которая едва обозначалась,
Теперь — глаза в слезах, едва смежить,
За все начала, за все начала.

АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ ДРОЖЖИН (1937–1994). Родился в селе Козинки Брянской области. Пережил оккупацию. Окончил Литературный институт. Поэт, литературно-общественный деятель. В последние годы жил в Тирасполе, где возглавлял писательскую организацию. Погиб в автокатастрофе по дороге в Брянск.

Анатолий ДРОЖЖИН

* * *

Я видел пленных.
Их вели солдаты
По улице.
Видать, издалека:
На их ногах лохмотья маскхалатов
Болтались
И пылили чёрт-те как.
Какой-то ражий, что колено, лысый
В лаптях обыкновенных семенил.
По сторонам поглядывали лица
Тяжёлые и серые, как ил.
Над перелеском
вороньё кружило.
В дворе соседском бляяла коза.
Мы, пацаны,
Аж до дрожанья в жилах
На этих фрицев пялили глаза.
Они шагали, выпятив лопатки,
Поддерживая рваные порты.
И почему-то матери-солдатки,
Остолбенева, не раскрывали рты.
И не грозили больше кулаками.
И дед сказал:
— Усё, конец войне.
И мы в воронку
сбрасывали камни,
Освобождая руки
от камней.

АНАТОЛИЙ СОЛОМОНОВИЧ БЕРГЕР родился в Ленинграде в 1938 году. В 1969 году был арестован и осуждён по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) за свои произведения на 4 года лагеря (Мордовия) и 2 — ссылки (Сибирь). Реабилитирован в 1990 году. Живёт в Санкт-Петербурге.

Анатолий БЕРГЕР

* * *

А когда вспоминается детство,
Под Уфюю бараки в снегу —
Никуда от печали не деться.
И хотел бы — вовек не смогу.

Завывала пурга-завируха,
В репродуктор ревела война,
И преследовала голодуха
Год за годом с утра дотемна.

И ни сказки забавной и звонкой,
Ни игрушек — весёлой гурьбой —
Жизнь пугала чужой похоронкой,
Заводской задышалась трубой.

Пахло холодом и керосинкой,
Уходил коридор в никуда,
И в усталой руке материнской
Всё тепло умещалось тогда.

1977

* * *

Эвакуация. Бараки жёсткие.
Эвакуация. Закаты жёлтые.
Сугробы тёмной чужой зимы.
Эвакуация. Бараки. Мы.
Зима холодная, зима голодная,
Беда большая, общенародная.
А я, знай, бегаю, в снежки играю.
Нету войне ни конца, ни краю.

1975

* * *

До сих пор предвоенной гарью
Из далёких тех тянет лет,
Стынет синее Заполярье,
Вверх нацелены шесть ракет.

В небе — северное сиянье,
В море — остров. Дивизион,
Бесконечное расстоянье
От Ростральных моих колонн.

От подъёма и до отбоя —
Третий номер, пятый расчёт —
На два года моей судьбою,
Всё, что было раньше, — не в счёт.

2004

ВЛАДИМИР СЕМЁНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ (1938–1980). Родился в Москве в семье офицера-связиста и переводчицы с немецкого языка. Во время войны жил с матерью в эвакуации в Оренбургской области. Отец и брат отца — участники Великой Отечественной войны, кавалеры многих орденов, полковники. Окончил Школу-студию МХАТ. Артист театра и кино, автор и исполнитель песен, приобретших всенародное признание и любовь. Стихи и проза Высоцкого — особый феномен в русской литературе советского времени.

Владимир ВЫСОЦКИЙ

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

Всего лишь час дают на артобстрел.
Всего лишь час пехоте передышки.
Всего лишь час до самых важных дел:
Кому — до ордена, ну а кому — до «вышки».

За этот час не пишем ни строки.
Молись богам войны — артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так, мы — штрафники,
Нам не писать: «Считайте коммунистом».

Перед атакой — водку? Вот мура!
Своё отпили мы ещё в гражданку.
Поэтому мы не кричим «ура!»,
Со смертью мы играемся в молчанку.

У штрафников один закон, один конец —
Коли — руби фашистского бродягу!
И если не поймашь в грудь свинец,
Медаль на грудь поймашь «За отвагу».

Ты бей штыком, а лучше бей рукой —
Оно надёжней, да оно и тише.
И ежели останешься живой,
Гуляй, рванина, от рубля и выше!

Считает враг — морально мы слабы.
За ним и лес, и города сожжены.
Вы лучше лес рубите на гробы —
В прорыв идут штрафные батальоны!

Вот шесть ноль-ноль, и вот сейчас — обстрел.
Ну, бог войны! Давай — без передышки!
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому — до ордена, а большинству — до «вышки».

1964

ТОТ, КОТОРЫЙ НЕ СТРЕЛЯЛ

Я вам мозги не пудрю —
Уже не тот завод.
В меня стрелял поутру
из ружей целый взвод.
За что мне эта злая
нелепая стезя, —
Не то чтобы не знаю, —
Рассказывать нельзя.

Мой командир меня почти что спас,
Но кто-то на расстреле настоял.
И взвод отлично выполнил приказ.
Но был один, который не стрелял.

Судьба моя лихая —
давно наперекос,
Однажды «языка» я
добыл, да не донёс.
И «особист» Суэтин,
неутомимый наш,
Ещё тогда приметил
и взял на карандаш.

Он выволок на свет и приволок
Подколотый, подшитый матерьял.
Никто поделать ничего не смог.
Нет. Смог... один, который не стрелял.

Рука упала в пропасть
с дурацким звуком: «Пли!»
И залп мне выдал пропуск
в ту сторону земли.
Но слышу: — Жив, зараза!
Тащите в медсанбат!
Расстреливать два раза
уставы не велят.

А врач потом всё цокал языком
И, удивляясь, пули удалял,
А я в бреду беседовал тайком
С тем пареньком, который не стрелял.

Я раны, как собака, лизал, а не лечил.
В госпиталях, однако,
в большом почёте был.
Ходил в меня влюбленный
весь слабый женский пол:
— Эй ты, недострелённый!
Давай-ка на укол!

Наш батальон геройствовал в Крыму.
И я туда глюкозу посылал,
Чтоб было слаще воевать ему.
Кому? Тому, который не стрелял.

Я пил чаёк из блюда,
со спиртиком бывал.
Мне не пришлось загнуться,
и я довоевал.
В свой полк определили.
— Воюй, — сказал комбат, —
А что недострелили,
Так я, брат, даже рад!..

Мне быть бы радым, но, присев у пня,
Я выл белугой и судьбину клял, —
Немецкий снайпер дострелил меня,
Убив того, который не стрелял.

1973

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВИЧ ЧУХОНЦЕВ родился в 1938 году в Павловском Посаде Московской области. Окончил Московский областной педагогический институт. Поэт, переводчик.

Олег ЧУХОНЦЕВ

ПОСЛЕВОЕННАЯ БАЛЛАДА

— Привезли листовое железо.
— Кто привёз? — Да какой-то мужик.
— Кто такой? — А спроси живореза.
— Сколько хочет? — Да бабу на штык.
— И хорош? — Хром на оба протеза.
А язык пулемет. Фронтовик.
— Да пошёл!..

— Привезли рубероид.
Изразцы привезли и горбыль.
— А не много? — Да щели прикроет.
Ты вдова, говорит, я бобыль. —
А глазищами так и буровит.
— Ну-ка, дьявол, держись за костыль,
а не то...

— Привезли черепицу.
— Убирайся! — Задаром отдам.
Разреши, говорит, притулиться
инвалиду ко вдовым ногам.
Я не евнух, и ты не девица,
ан поладим с грехом пополам.
.....
Дом стоит. Черепица на крыше.
В доме печь: изразец к изразцу.
Кот на ходиках: слушайте, мыши.
Сел малыш на колени к отцу.
А дымок над трубою всё выше,
выше, выше — и сказка к концу.

Ах, не ты ли — какими судьбами —
счастье русское? Как бы не так!
Сапоги оторвало с ногами.
Одиночество свищет в кулак.
И тоска моя рыщет ночами,
как собака, и воет во мрак.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОВОРОВ (1938–2010). Родился в Курской области; раннее детство прошло в оккупации. Окончил Литературный институт. Поэт, также автор детских и прозаических книг.

Александр ГОВОРОВ

ВСПОМНИМ ДЕТСТВО

Вспомним детство! — а детство было —
Лучше б громом его разбило!
Чёрт возьми, и врагу зазорно
Пожелать такого, сынок:
Из борозд выдирали зёрна,
Чтобы
что-нибудь
на зубок.
И нутро моё жгло от водянки,
Был я весь, как сплошной синяк.
А поймали б —
За это мамке
Д е с я т ь л е т
И меньше никак.
Вспомним детство...
В каком же классе,
Лишь услышал — и онемел,
Мол, я в детстве своём мало каши —
Манной,
пшённой,
гречишной ел.
Я ли ел?
Не слышал и не видел,
Я о пище такой и не знал...
Так меня поговоркой обидел
Этот кто-то, что аж застонал.
И сквозь зубы сипел ошалело:
— Ма-ло
Скрипел по складам.
И за это неправое дело
Схлопотал тот остряк по зубам.
Я мечтал — вот прогоним немца,
Вот добьём его на корню,
До отвала я каши наемся
И сестрёнку свою накормлю.
А вернутся с победою н а ш и,
И в землянку вернут хлебный дух,
Потому что все детские каши
Гитлер **ка-ши!** —
съел
(чтоб от каш он распух!).
Ох, сынок! Никуда мне не деться,
Годы бедствий приснились опять...
Вспомним детство...
А было ли д е т с т в о ?
Вспомним детство...
А ч т о вспоминать?

ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ БАЛАШОВ родился в 1938 году в Мариуполе (Украина) в семье военнослужащего. Учился в Ташкентском суворовском училище. Окончил МВТУ имени Баумана. Работал в гражданской авиации. Поэт, редактор, педагог; преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького.

Эдуард БАЛАШОВ

ЗНАМЯ МИРА

Вот самой Победы слово:
Мир сойдётся на войне,
Супротив огня земного
Встанет слово об огне,
И когда под русским светом
Тьма фашистская падёт,
Над рейхстагом словом этим
Знамя мира польхнёт.

ГЛУХОЙ

Тишина — как за спиной стена.
Замерли на полдороге ноги.
И кричит мурашками спина:
Оглянись, что на твоём пороге!..
Но, глухой к стенаниям спины,
Выношу из времени войны
Раненое тело тишины
И осколок взорванной дороги.

ЖИВОЙ!

Сколько б земель ни прошёл я
По колее фронтной,
Сколько б смертей ни нашёл я,
Всё-то курилка живой!

Лишь об одном и просил я:
Встретив мой холм кочевой,
Не обнесла бы Россия
Тучкой своей дождевой.

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ ШКЛЯРЕВСКИЙ родился в 1938 году в Могилёвской области (Беларусь) в семье учителей. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ

РОЖДЕНИЕ БРАТА

Послевоенный год. Закат.
Над миром — дым! На кухне — чад!
Соседки радостно галдят,
что у меня родился брат.
Вздыхают. Шепчут осторожно:
— Родитель, правда, староват... —
Но я почти что безнадежный,
я угасаю: инфильтрат.
А я единственный! И вот
в голодный год, в тревожный год
родился брат. На всякий случай.
Пускай вздыхают и галдят.
А я везучий! Я живучий!
Я рад. Я вместе с ними рад,
что у меня родился брат.
И вот о том, что в мир вступает,
мой брат отчаянно кричит.
А мир ликует и рыдает
и весь в развалинах лежит.

9 МАЯ 1945 года

Сегодня — праздник! Всюду пир горой.
И слава русская,
что смешана с печалью.
Поля и города воняют гарью.
И хоть торгуй с Америкой золой!..
А на базаре нищие хохочут.
Народ толпится у торговых точек.
Дым вылетает в небо из пивной.
Торчат рогатки обгорелой стали.
И где бы мы сегодня ни стояли,
там ветер осыпает нас золой.

* * *

Я видел бедные равнины,
поля послевоенных лет.
Я видел чёрные руины,
подвалов сиротливый свет.

Я видел паклю и кресало
в руках у матери больной.
Но только небо потрясало
меня своею глубиной.

Мир окружала тьма ночная,
и небо надо мной текло.
И бился ум, изнемогая,
как бьётся бабочка в стекло...

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РУСАКОВ родился в 1938 году в Воронежской области в семье педагогов. Осиротел в раннем детстве. Окончил суворовское училище; учился в Литературном институте им. А. М. Горького, окончил Московский педагогический институт иностранных языков. Много лет работает переводчиком-синхронистом. Поэт, переводчик.

Геннадий РУСАКОВ

* * *

Ещё не выверены даты
бесславья, славы и вины,
ещё не вымерли солдаты
последней праведной войны,

ещё в горячке нетерпенья
зовёт и мечется страна,
среди боренья и горенья
теряя наши имена.

Ещё бесплодно ожиданье
себя — с собой наедине,
и нет любви без состраданья
к ребёнку, женщине, стране.

Но, перебрав своё наследство,
я говорю себе в ответ:
— Цель не оправдывает средства.
Цель не оправдывает. Нет.

<1989>

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТАРАН (1938–1994). Родился в Красноярске. Здесь окончил школу и медицинский институт. С 1970-х годов жил в подмосковном Дмитрове, работал в Москве дежурным психиатром в институте Склифосовского. Всю жизнь писал стихи, выпустил два поэтических сборника.

Лев ТАРАН

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Помню, в четвёртом классе стащил я у девочки пряник.
Долго во рту держался вкус его — сытый и пряный.
Навзрыд плакала девочка. Кричала — о долге, о чести — пионервожатая.
Но даже не шевельнулись челюсти мои — крепко сжатые.

Недавно я встретил эту девочку — женщину — пожилую уже — почти старуху.
Но и такое время спустя — признаться — не хватило мне духу.

...На пионерском сборе меня — ещё больше мучая —
заставили сделать доклад — об этом позорном случае.

В то время — когда страна — залечивает военные раны —
есть вредители — которые — пытаются сорвать наши планы.
В отряде завёлся вредитель — пока что не разоблачённый.
Но его ещё выведет — на чистую воду — наш коллектив сплоченный.

Всех взбудоражила моя речь — растрогала — разволновала.
А девочка — после подошла ко мне — и в щёчку поцеловала.

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ШАМШУРИН родился в 1939 году в Татарстане. Окончил историко-филологический факультет Нижегородского университета. Журналист, поэт, автор исторических романов.

Валерий ШАМШУРИН

ДЕТИ ВОЙНЫ

Смех и ласку знали мы,
Только помнится поныне:
Паровозные дымы
Стлались рвано по равнине.

Пушки били вдалеке
И пылало пол-России.
На восток в товарняке
От войны нас увозили.

Набивался в щели снег,
В щели свет сочился робкий...
Двое суток хлеба нет,
Двое суток нет похлёбки.

Ни до сказок, ни до сна.
Лютовала стужа очень,
Хоть буржуйка докрасна
Раскалялась среди ночи.

И до самого утра —
Скрежет дерева и стали.
И гремели буфера,
И колёса грохотали.

Всё угрюмей, всё остреей
Нам высвечивало пламя
Лица наших матерей,
Обожжённые слезами.

Словно призраки, бледны,
Мы крепились — не кричали,
Дети страшной той войны,
Дети гнева и печали.

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ГЛУШКОВА (1939–2001). Родилась в Киеве в семье физиков-рентгенологов. Вместе с бабушкой оказалась в оккупации. Рано осиротела. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэтесса, публицистка; литературный педагог.

Татьяна ГЛУШКОВА

ДАВНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Всё называется: война.
Всё называется: «под немцем».
Под ним и осень, и весна,
и две зимы, и та сосна,
и этот луг, и страх под сердцем,
и с петухами полотенце,
и горсть горящего зерна,
и в речке полная луна,
и соловьиное коленце,
и говорят: куда подеться? —
повсюду — о н, везде — о н а!

Всё называется: Украина...
Как будто кража или тайна,
и край, и краткая межа,
краюха... Шепчешь не дыша...

Всё называется: весна.
Всё величается: победа, —
и пчёлы золотого лета
летят, не гаснут дотемна.

Всё называется: беда.
Всё именуется: разруха.
Проруха, засуха, присуха
беды... И эта свежесть духа.
И смерть. И сердца простота.

Всё вспоминается: весна...
Всё называется Россией,
куда тропую густо-синей,
дичась и отряхая иней,
дойду когда-нибудь одна...

<1980>

ГЕННАДИЙ ФЁДОРОВИЧ ХОМУТОВ (1939). Уроженец и житель Оренбуржья. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. С 1964 года — бессменный руководитель литобъединения имени Владимира Даля в Оренбурге, ведущий педагог Школы российской словесности при оренбургском Дворце творчества детей и молодёжи.

Геннадий ХОМУТОВ

САМОДЕЛЬНЫЕ ЧЕРНИЛА

Скорей, скорей, скорей оттаивайте,
Чернила наши самодельные.
И ничего вы не утаивайте
Про тыловые дни метельные,
Про наши беды неиссчётные,
Про будни строгие и хмурые...
Скорей оттаивайте, чёрные,
Оттаивайте, красно-бурые!
Из бузины и жирной сажи,
Из сладкой свёклы да из глины,
И мы напишем, мы — расскажем
Свои житейские былины!
Чернила цветом намекали,
Так нам казалось всякий раз,
Как будто перья мы макали
В траншейную слепую грязь!
В огонь и дым больших пожаров,
Той, фронтовой родной земли.
И строчки чёрные бежали,
И строчки красные текли...
И до победы долго топтать
Солдатам нашим — до Берлина...
В чернилах — копать, копать, копать,
Огонь, и дым, и кровь, и глина...

АЛЕКСЕЙ ФЕДОСЕЕВИЧ ШИТИКОВ родился в 1939 году в Курской области. Окончил Курский педагогический институт. Поэт, литературный педагог.

Алексей ШИТИКОВ

РАНЫ ВОЙНЫ

Пережили. Но сердцу легко ли? —
Исстрадалось с мальчиночьих лет:
Рядом с нашей избушкой при школе
Размещался в те дни лазарет.
Ничего, ничего не забыто,
Хоть и был я тогда мелюзгой:
Мать стирала бинты — аж корыто
Багровело от крови людской...
Как синели под кожей вены,
Как сползал её чёрный платок,
Как срывались в кровавую пену
Голубые слезинки со щёк,
Как потом мы бинты относили
На заставленный койками двор,
Где солдаты, от ран обессилов,
Бились, бредили, звали сестёр,
Скрежетали зубами, срывали
С тел повязки, сипели: «Воды-ы-ы!..»
В сердце раны утихнут едва ли,
И уже не помогут бинты...

<1980>

ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ (1940–1997). Родился в Ленинграде в семье военного моряка. После первой блокадной зимы был увезён в эвакуацию в Череповец. Безуспешно пытался поступить в морское училище, потом в школу подводников, сменил много рабочих профессий, но при этом в 1964 году был осуждён за тунеядство. В 1972 году под давлением властей покинул СССР. Лауреат Нобелевской премии 1987 года по литературе. Поэт, эссеист, переводчик. Писал на русском и английском языках.

Иосиф БРОДСКИЙ

НА СМЕРТЬ ЖУКОВА

Вижу колонны замерших внуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском манёвра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо, в опале,
как Велизарий или Помпей.

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Всё же, прими их — жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и, военная флейта,
громко свисти на манер снегиря.

1974

ЮРИЙ ПОЛИКАРПОВИЧ КУЗНЕЦОВ (1941–2003). Родился на Кубани в семье кадрового военнотружущего (отец погиб при освобождении Севастополя в 1944 году) и учительницы. Учился в педагогическом институте, служил в армии на Кубе. Окончил Литературный институт и впоследствии в нём преподавал. Поэт, переводчик, литературный деятель. Литературовед Борис Егоров отнёс Юрия Кузнецова, наряду с Иосифом Бродским и Борисом Чичибабиным, к самым трагедийным русским поэтам второй половины XX века: «Кузнецов природно трагедийен в своём одиночестве...»

Юрий КУЗНЕЦОВ

ПАМЯТЬ

Снова память тащит санки по двору.
Дом без стёкол.
В доме нет воды.
Мать уходит в прошлое, как по воду,
А колодец на краю войны.

Он из снега чёрным солнцем светит,
Освещая скудным бликом дом.
И на санках вёдра, будто свечи,
Догорая, оплывают льдом.

Не ходи ты, ради бога, мама,
К этому колодцу за войной!
Как ты будешь жить на свете, мама,
Обмороженная сединой?

Ты в тепле, зажав лицо руками,
Станешь слёзы медленные лить...
Будет обмороженная память
Через годы с болью отходить.

ОТЦУ

Что на могиле мне твоей сказать?
Что не имел ты права умирать?
Оставил нас одних на целом свете,
Взгляни на мать — она сплошной рубец.
Такая рана — видит даже ветер.
На эту боль нет старости, отец!

На вдовьем ложе, памятью скорбя,
Она детей просила у тебя.
Подобно вспышкам на далёких тучах,
Дарила миру призраков летучих:
Сестёр и братьев, выросших в мозгу...
Кому об этом рассказать смогу?

Мне у могилы не просить участия.
Чего мне ждать?..
Летит за годом год.
— Отец! — кричу. — Ты не принёс нам счастья!.. —
Мать в ужасе мне закрывает рот.

ГИМНАСТЁРКА

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребенка
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...»
И гимнастёрку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой,
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом —
И ядовитым, и родным,
Уже почти неуловимым...

...Хозяйка юная вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И — гимнастёрку постирала.

КАРТИНКА 1945 года

Мать вещи продавать идёт: я голоден.
Мне не хватает хлеба, как отца.
Сползаю в сорок пятый год с крыльца,
Качусь слезинкой по щеке у Родины.

Война травой покроется.
С размаху
Солдаты в чернозём штыки воткнут.
Страна, как слёзы радости, салют
Руками прямо по лицу размажет.

ФЕЛИКС ИВАНОВИЧ ЧУЕВ (1941–1999). Родился в Амурской области в семье лётчика. Учился в Кишинёвском университете, окончил Московский энергетический институт. Поэт, историк советской эпохи, автор книг «140 бесед с Вячеславом Молотовым», «Так говорил Каганович...» и др.

Феликс ЧУЕВ

ОТЦОВСКАЯ ПРАВДА

М. Харлампиеву

Когда-то и где-то слышал я про это,
теперь не припомню,
а всё ж какво:
кто в прошлое выстрелит из пистолета,
из пушки грядущее влечит в того.

Отцовская правда горда, как награда,
как орден отца —
жестяная звезда.
И больше ни строчки об этом не надо —
пусть будет бумага, как совесть, чиста.

* * *

Идёт бедовый, в гимнастёрке фронтовой
мой батя юный по московской мостовой.
Идёт, в потерях миллионных не учтён,
поскольку дожил, победил, вернулся он
в лихой пилотке, озарённый, молодой,
как День Победы, повторяемый, живой.
А я держу в руке букет парадных роз,
ведь я цветов ему ни разу не принёс,
не говорил ему высокие слова —
спасибо, батя, дескать, Родина жива.
Идёт вдали от горизонта мостовой,
всё ближе, ближе — и сливается с толпой.
В железной армии погибших и живых
шагает батя, русский лётчик, большевик.
Пройдёт по площади как сорок пятый год
и за Василием Блаженным пропадет.

РАССКАЗ АВИАТЕХНИКА

Мы вместе прибыли на фронт,
я — младший лейтенант,
он — в том же звании пилот,
такой же синий кант.

А через год —
то срок большой
на боевом пути, —
а через год
он был старшой,
и орден на груди.

Я по ночам чинил мотор
ему в любой мороз.

Одет с иголочки майор,
я — в масле весь насквозь.

К концу войны —
полковник он,
да с Золотой Звездой,
на мне —
былой комбинезон
с медалечкой одной.

Победа скоро. Скоро мир!
Подходит май в цвету.

...Пилю из жести, командир,
холодную звезду.

Под целлулоид завожу
твой фронтовой портрет...

С твоим сынишкою дружу
я столько мирных лет.

Сквозь стужу давних канонад,
былое пригубя,
я, техник, младший лейтенант,
пью чарку за тебя.

<1980>

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БОГДАНОВИЧ родился в 1941 году в Ростове-на-Дону. Отец погиб на фронте. Журналист, редактор, поэт.

Анатолий БОГДАНОВИЧ

БЫЛА ЛИ ВОЙНА?

Была ли война? Был ли дом наш в прицелах?
Бросался ли в поле под танки июнь?..
Медалью мальчишка играет впристеноч,
Звенит об асфальт золотая латунь.
Стираются горя суровые метки,
Но разве бомбёжки уйдут в забвенье?..
Пылится горбушка на лестничной клетке —
Была ли война для швырнувших её?
Раздать бы победный салют по лимиту,
Чтоб в памяти каждого небо зажглось...
Была ли война? Старику инвалиду
В автобусе места присесть не нашлось.
Кружась высоко быстrokрылой семьёю,
Весёлые ласточки радугу ткут...
Была ли война? Тишина над землёю
Такая, что слышно, как реки текут.
Мы стали отцов непросительно старше,
Которых труба в эшелон позвала...
Была ли война? И подумать-то страшно,
Какая по счёту на свете была!
Живые приходят оплакивать мёртвых.
Берёза кручинится, словно вдова...
Как странно, что после дождей пулемётных
Не выросла в поле стальная трава.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕБЕДЕВ (1941–1997). Родился в Москве. Служил в армии. Окончил филологический факультет Московского университета. Переводчик, историк русской литературы; доктор филологических наук. Заведовал кафедрой русской литературы Литературного института им. А. М. Горького; был заместителем директора ИМЛИ РАН; поэт.

Евгений ЛЕБЕДЕВ

* * *

Он лежит в многолюдной палате.
Каждый день прихожу я к нему.
Каждый день в лихорадочном взгляде
вижу что-то. А что — не пойму.
Каждый день медсестра молодая
с раздражением мне говорит,
что, не больше всех прочих страдая,
чаще всех он её материт.
Ах ты девочка с профилем гордым!..
Ты зачем так крахмально бела?
Отвернулась. Газету с кроссвордом
повертела в руках — и пошла...
Это верно: его разговоры
хоть кого до греха доведут.
Тридцать лет он работал шофёром
Сердцем прост и характером крут.
Отдыхая от рейсов тяжёлых,
слушал радио (тут не дыши!),
пел про Стеньку, читал про монголов.
Пил, конечно. И пил — от души.
Горько морщился, рот утирая.
После третьей — уже во хмелю —
вдруг как крикнет: «Не надо мне рая!
Вы мне Родину дайте мою!»
А под «Песню индийского гостя»
как-то влажно теплел его взгляд:
«Ну и люди! Ведь кожа да кости!
А поди ж ты — коров не едят».
На старуху бывает проруха —
и ему было знать не дано
о «загадках славянского духа».
Он о них и не слыхивал... Но
в Кёнигсберге, душою сержанта
вспомнив детство в рязанской избе,
показал он праправнукам Канта
эти самые «вещи в себе».
Как я ждал его!.. Помнится, летом
он пришёл. И вот тут началось.
Сколько песен им было пропето!
Сколько маминых слёз пролилось!
С ним делившая радость и беды,
лишь она всё понять в нём смогла,
если так же, как с фронта с победой,
с автобазы с получкой ждала.
Ну а я — в десять лет я увидел,
что родного в нём нет ничего.
Боже, как я его ненавидел!
Даже смерть призывал на него!
И мечтал возле мамы избитой:

подрасту — ничего не прошу.
Мама! Все до единой обиды,
все обиды твои отомщу!
Ах ты жизнь, неразгаданный ребус...
Кабы знать, кабы знать наперёд,
что его переедет троллейбус,
переедет — и дальше пойдёт,
что успею и я провиниться
перед мамой не меньше отца,
а его в этой самой больнице
буду с ложки кормить, как мальчика!
Ах ты жизнь!.. Залечить твои раны
ангел в белых одеждах грядёт.
Где-то в Индии зреют бананы,
под Рязанью картошка цветёт.
Хоть бы шелест больничного сада,
хоть бы шелест с собой унести!
Губы шепчут, что рая — не надо...
Ты прости меня, папа. Прости.

1981

ГЕННАДИЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ СТУПИН (1941–2012). Родился в Аткарске Саратовской области. Служил в армии. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт; работал техником в Подмосковье.

Геннадий СТУПИН

* * *

Еду, еду весь день, а леса ни на миг не кончаются.
Всё берёзы, осины сквозные и ели мохнатые...
И деревья особой, военной породы встречаются —
Из бетона и камня, они не шумят, не качаются...
Это братских могил обелиски и серые статуи.

Корни-кости у них глубоко. Не прикрытые ветками,
Их стволы не гниют никогда, на крови возвращённые.
Словно взрывы беззвучные, окаменевшие — резкие,
По сравнению с другими деревьями, в общем-то, редкие,
Но с другими краями в сравнении — просто бесщётные.

О Россия! Дороги, леса и леса бесконечные!
И солдаты, идущие в них и под ними лежащие...
Необъятная Русь, и деревья бесщётные вечные —
Обелиски и статуи мимо летящие, встречные,
Из земной, временной глубины прямо в душу глядящие!..

НАТАЛЬЯ ВСЕВОЛОДОВНА ГАЛКИНА родилась в 1943 году в Вятке (Киров). С 1945 года живёт в Санкт-Петербурге. Окончила Высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухомовой. Поэтесса, прозаик.

Наталья ГАЛКИНА

* * *

Как тебя я обожала,
Арестантская пижама!
Эпохальней прочих мод
Ты была в тот мирный год.
Выбегали на перроны
За черешней и вином
Полосатые персоны
Из двуспальных с гальюном.
Выходили и гуляли
На растерянном вокзале
Из плацкартных, из купейных,
Из гулящих, из семейных, —
Полосатые вполне,
Но без цифры на спине.
Достояние народа —
Эта лагерная мода,
Пережившая войну,
Одичавшая в плену,
Потерявшая ермолку,
Отрастившая виски
И наклеившая чёлку
Перед зеркалом с тоски.
В чреве синего флакона
Прячется одеколон.
Взят вокзал шестиколонный
Полосатыми в полон:
«Север», пиво, кипятки, —
Каждому своё, браток.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БОБРОВ (1944). Родился на станции Кучино Московской области. Детство и юность прошли в Замоскворечье. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Поэт, критик, литературный пародист.

Александр БОБРОВ

РУБЕЖ

Вот это всё: поля, песчаник, глина
И соснами уставленный откос,
Деревня и Москвы-реки долина —
Можайским направлением звалось.

Уж сколько лет...
А сын в лесу негромко
Ещё мои вопросы задаёт:
— Землянка?
— Да.
— Воронка?
— Да, воронка.
— Окоп?
— Гнездо, где размещался дзот.

Уж сколько лет.
А сын опять упрямо
Всё ищет гильзы. Мало мы нашли??
Да, может, это не воронка — яма?
Не бруствер — складка на лице земли.

Не всё ж война!
Но ветер с дымом горьким
Встревоженному сердцу говорит:
Склонись в раздумье над любым пригорком —
Не ошибёшься — здесь солдат зарыт.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ТКАЧЕНКО (19 апреля 1945–2007). Родился в Симферополе. Играл за футбольные команды мастеров; затем был тренером. Окончил отделение физики и математики Крымского педагогического института (1968), отделение спортивных игр Крымского университета, а также Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт, литературно-общественный деятель; правозащитник. Был генеральным директором Русского ПЕН-центра.

Александр ТКАЧЕНКО

* * *

Продолжают движенье пули
военных времён
вместе с прощеньем воды,
вместе с вращеньем земли,
но никого не убивают,
поскольку их скорость
совпадает со скоростью весны,
со скоростью облаков и любви
и даже со скоростью стоячих озёр...
Но стоит чему-нибудь замедлить свой ход,
как пули выползают из земли,
словно дождевые черви,
и начинается:
несозревшие яблоки падают с деревьев,
поезда приходят не по расписанию
и море выбрасывает на берег тела людей...
Вот так —
мы уже не имеем права двигаться
медленней,
чем двигались вчера, чем движемся сейчас,
иначе прошлое настигнет нас
и уложит рядом с собой.

<1975>

Николай ЗИНОВЬЕВ
Сергей ГОЩАРЕНКО
Лидия ГРИГОРЬЕВА
Владимир АЛЕЙНИКОВ
Пётр КОШЕЛЬ
Владимир ПЛАМЕНЕВСКИЙ
Леонид ГУБАШОВ
Александр ВАСЮТКОВ
Галина УМЫВАКИНА
Тамара БУКОВСКАЯ
Юрий КУБЛАНОВСКИЙ
Татьяна РЕБРОВА
Алексей ПРИЙМА
Николай БОРСКИЙ
Станислав ЯШЕНКО
Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ
Александр ЛОГИНОВ
Надежда КОНДАКОВА
Александр ЩУПЛОВ
Татьяна БЕК
Юрий НИКОНЫЧЕВ
Николай ШАМСУТДИНОВ
Елизавета ИВАННИКОВА
Феликс РАБУРИН
Геннадий ИВАНОВ
Шина КРАСНОВА
Сергей БИРЮКОВ
Геннадий ГРИГОРЬЕВ
Геннадий КРАСНИКОВ
Виктор ВЕРСТАКОВ
Владимир ИЛЬИЦКИЙ
Николай ДМИТРИЕВ
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Виктор КИРЮШИН
Андрей ЧЕРНОВ
Анатолий ВЕРШИНСКИЙ
Владимир ДЕНИСОВ
Борис СКОТШЕВСКИЙ
Александр ХАБАРОВ

Юрий КОРС
Владимир КАРПЕЦ
Владислав АРТЁМОВ
Михаил ШЕЛЕХОВ
Юрий КАБАНКОВ
Марина ПАЛЕЙ
Екатерина-Августа МАРКОВА
Тимур КИБИРОВ
Олеся НИКОЛАЕВА
Анатолий БОГАТЫХ
Светлана ВАСИЛЕНКО
Олег ХЛЕБНИКОВ
Елена КРЮКОВА
Сергей ВАСИЛЬЕВ
Михаил ПОПОВ
Борис КОЛЫМАГИН
Михаил ГАВРЮШИН
Дмитрий ВЕДЕНЯТИН
Сергей СТРОКАНЬ
Валерий ПРОКОШИН
Галина ИЛЮХИНА
Сергей БУРДЫГИН
Елена ФАШАЙЛОВА
Игорь ВИШНЕВЕЦКИЙ
Валерий ДУДАРЕВ
Виталий ПУХАНОВ
Ольга ЛЕБЁДУШКИНА
Екатерина ПОЛЯНСКАЯ
Владимир КЛИМОВИЧ
Павел МАРКИН (ЕЖ)
Мария ВАТУТИНА
Александр КАБАНОВ
Дмитрий ВОДЕННИКОВ
Максим АМЕЛИН
Андрей КОРОВИН
Александр БУТЯГИН
Борис РЫЖИЙ
Ольга АНИКИНА

IV

«ВОЙНЫ НЕ ЗНАЛИ МЫ,
И ВСЁ ЖЕ...»

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЗИНОВЬЕВ родился в 1945 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Многие его стихотворения положены на музыку.

Николай ЗИНОВЬЕВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ 45-го

Память — выдохом сирени.
Дальше, дальше, но родней
колыбель Освобожденья —
всекачание людей!..

Эх, солдат у башни Спасской,
ты израненный... А я
в небе рядом с чьей-то каской —
как подарок бытия.

Колыбельная минута.
Четырём годам назло!
От зелёных слёз салюта
в небе чисто и светло.

И высокой ночью этой
майской, послегрозовой
мы летим вдвоём с Победой,
как двойняшки над толпой.

СЕРГЕЙ ФИЛИППОВИЧ ГОНЧАРЕНКО (1945 — 9 мая 2006). Родился в семье полковника советской армии, военного атташе СССР в Стамбуле и Берне Ф. И. Гончаренко и учительницы ботаники и зоологии Т. С. Скоробогатой. Окончил переводческий факультет Московского института иностранных языков имени Мориса Тореза, впоследствии много лет преподавал здесь, был проректором. Также преподавал в Литературном институте им. А. М. Горького. Переводчик, поэт, выдающийся испанист-филолог.

Сергей ГОНЧАРЕНКО

ЗАКЛИНАНИЕ

Знаю: не про нас дорога к раю,
но хотя и нет пути нам в рай,
даже не прошу, а заклинаю:
честь наших предков не предай.
Бог с ним, с раем, — не было, похоже,
среди наших пращуров святош —
но для строгих епитимий, Боже,
их грехов навряд ли наскребёшь.
Ни дворянской, ни казачьей чести,
той, что дорожили столь они
— каждый в одиночку и все вместе —
заклинаю, сын: не урони.
Не было у нас в роду безгрешных,
но снискавших славу — через край...
Эту славу, к нам из тьмы кромешной
тянущуюся, не замарай!
Смесь героя с дурью сумасброда —
то ли доблесть это, то ли хворь?
Эти гены собственного рода
заклинаю, сын: не опозорь.
Лезли в воду, не нащупав брода,
вглубь вгрызались, шли войной на высь...
Грех гордыни, эту карму рода
своего — безвольем не унизь.
Становились гордостью Державы,
различая сердцем Кривь и Правь...
Сын, настигшей их невольной славы,
заклинаю я: не обесславь.
Все — от поколенья к поколенью,
тайную передавали весть
о труде целебном — так что ленью,
сын, деяний их не обесчесь.
Да, в труде, как мирном, так и ратном,
все за Русь готовы лечь костями
были... И заклатьем троекратным
заклинаю, сын: не посрами
ты свой род перед лицом всех прочих,
даже если кажется — невмочь...
Но свершений дедовских и отчих,
заклинаю, сын: не опорочь.
Не тебя ли окликают свыше?
Так не измени своей судьбе!
Не позволь, чтобы изгрызли мыши
свиток дел, доверенных тебе.

19.07.2000

ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА ГРИГОРЬЕВА (р. 1945) окончила историко-филологический факультет Казанского университета. Поэтесса, эссеист, переводчица, фотохудожник. Живёт в Великобритании и Москве.

Лидия ГРИГОРЬЕВА

МОСКВА 41-го года

Художнику П. А.Валюсу

Известно какая погода:
Ни солнца, ни звёзд, ни луны.
Москва сорок первого года —
Полярные ночи страны.

Всесильный момент поворотный.
Но яростный мечется флаг,
И тяжко гудит в подворотне
Беременной женщины шаг.

Вот дворик пустой, невеликий.
У входа в скупое жильё
Небесные бледные блики
Исходят от лика её.

И возле «ежей», у траншеи,
В фуфаечном стылом краю,
Спокойно несёт, хорошея.
Высокую ношу свою.

1967

РОВЕСНИКИ ПОБЕДЫ

Проплывает мимо лебедем
разудалое житьё.
Не востребовано временем
поколение моё!

Не востребовано ранее...
Но не пущено под нож
ни насмешкой, ни попранием,
ни бесправием. И всё ж

мы наказаны неверием
в прописные чудеса.
На Ягоду и на Берия
как закрыть теперь глаза?

Жизнь от праздника до праздника...
Сколько душ ещё живых
маринуется в запасниках,
за шкафами, в кладовых?!

Не сказали слова нового,
и державный стих не спас...
Как художника Филонова,
нас держали про запас!

И в науке и на службе мы,
соблюдая политес,
были лишними, ненужными,
записными мэнээс!

А порой старались очень ведь
в труд вложить и пыл, и дар.
Отстояли свою очередь —
только кончился товар!

Меж торжественными датами
коротаем вечера.
Остаемся кандидатами
в золотые мастера!!!

<1990>

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ АЛЕЙНИКОВ (р. 1946) — поэт, переводчик, один из лидеров позднесоветского литературного андеграунда; основатель — вместе с Леонидом Губановым — независимого литературно-художественного объединения СМОГ («Смелость, Мысль, Образ, Глубина»; другая расшифровка — «Самое Молодое Общество Гениев»). Преследовался властями; с этими помехами всё же смог закончить отделение истории и теории искусства исторического факультета МГУ. На родине смог публиковаться только после перестройки. С 1991 года живёт в Москве и Коктебеле.

Владимир АЛЕЙНИКОВ

* * *

Аккордеон пятидесятих,
Пигмалион!
Фантомов лысых и усатых
Синедрион
С портретов, слишком уж обильных,
Глядит сквозь даль,
Где не отыщешь в семимильных
Твою печаль.

В порыве радости и злости,
С огнём в груди,
Меха раскинет дядя Костя —
Не подведи! —
И вот мелодия вскипает,
Ступает вброд, —
И сквозь тельняшку проступает
Солёный пот.

Хамелеон пятидесятих,
Аккордеон!
Созвать ли нас, всех вместе взятых?
Нас — легион!
Ещё обугленный войною,
Как на арго,
То выдаст что-нибудь родное,
А то — танго.

На грани замершего вдоха
В который раз
Иродиадою эпоха
Пускалась в пляс —
И всё сбывается, тревожа
Уже всерьёз —
Не трогай клавиши! — ну что же,
Не надо слёз.

1994

ПЁТР АГЕЕВИЧ КОШЕЛЬ родился в 1946 году в Слуцке (Беларусь); сын белорусского партизана-подрывника. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик, историк.

Пётр КОШЕЛЬ

* * *

В белорусской хате
три вдовы седые,
три вдовы седые
песню затевают.

Песню затевают
про милого друга,
что лежит в далёкой
стороне немецкой.

Зося, и Мария,
да еще Анюта.
Первые снежинки
на крыльцо ложатся.

А с иконы старой,
старой, белорусской,
Николай-угодник
смотрит и жалеет

Зосю, и Марию,
да ещё Анюту,
и ничем им больше
он помочь не может.

Был бы жив Микола,
да второй Микола,
да Микола третий...
Те — так помогли бы.

Но лежат Миколы
в стороне немецкой,
никогда не ступят
на крыльцо родное.

В белорусской хате
три вдовы седые,
три вдовы седые
песню затевают.

ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ ПЛАМЕНЕВСКИЙ (1946–2003) — сын морского офицера. Окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. Архитектор, поэт. С 1976 года жил в Иркутской области. Ныне здесь в его память проводится Международный конкурс детского художественного творчества «Славное море...», работы экспонируются в картинной галерее, построенной на средства В. Ю. Пламеневского и носящей теперь его имя (посёлок Листвянка на Байкале).

Владимир ПЛАМЕНЕВСКИЙ

ИЗ ХРОНИКИ

Вот кадр из хроники, страшней которой нет, —
старушка крестит ополченцев вслед.
Секундный кадр, но вечности длиннее.
Старушка в ватнике их крестит вслед. Они
прощально вдавливают в Ленинград ступни,
штыки поблёскивают редких трёхлинеек.

У горя цвет булыжной мостовой.
В немом пространстве ясно слышен вой
сирен, срывающих затишье с неба.
Местью
прописан шаг людей по мостовой,
а этот полдень — смерти вестовой,
но дух не преклонен суровой вестью.

Сосредоточен и уверен шаг.
Стоит над каждым твёрдая душа,
к стволам винтовок наглухо примкнута.
Страшней, чем у штыков, её закал.
Уходят навсегда они за кадр,
в бессмертье разворачиваясь круто, —

туда, где воздух вылит из свинца,
где чашу надо выпить до конца,
где хром немецкий нашу землю месит,
где мудрый бог с ума сошёл, ослеп.
Старушка руку протянула вслед.
Она умрёт на Невском через месяц.

ЛЕОНИД ГЕОРГИЕВИЧ ГУБАНОВ (1946–1983) родился и жил в Москве. Первые стихи были опубликованы в «Пионерской правде». В СССР после 1964 года при жизни его не печатали. В 1965 году участвовал вместе с Владимиром Алейниковым и Юрием Кублановским в создании СМОГа, стал одним из авторов его программы, устроил на своей квартире штаб СМОГа. Преследовался властями. В конце 1966 года СМОГ прекратил своё существование. Продолжая писать, на жизнь Губанов зарабатывал физическим, обычно неквалифицированным трудом. Признание и широкую известность обрёл лишь посмертно.

Леонид ГУБАНОВ

* * *

Родина моя, родина,
Белые облака.
Пахнет чёрной смородиной
Ласковая рука.
Тишь твоя заповедная
Грозами не обкатана,
Высветлена поэтами,
Выстрадана солдатами.
Выкормила, не нянчила
И послала их в бой.
Русые твои мальчики
Спят на груди сырой.
Вишню скороспелую
Вымазано лицо.
Мальчики сорок первого
Выковались в бойцов.
Бронзовые и мраморные
Встали по городам,
Как часовые ранние,
Как по весне — вода!
Что по лесам аукают
Бабушки из невест?
Вот запыхались с внуками,
Памятник — наперерез.
Имени и фамилии
Можете не искать,
Братски похоронили
Ягоды у виска.
Кто-то венки оставил,
Может быть, постоял.
Кто-то опять прославил
Звёзды и якоря.
Знай же, что б ты ни делала,
Если придёт беда,
Мальчики сорок первого
Бросятся в поезда.
Сколько уж ими пройдено?
Хватит и на века!
Родина, моя родина,
Чистые берега!

9 июля 1979

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ВАСЮТКОВ родился в 1946 году в Москве. Входил в круг поэтов-СМОГистов. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал пожарным, экскурсоводом.

Александр ВАСЮТКОВ

МЛАДШИМ БРАТЬЯМ

У вас, у которых и детство-то было иное,
Хотя вы совсем ненамного моложе годами,
Ничто, слава богу, не связано с прошлой войною.
И километраж между нами — как между двумя городами.

Ваш город прекрасен! Столичный, отличный, и чистый, и белый.
Наш город барачный и мрачный, запущенный и загрубелый.
Вон там, на углу, на тележке скрипучей — безногий.
На нём гимнастерка. На ней золотится медаль.
Вы видели только в кино, как стучит он по послевоенной дороге.
С глазами, печально глядящими вдаль.

У нас ещё чавкают, как крокодилы, ботинки.
У нас ещё крутят не диски, а просто пластинки.
Мы помним ещё все с войны привезённые песни.
Но нас уже тянет к Армстронгу и Элвису Пресли.

Мы в ваше грядущее рвались. Мы тоже ходили на джазы.
Ах, как мы старались! По моде штаны ушивались.
Вы перешагнули черту незаметно и сразу.
А мы за чертой, как ни рвались за вами, остались.

За тем пограничным столбом, за чертою незримою тою,
Которую — как ни старайся — судьба перейти не вольна.
Как наши отцы безнадежно остались для нас за чертою.

<1986>

ГАЛИНА МИТРОФАНОВНА УМЫВАКИНА родилась в 1946 году в Москве в семье военнослужащего. Окончила филологический факультет Воронежского университета. Автор девяти поэтических книг.

Галина УМЫВАКИНА

СТАРЫЙ СНИМОК

Сыну Виктору от папы.
43-й. Обоянь.
(Надпись на фотографии)

Сохрани его в походах,
жизнь, вперёд на много лет.
— Сыну Виктору два года,
а меня и вовсе нет.
Не минуй его, награда,
обойди, слепая смерть.
— Ведь ещё за нами надо
брату младшему поспеть.
Ты, судьба, его не мучай,
хоть шепни: мол, ничего...
— Ты же знаешь: трое внучек
дожидаются его.

Старый снимок. Сорок третий,
где готов он ко всему,
мой отец тридцатилетний!
И откуда знать ему,
что ни здесь, под Обоянью,
ни в одной из прочих битв,
слава Богу — он не ранен,
слава Богу — не убит.

1981

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СОРОК ВТОРОГО ГОДА

Маме

Не плачь, мой маленький, прости,
хоть я не виновата:
чужой солдат на снег и стынь
нас вытолкал из хаты.

Живой, ты плачешь, жалкий мой,
от холода и страха,
и стала мокрой под тобой
отцовская рубаха.

Но если жив — он к нам идёт
войны дорогой дальней
иль, раненный, кричит: «Вперёд!» —
на койке госпитальной.

И пусть мы здесь с тобой сейчас
среди беды и смерти:
для жизни, хоть и в страшный час,

понарождались дети.
Не плачь! Я плачу — не пою,
тебя дыханьем грею,
почти как памятник стою —
от горя каменею.

1978

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Ты остался там бежать,
где свинцовый ветер
у земного рубежа
жизнь твою приметил.
Ты остался там лететь,
над родимым полем,
и когда случилась смерть —
не признал, не понял.
Ты остался не живой,
не живой — не павший,
между небом и землёй
без вести пропавший...

...Пахнет ветер по весне
порохом и прахом,
и заводит в вышине
песнь земная птаха.
Как кружит и свищет жизнь,
рвётся ближе к свету,
словно просит: «Отзовись!
Где ты, где ты, где ты?»
Но крепка земная твердь,
свод высок небесный —
не пройти, не долететь.
Где ты?! — Неизвестно.

1984

ПОСЛЕДНИЕ ВЕТЕРАНЫ

Деревьев не видно за лесом,
дороги не видно за далью,
и времени скрыта завесой
война, где они пропадали.

Посмертными их именами
помечены годы и страны.
А те, что живут между нами,
давно, как народ, безымянны.

Как скромно горят их медали...
Как громко скрипят их протезы!
Дороги не видно за далью?
Деревьев не видно за лесом?

1988

ТАМАРА СИМОНОВНА БУКОВСКАЯ родилась в 1947 году в Ленинграде. Окончила филологический факультет ЛГУ. Ведущий научный сотрудник Всероссийского музея А. С. Пушкина. Действительный член Академии Русского стиха (АРС), учрежденной И. Бродским, В. Уфляндом и С. Лёном.

Тамара БУКОВСКАЯ

* * *

Всемирное побоище народов
Окончилось. Земля была пуста.
Развалины баюкали уродов,
ночь разжимала влажные уста.
В беспамятстве любовных вождений,
закрыв глаза на жалкий ужас дней,
как семена диковинных растений
бросали нас. Людьями среди людей
мы выжили. Но наше поколенье
удивлено почти до немоты
случайной радостью земного воплощенья
после Потопа, посреди Зимы.
В косноязычье наших песнопений
услышишь отголоски тех ночей,
когда давились ужасом ступени,
скрипя под сапогами нелюдей.
Ничьей судьбы себе не пожелаешь,
Иной судьбы России не дано.
Не что посеяно сегодня пожинаешь –
Что выжжено, убито, сметено.

1988

* * *

В платьях из мадепалами
крепдешина и шифона
выходили наши мамы
после дождичка в четверг
когда кончились аресты
и бомбежки и угоны
не гоняли рыть окопы
и в эвакуэшелоны
не грузили их с детьми
и казалось будет счастье
просто время человечье
вечер легкое дыханье
ветра свежего с невы

2016

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КУБЛАНОВСКИЙ родился в 1947 году в Рыбинске. Окончил искусствоведческое отделение истфака МГУ. Поэт, эссеист, критик. Начиная в поэтической группе «СМОГ», в печати дебютировал в 1970 году. С 1982 года — в эмиграции. В 1991 году вернулся в Россию. Живёт в Москве.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

* * *

Отошло шиповника цветенье —
напоследок ярче лоскуточки.
В Верхневолжье душно и ненастно,
что за дни — не дни, а заморочки.
И — остановилось сердце друга
на пороге дачного жилища.
Повезло с могилою — в песчаном
благородном секторе кладбища.
В нашем детстве рано зажигались
пирамидки бакенов вручную.
Под землёю слышишь ли, товарищ,
перебранку хриплую речную
бойких приснопамятных буксиров
на большой воде под облаками;
внутренним ли созерцаешь зреньем
тьму, усеянную огоньками?
Словно с ходу разорвали книгу
и спалили правые страницы.
Впредь уже не выдастся отведать
окунька, подлещика, плотвицы.
Был он предпоследним, не забывшим
запах земляники, акварели,
чьи на рыхлом ватмане распятом
расползлись подтёки, забурели.
Самородок из месторожденья,
взятого в железные кавычки
зѧдолго до появления нѧ свет
у фронтовика и фронтовички.
Пиджачок спортивного покроя
и медали на груди у бати.
Но ещё неоспоримей был ты
детищем ленцы и благодати.
В незаметном прожил, ненатужном
самосоответствии — и это
на немереных пространствах наших
русская исконная примета.
И когда по праву полукровки
я однажды выскочил из спячки,
стал перекасти — известным — поле,
ты остался при своей заначке.
Всѧ сложнее в эпоху мародѧров
стало кантоваться по старинке:
гривенник серебряный фамильный
уступить пришлось качку на рынке.
И в шалмане около вокзала
жаловался мне, что худо дело,
там в подглазной пазухе слезинка
мрачная однажды заблестела.

Словно избавлялся от балласта,
оставлявшего покуда с нами:
вдруг принёс, расщедрившийся, «Нивы»
кипу с обветшалыми углами,
в частности, слащавую гравюру:
стали галлы в пончо из трофейных,
а точнее, замоскворецких шалей
жалкой жертвой вьюг благоговейных.
Время баснословное! Штриховку
тех картинок дорежимных вижу.
В яму гроб спустили на верёвках,
как в экологическую нишу.
Отошло шиповника цветенье,
ты его застал недавно в силе.
Стойкая у речников привычка:
что не так — так сразу переключка,
слышимая, статья, и в могиле.

1.VI.1997, девятый день

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА РЕБРОВА родилась в 1947 году в городе Игарке в семье военного летчика. Была близка к объединению «СМОГ». Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэтесса, переводчица.

Татьяна РЕБРОВА

* * *

Я вытру слёзы конской гривой,
Когда втолкует мне в глуши
Мужик с обидой справедливой,
Что нет бессмертия души.
Но выстраданный смысл,
что вложит
В меня вселенная,
моля
За будущее,
даже лошадь
Почует
и поймёт земля.
С такой тоской самозабвенной
Здесь на шиповнике блестит
Роса иль дождь обыкновенный,
Что сердце рвут любовь и стыд.
И оскорбить меня
тут значит
Посмертно оскорбить медаль
Отца,
над чьей могилой плачет
Освобождённая им даль.

<1980>

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ПРИЙМА родился в 1947 году в Ростове-на-Дону в семье фронтовиков. Окончил Ростовский университет, учился в аспирантуре Литературного института им. А. М. Горького. Поэт, критик, автор научно-популярных работ об аномальных явлениях.

Алексей ПРИЙМА

КРАСНЫЙ ПРИНЦ

Когда я так устану,
что еле сдвину ставни,
и музыка поёт, —
минуту
ставни,
тенью
влетает в затемненье
старинный и военный,
дощатый самолёт.
А в спальне запустение,
вечернее, осеннее.
Умаялись соседи,
не дышат у дверей.
Сопит
моя Наташка...
Такое всё нестрашное...
Но кружится Гастелло
над койкою моей!
Летающая совесть?
Летающая рана?
А может, это память
наследственная, а?
Наследую я
планер,
наследую я знамя,
наследую я пламя,
я — пламя у хвоста!
Уже ни сна, ни койки...
И ойкают винтовки...
И человекобойка,
расстрельщица война...
И рвёт она
с постели
в падение Гастелло,
и я звоню 09,
звоню в колокола,
но! —
«Нет номера
Гастелло, —
ответят мне растерянно, —
похоже, не успел он
оставить номерок...»
Да, нас
соединяет
не провод телефонный —
а маленький, бикфордовый,
горячий планерок!
Ах, справочное, право,

забудьте номера вы.
В полуночных кварталах
не спите только вы.
Так с кем же,
как не с вами,
про горькую отраву
падения во славу
Отеческой войны!
Падение Гастелло —
Бастилия Гастелло?
Восстание Гастелло!
И финиши — войне!
Упасть бы так
однажды,
вы слышите — однажды,
ЧТОБЫ СПАЛА НАТАШКА,
вы по-ни-ма-е-те?
И трубку телефонную
я выброшу в окно,
и свешусь
с подоконника
в давным-давно...
Отеческая память,
Наташенька не спит...
Наташка, в небе памятник
дымящийся летит!
...Она не спит, Наташа,
и долго из окна
она ладошкой машет
туда,
где шла
война...

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БОРСКИЙ родился в 1947 году в Самарской области. Окончил Куйбышевский авиационный институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, миниатюрист-афорист, журналист. Живёт в Подмосковье.

Николай БОРСКИЙ

* * *

На место бывлой переправы
Со мною отец подойдёт
Прибрежную насыпью правой,
Где криво берёза растёт.

Припомнит с ним эта берёза
Увечным, в опалвах стволом:
В атаку бегут по откосу
Солдаты с политруком.

И, глянув в прозрачную воду,
Поникнет отец головой —
В то утро из целого взвода
Один он остался живой.

Вглядится он в донные травы,
И воды реки отразят
Две планочки ордена Славы
И дюжину прочих наград.

Фугас его крепко пометит.
Однако пять лет пролетит,
И я появлюсь на планете,
До жизни войной не убит.

И будет мне сниться порою,
Что мины свистят надо мной,
Что душной волною взрывною
Вдруг шар пошатнуло земной,

Что сквозь дымовую завесу
Бегу я, надрывно дыша —
Как будто ко мне по наследству
И память отца перешла,

И ужас раздумий бессонных
О том, как под станцией Льгов
За миг двадцать семь родословных
Прервались на веки веков.

Ни солнца, ни девичьих взоров
В саду, где звенит соловей,
Ни отчих бескрайних просторов,
Ни дочек и ни сыновей.

Лишь скорбьobeliskов высоких
Живым студит души насквозь...
За многих, за многих, за многих
Мне жить на земле довелось.

17. 08. 2005

СТАНИСЛАВ СТЕПАНОВИЧ ЯНЕНКО (1947–1990) родился и умер в Барнауле. Журналист, поэт. После окончания факультета журналистики Иркутского университета переменил много профессий.

Станислав ЯНЕНКО

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Памяти отца

Снова память, уже издалёка,
нереальная, будто мираж,
так пронзительно и высоко
заведёт этот памятный марш.
Сколько было вокзалов, причалов,
та военная медь без конца,
торжествуя громово, встречала,
проводила и рвала сердца.
Этот марш, и бравурный и строгий,
и конец и начало в судьбе.
Как он лихо ведёт по дороге,
как печалится он о тебе!
Там, где нет даже памяти места,
на суровых дорогах земли,
это слово военных оркестров
для любого конца сберегли.
А ударят урочные склянки,
ни слезы не уроним из глаз.
И высоким «Прощаньем славянки»
повстречает прошедшее нас.

АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПШЕНИЧНЫЙ родился в 1948 году в Челябинской области. Поэт. Окончил Уральский университет и Дипломатическую академию МИД СССР. Работал учителем, затем в МИД СССР, МИД РФ. Первая поэтическая публикация в 1964 году.

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

ДРУГУ

Помимо всех прочих симпатий,
Ещё потому мы сошлись,
Что наши безусые бати
Когда-то к Берлину рвались.

Что вместе расплавленной ночью
Когда-то хрипели:
«Ура!» —
За Волгой —
Уральский рабочий
И рядом —
Кузнец из Орла.

Теперь нам не вычитать в сводках:
Быть может, тогда из огня
Нёс твой моего на закорках,
А значит, он нёс и меня.

Не бьются военные вьюги
В дома их сынов и внучат,
К нам ходят друзья и подруги,
Танцуют, на струнах бренчат.
А мы, к удивлению прочих,
Присядем и тихо вдвоём
Про маленький синий платочек
Душевную песню поём.

<1980>

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛОГИНОВ родился в 1948 году в Мончегорске Мурманской области. Вырос в городе Каргополе (Архангельская область), куда вернулся после разъездов по стране и учения в Литературном институте им. А. М. Горького. Руководит литературным поэтическим объединением.

Александр ЛОГИНОВ

ПАМЯТЬ

Здесь до войны на краешке села
берёзовая роща проросла.
Дышала светом молодая поросль,
покуда синь небес не раскололась...
Мы неизбежной памятью полны.
Раздробленные челюсти войны
в земле скрежещут много лет подряд.
Не оттого ль здесь по ночам скрипят
березки — невысокие уродцы,
и роща эта
кладбищем зовется.

<1982>

«Войны не знали мы, и всё же...»

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА КОНДАКОВА (р. 1949) — поэтесса, переводчица.
Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор 11 книг.

Надежда КОНДАКОВА

СУДЬБА

Бабушка моя жила
В девятнадцатом столетье.
Мало видела тепла.
Много плакала на свете.

Двух сынов взяла война,
Мужа бездна поглотила,
Но какая тишина
У неё в глазах гостила!

И казалось, тонкий лёд
Между ней и миром тает,
Когда в небе самолёт
Или ангел пролетает.

<1980>

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЩУПЛОВ (1949–2006) родился в Москве. Окончил исторический факультет МГПИ. Поэт, журналист; исследователь современного сленга.

Александр ЩУПЛОВ

* * *

Боли нету — мы боимся представления о боли.
Смерти нету — мы боимся представления о смерти.
Вы не верьте, что солдаты умирают в чистом поле
и стоят над ними кони, словно слёзы, — вы не верьте.
Это вьюга наболтала, это выдумано ветром,
что гуляет над курганом, жутко сплюсненным в лепёшку.
А пришедшие о т т у д а говорили не об этом,
захмелев с победной водки, разломив, как хлеб, гармошку.

А о чём им говорилось — не узнать того нам с вами.
Время пишет не в тетрадках. Время пишет без нажима.
...Две немецкие открытки. Незнакомый почерк. Маме.
А внизу — «За наше счастье, если только будем живы...»

<1986>

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА БЕК (1949–2005) родилась в Москве. Дочь писателя Александра Бека, автора книг «Волоколамское шоссе», «Новое назначение» и др. Окончила факультет журналистики МГУ. Поэтесса, эссеист, литературный критик. В течение многих лет вела поэтический семинар в Литературном институте им. А. М. Горького.

Татьяна БЕК

ВОЕНКОР

Отцу

Смотрят военные ели,
Как у дороги, один,
В широкополой шинели
Он голосует на Клин.

В кузове долго трясётся
С чувством неясной вины.
Как ему трудно даётся
Тайная тайных войны!

(Это увидится снова
Взглядом иным, молодым.
Но драгоценнее Слово,
Сказанное — сквозь дым.)

Смотрят военные ели,
Как он замёрзшей рукой,
Пряча блокнот от метели,
Пишет про утренний бой.

Как, разомлев от привала,
Правды прилежный писец,
Он, улыбаясь устало,
Просит подлить ему щец.

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НИКОНЫЧЕВ (1949–2001) родился в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, автор книг прозы; литературный критик. Перевёл поэтическую книгу Джеймса Джойса «Камерная музыка».

Юрий НИКОНЫЧЕВ

* * *

Он шёл, не слыша мир живой:
Тяжёлый визг автомобилей,
И ливня ропот голубой,
И рёв летящей эскадрильи.

Как будто бы беззвучный фильм,
Сверкала жизнь и изменялась, —
Глухонемая перед ним
Сирень прохладная качалась.

Он слух и слово потерял,
Волной взрывною оглушённый,
Когда в окопе умирал
В земле железной погребённый.

Война молчанием вошла
И немотой косноязычной —
Но душу не сожгла дотла...
Идёт он с выправкой отличной.

В который раз победный день
Салютом светит в небе мая.
В его руках горит сирень
Прохладная, глухонемая.

НИКОЛАЙ МЕРКАМАЛОВИЧ ШАМСУТДИНОВ (р. 1949) — поэт, переводчик, публицист Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Живёт и работает в Тюмени.

Николай ШАМСУТДИНОВ

БАНИ

Какая весна выпевает в России!
Глаза застывает, горит на губах,
Матёрую кипень она замесила,
Весёлые пары мелькают в садах.
Зарыты в дурман белопёрые села,
Жар в бане бушует от крыши до пола...
И — росною, ранней берёзой пропах —
Клубится хозяин в тяжёлых парах.
О чём он задумался? Тихо и пусто.
Он веник наладил, облитый огнём.
Чу! — шорох за тонкою стенкой, как будто
По влажному полу прошли босиком.

А жар матерее, и мягкая сила,
Что плоть бередила и хмелем бродила
В оборванной песне его сыновей,
Вздыхается паром из млечных дверей.
(В тумане мерцает чело Водолея,
Доносится гул мотоботов с реки.)

С далекой войны, потихоньку старея,
В закрытой светёлке их ждут рушники.
Бескровные складки и старческий запах...
По горьким субботам, пусты и тихи,
У бань безголосых, в нательных рубахах,
Почти бестелесны, молчат старики.
Сбиваются в стаи густые туманы,
Где над сыновьями сомкнулось жнивье,
Где даль, обезумевши, кличет Ивана
И робкие звёзды обходят её.

По русской равнине, в порыве цветенья,
От сырых крестов, обелисков
В закат
Ложатся багровые горькие тени,
И белые тени на запад глядят.

...По трубы засосаны кипенью бани.
Темнеют потёки, уснув на полу...
Густеющий вечер придвинулся к раме,
И росы, как слёзы, текут по стеклу.
Туманы, белея, идут над садами.
Далёкий гудок над рекою проплыл.

И долго из сумерков смотрят в глаза мне
Святые созвездия
Братских могил.

<1979>

ЕЛИЗАВЕТА ВИКТОРОВНА ИВАННИКОВА родилась в 1949 году в Сталинграде (в императорское время Царицын). Окончила Волгоградский педагогический институт, московскую Академию художеств, аспирантуру Литературного института им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Печатается как поэт с 1967 года. Живёт в Волгограде. Президент клуба творческой интеллигенции «Парнас».

Елизавета ИВАННИКОВА

ШИНЕЛЬ

Что осталось, война, от тебя,
Что осталось?
От большого пожара земля
Отдышалась.

Тридцать лет тишина, над землёй облака
Всюду вместе,
Новорожденный, слабый купает река
Месяц.

Для отца пять столетий войны
Отшумели.
Помню место особое белой стены —
Для шинели.

В полумраке прихожей, уже в мирные дни,
Она долго висела
Волчьей шкурой убитой когда-то войны,
Тенью серой.

Мой отец родом был из глухого села,
Но, дойдя до Берлина,
Он вернулся работать и строить сюда,
К сталинградским руинам.

Он был должен сюда, где был ранен в огне,
Возвратиться,
Ведь иначе на Волге ни брату, ни мне
Не родиться.

Мы играли в войну, из шинели блиндаж
Получался,
Редко-редко война продолжалась у нас
Больше часа.

Нам отдали совсем безмятежность небес,
Детство дали,
Настоящие мы прикрепляли себе
Ордена и медали.

И шинель та цела, пережив переезд,
Мои платья из ситца,
Ей нельзя, как и памяти, выросшей здесь,
Износиться.

22 ИЮНЯ

Чей-то голос, высокий и зыбкий,
Стал тревожить меня без конца,
Отмахнулась легко от улыбки,
И она улетела с лица.
Только взгляд проследил виновато,
Как по глади сегодняшних дней
Проплыла эта скорбная дата
Парой чёрных, как ночь, лебедей.
Словно их потянуло обратно,
К довоенным коврам на стене,
К тем гнездовьям былым прикроватным,
Что мгновенье горели в огне,
К тем садам, опалённым войною,
С перешедшей на шёпот листвой,
К той, засвеченной резкой луною,
Почерневшей реке тыловой.
И кому-то почудится робкий,
Смутный шорох из тающей тьмы,
То ль серебряный шорох обёртки
От исчезнувшей с детством зимы,
То ль покажется: бьются при свете
Крылья быстрой докучной молвы,
И на тягостных сводках в газете
Тень отцовской лежит головы.
Сколько их облетело, минуток,
Сенокосной коснувшись травы,
Сколько ветер сухих самокруток
Накрутил из июньской листвы.
Сохрани этот лист календарный!
В нём отмечен закат и рассвет,
Но голодную тень блокадной
Детской двойки стоит силуэт.
И текут материнские слёзы,
Очищаясь в глубинах земли,
И приводят июньские грозы
Боевые эскадры свои.
Сохрани! Что случится — не знаю...
Соберётся ли стопочка дней?!
Это годы сбиваются в стаю,
Окликаая тревожно людей...

ФЕЛИКС РАБУРИН (1949–1967) жил в Виннице; во время срочной службы в Советской Армии, покончил с собой, став жертвой так называемой дедовщины. Посмертную публикацию двух его стихотворений в альманахе «День поэзии. 1989» подготовил поэт Алексей Марков. Одно из них публикуется в настоящем издании.

Феликс РАБУРИН

ГЕРОИ ВОЙНЫ

Походкой горделивой и упругой.
Поглаживая гордо по усам,
Гуляет в парке генерал с супругой,
И путь его — традиция! — к весам.

И, закатив зрачки свои нагие,
Миг мины не забывши роковой,
Культияпками передвигает гири
Его, комдива, бывший рядовой.

Он помнит день, когда пошли в атаку
На бешеные части коршунья,
Как ноты в песне, подчиняясь такту
Лихого предвоенного вранья —

О малой крови и большой победе...
И — падает в который раз без рук
Один из тех, кому судьба: испейте
Из чаши злобы, голода, разлук...

Послушно повторяя чью-то фразу,
Он столько раз вождям своим кадил!
...Бессмысленному подчинясь приказу,
На смерть послал их струсивший комдив.

И в час, когда окопы опустели,
Со страхом, притаившимся в душе,
Холёное своё он прятал тело
В удобном утеплённом блиндаже.

И что при встрече рядовому делать?
Ну разве про себя помянет мать?..
...Но говорит он: «Восемьдесят девять...
Вы извините, нечем записать...»

«Войны не знали мы, и всё же...»

ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ ИВАНОВ родился в 1950 году в Бежецке Тверской области в крестьянской семье. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, литературный деятель.

Геннадий ИВАНОВ

СОЛДАТ

Пехота заснеженным склоном
Ушла на метельный закат,
А в поле, ночном и холодном,
Остался солдат.

Он умер не сразу, он долго
Лежал на горячей крови,
Он думал для жизни и долга
Собрать ещё силы свои.

Когда понемногу стемнело,
Спокойные звёзды взошли,
Хотел он разбитое тело
Поднять от земли.

И видел лишь ворон летевший,
Скосивший на воина глаз,
Как жадно тот, но безуспешно
Локтями разламывал наст...

<1980>

НИНА ПЕТРОВНА КРАСНОВА родилась в 1950 году в Рязани. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Поэтесса, эссеистка. Живёт в Вологодской области.

Нина КРАСНОВА

УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ

На лице мужчины шрамы видны,
На груди — медали и ордена
(Вон за взятие Берлина дана).
Сразу видно — он участник войны.

Ну а женщина, что шила кiset,
Что ждала твоих, Россия, сынов,
Что пахала, что стояла у станков,
Как — участница она или нет?

А старуха тех военных лет,
Что с мякиной ела лебеду,
Что врагам молила смерть и беду,
Как — участница она или нет?

А мальчишки тех военных лет,
Например, что партизанили тогда,
Поджигали биржи труда,
Как — участники они или нет?

А учёный тех военных лет,
Что по виду не герой, не орел,
Но «иллюшу», но «катюшу» изобрел,
Он — участник войны или нет?

Разве выводы мои не верны,
Разве мысль для кого-то странна:
Весь народ у нас участник войны,
И участница войны — вся страна.

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ БИРЮКОВ (р.1950). Окончил Тамбовский педагогический институт. Поэт, стиховед. Основатель и президент Международной Академии Зауми. Жил в Тамбове, с 1998 года в Германии.

Сергей БИРЮКОВ

ГОЛОСА ПОЭТОВ

Моих поэтов слышу голоса.
Когда идёт везенья полоса
и невезенья лезет полоса,
моих поэтов слышу голоса.
Они, разноголосые мои,
Кульчицкий, Коган, Ширман
и Смоленский...
Их не оплакать горечью вселенской
и участи иной не отмолить.
Убитые, убитые, убитые,
любившие настолько, что убитые.
За Родину и за стихи убитые,
любимые, любимые, любимые.
Я должен, я обязан, я хочу
брать голоса в свои стихотворенья,
пока душа в процессе сотворенья,
пока иду, пока не замолчу.

<1979>

ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ (1950–2007) родился, жил и умер в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Учился на филологическом факультете Ленинградского университета и в Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт, драматург. В память о нём в Санкт-Петербурге учреждена Григорьевская поэтическая премия.

Геннадий ГРИГОРЬЕВ

ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО

Каких только чудес
на белом свете нету!
Конверт о трёх углах,
обычный, фронтовой...
Полвека, почитай,
он провалялся где-то.
И вот пришёл с войны
и лёг передо мной.
Наткнувшись на него
среди макулатуры,
я понимал: читать
чужие письма — грех.
Но аккуратный штамп
«Проверено цензурой»
как бы уже письмо
приоткрывал для всех.
Был цензор фронтовой
рабом цензурных правил.
И он (а вдруг письмо
да попадёт врагу!)
лишь первую строку
нетронутой оставил
да пощадить решил
последнюю строку.
Я цензора сейчас
не упрекну в бездушье.
Он свято чтит свой долг.
он знал свои права.
Не зря же он письмо
замазал жирной тушью.
наверно, были там
и вредные слова.
Писалось то письмо
в окопе? на привале?
и кто его писал —
солдат ли? офицер?
Какие сны его
ночами донимали?
о чем он помышлял
во вражеском кольце?
.....
Лишь «Здравствуй, жизнь моя!» —
оставлено в начале.
И «Я люблю тебя!»
оставлено в конце.

1985

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ КРАСНИКОВ (р. 1951). Окончил факультет журналистики МГУ. Поэт, публицист, критик; литературный педагог, преподаёт в Литературном институте им. А. М. Горького. Составитель многих поэтических антологий и поэтических сборников.

Геннадий КРАСНИКОВ

* * *

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют...
С. Орлов

Без вас будет пусто на свете,
когда достопамятным днём
мы, послевоенные дети,
к Большому театру придём.

Уже ветераны в ту пору
среди не выдавших войны.
На нас будут юные взоры
с волнением устремлены.

Ведь мы родились под раскаты
победных салютов и труб,
и горькие наши рассказы
из первых получены рук.

В немыслимых розах и маршах
впервые за столько-то лет
в тот день на живых и на павших
уже разделения нет.

Весенний, счастливый, прекрасный —
тот праздник нас будет кружить,
и всё-таки, всё-таки страшно
до этого мая дожить.

1978

ВИКТОР ГЛЕБОВИЧ ВЕРСТАКОВ (р. 1951) — поэт, прозаик, публицист. Окончил Военно-инженерную академию им. Ф. Э. Дзержинского. Военный корреспондент неоднократно выезжал в горячие точки страны и мира.

Виктор ВЕРСТАКОВ

* * *

Отцу

Звезда над твоею могилой
безвременно рано зажглась.
Сверкнула, на миг ослепила
и в сердце лучом уперлась.

Друзья тебе заняли место,
почти сорок лет берегли.
Печальные трубы оркестра.
Прощальные горсти земли.

Я знаю, что это навечно,
что нет у разлуки конца...
Сомкнутся солдатские плечи,
услышат друг друга сердца,
и там, за могилой сырою,
я знаю, ты выйдешь ко мне
из вашего скорбного строя
погибших на прошлой войне.

Высокая доля солдата —
посмертно в колоннах идти,
встречая отца или брата,
упавших в солдатском пути.

Здесь выбора нет и исхода:
живой — не найдёшь никого,
погибнешь — звезда с небосвода
для сына сверкнёт твоего.

ВЛАДИМИР СОЛОМОНОВИЧ ИЛЬИЦКИЙ (р. 1951) — поэт, журналист. Кадровый офицер, служил в танковых войсках. Главный редактор интернет-журнала «Там».

Владимир ИЛЬИЦКИЙ

ПАСТОРАЛЬ

Какого чёрта я грущу? Чего ещё мне надо?
Имею дом. Имею сад. И, хоть сейчас февраль,
но в каждом дереве живёт весёлая дриада,
и все зовут меня к себе — вот это пастораль!

Я благодравный пастушок, точнее, быть могу им.
Я мог бы разводить кролей на собственной земле.
Но отчего-то я иным призванием волнуем —
вот фотография моя с отцовской на столе.

Он в сорок... памятном году. Я — в шестьдесят... затёртом.
Но мы похожи больше, чем по родственным чертам,
по тяжеленным сапогам и лёгким гимнастёркам
и по тому, как смотрим вдаль и что мы видим там...

1984

НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ ДМИТРИЕВ (1953–2005). Родился в Московской области. Окончил Орехово-Зуевский педагогический институт. Поэт. Много лет работал учителем.

Николай ДМИТРИЕВ

* * *

Тихо кружится звёздная сфера,
Светит млечная пыль на сосне.
«Разворачивай пушку, холера!» —
Это батька воюет во сне.

На земле, под разрывами шаткой,
Обругав по-русски ребят,
Он в последнюю сорокапятку
Досылает последний снаряд.

На полу мои ноги босые —
Вот бы мне в этот сон, в этот бой!
Вдруг всё это отец не осилит,
Не вернется оттуда живой?!

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ПОЗДНЯЕВ (1953–2009) — поэт, журналист. Родился, жил и умер в Москве. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института. Одновременно с занятиями литературой нёс послушание чтеца и иподиакона в одном из столичных храмов. После критических выступлений в адрес священноначалия Московской Патриархии был отстранён от церковнослужения.

Михаил ПОЗДНЯЕВ

ПРИГОРОД

Подмосковное кладбище немо.
Безупречней сапожного крема,
вереницы надгробий черны.
Все равны меж собою и квиты,
и единой землёю укрыты,
и оплаканы, и прощены.

Кто лежит? Сибарит или стоик,
колченогий учитель-историк
иль полярник, почивший в снегах?
Одинаково чёрные плиты,
одинаково щедро политы
и прополоты клумбы в ногах.

Это — бывший завскладом и бывший
перед ним, его жертвою павший,
только сердце ничуть не щемит:
помирила их кислая глина,
и листва исполинского клёна
над обоими грозно шумит.

А вот это — два бывших поэта:
первый спился, второй — кабинета
бедный раб, предпочёл суету
услужению музам на тризне.
А судьба две беспутные жизни
под одну подогнала черту.

Два соседа — Семён и Василий:
как, бывало, друг дружку тузили,
наминали друг дружке бока,
но земля отворила объятя —
и легли — оба двое, как братья,
и к руке потянулась рука.

Так лежат они — сомкнутым строем,
одним миром, единым покровом,
ни за кем ни долгов, ни вины,
крепче камня, надёжнее стали,—
как единой в жизни стояли,
лишь однажды. Во время войны.

ВИКТОР ФЁДОРОВИЧ КИРЮШИН родился в 1953 году в Брянске. Окончил факультет журналистики МГУ. Поэт, переводчик, эссеист, книгоиздатель.

Виктор КИРЮШИН

ИГРА

Игра в войну — забава детская...
«Заставы» обойдя с крыла,
В лесу
На кладбище немецкое
«Разведка» наша набрела.

Как привиденья,
Майским вечером
Сквозь редколесье и кусты
Чернели, касками увенчаны,
Короткорукие кресты.

Они в неясном освещении
Темнели знаками беды —
И ряд могил,
И сообщения,
Травой поросшие ходы.

Как память держит стародавнее!
Лесок, заржавленный металл...
И то, что чувства сострадания
Никто из нас не испытал.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ ЧЕРНОВ родился в 1953 году в Ленинграде, с 1957 года живёт в Москве, а также в Петербурге. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик, историк литературы, пушкинист; общественный деятель.

Андрей ЧЕРНОВ

* * *

Азартно, как в кино, гремит пальба.
Но грязен бой. Не где-то — на погосте.
Сидят старухи две: смерть и судьба.
Играют в человеческие кости.

Они бранятся на семь вёрст окрест.
Летят монетки жизней в полдень пыльный.
Но та, с косой, проигрывает крест.
Последний. Не нательный, а могильный.

Уже давно молчит стрелковый взвод.
Косая наблюдает исподлобья:
Всё невредим один мальчишка бьёт
По фрицам из-за дедова надгробья.

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ВЕРШИНСКИЙ (р. 1953). Окончил радиотехнический факультет Красноярского политехнического института и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик, журналист, издатель.

Анатолий ВЕРШИНСКИЙ

ПАМЯТЬ

...По узенькому перешейку,
по гати из листвяжных слег
уходят, вытянувшись в змейку,
мужчины —
двадцать человек.

— Живи, земля, и слёз не ведай:
недолго будет ратный труд.
Прощай, округа, жди с победой,
до скорой встречи, милый пруд!

А он, знакомый от рожденья,
неузнаваемо притих.
В воде мелькнули отраженья —
и снова рябь сокрыла их...

Вовек родимые подворья
не знали горших проводин.
Из двадцати вернулись двое.
А жив поныне
лишь один.

И каждый год порой весенней
приходит он на старый пруд,
глядит —
и двадцать отражений
из глубины к нему идут...

«Войны не знали мы, и всё же...»

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕНИСОВ родился в 1953 году в Екатеринбурге (тогда Свердловск). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, журналист. Живёт в Уфе.

Владимир ДЕНИСОВ

* * *

Я знаю склад армейской жизни,
Я помню воинский Устав.
Его сухие афоризмы
Ещё хранятся на устах.

И потому-то мне понятны
В любых изданиях, в любых
Слова-запал, слова-гранаты
Стихов поэтов фронтовых.

И потому мне, видно, дорог, —
Без всяких там обиняков, —
Сухой, готовый к взрыву, порох
В пороховницах их стихов.

Они, поэты фронтовые,
Под гул орудий и колёс
Узнали то, что мне впервые
Узнать по книгам довелось...

<1980>

БОРИС АБРАМОВИЧ СКОТНЕВСКИЙ родился в 1953 году в Куйбышеве (ныне Самара). Окончил Куйбышевский медицинский институт. Поэт, литературный деятель. Живёт в Тольятти.

Борис СКОТНЕВСКИЙ

РУССКАЯ СКАЗКА

Жили-были старик со старухой...
Нет, не так! — молодец с молодухой.
Бедно жили, богато ли жили —
Всё ж подолгу они не тужили.

Народилось у них два сыночка,
Да ещё красавица дочка, —
И пригожестью и по уму
Вышли детки один к одному.

Тут и жить бы да горя не знать бы,
Да готовить весёлые свадьбы,
Но война подступила к стране...
И сыны полегли на войне

Оба разом. А следом за ними
Дочь в военном растаяла дыме...
Дед пожил ещё год или два...
А старуха поныне жива.

В её комнатке однооконной
Тишина нерушима до звона,
И стоят нерождённые внуки
Вечным звоном в ушах у старухи.

АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ ХАБАРОВ родился в 1954 году в Севастополе. Воспитывался в семье деда Д. В. Игумнова, участника войны, военно-морского инженера, автора учебников для техсостава ВМФ. Учился в мореходном училище, в Крымском государственном университете. Работал матросом-рулевым, наладчиком ЭВМ, инструктором-спелеологом, корреспондентом... Поэт, журналист-аналитик.

Александр ХАБАРОВ

ИЗ ЖИЗНИ АНГЕЛОВ

Ты мне досталась по ленд-лизу
Во время Третьей мировой.
Ты помнишь, шёл я по карнизу
Над обожжённой мостовой,
А ты летела в платье белом,
Разбив оконце чердака,
Но овладела смертным телом
Моя бессмертная рука.
И ты, стремившаяся к тверди,
Как в небеса стремится дым,
Вдруг убоялась дерзкой смерти
Под обаянием моим.
Внизу, под марш артиллериста,
Шагали пыльные полки,
Но я не выпустил батиста
Из окровавленной руки.
Держал тебя, как держат птицу,
Жалея хрупкие крыла,
Пока смещался за границу
Жестокий фронт добра и зла.
Мы полетели над закатом,
Над стольным городом руин;
Ты помахала вслед солдатам,
Но обернулся лишь один.
В железном визге артобстрела,
Ломая стебли камышей,
Я нёс тебя, как носят тело
Из грязи вражеских траншей.
В тот миг все люди были братья,
Весь мир казался неземным,
Когда сплелись твои объятия
Над одиночеством моим.
И словно из морей на сушу,
Как из сраженья в лазарет,
Я нёс тебя, как носят душу
За облака, где смерти нет.

2015

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ КОРС (1954–2003) родился в Туркмении. Окончил Московский электротехнический институт связи, работал ведущим конструктором Института космических исследований АН СССР; мастер спорта по лёгкой атлетике. Автор нескольких поэтических книг.

Юрий КОРС

КУЗНЕЧИК

Накрыл беспечного кузнечика
Ладошкою под Курском я...
В песке звезду пятиконечную
Нашёл, дыханье затая.

И сразу словно в воздух пряный
Ворвался «мессершмита» вой;
Солдатский холмик безымянный
Означился вдруг под травой.

Казалось бы, земля залечена,
А всё-таки — внезапный страх:
Ладонь, накрывшая кузнечика, —
Как этот холмик в клеверах.

Земля моя! Кузнечик крохотный,
Комочек маленький, живой,
Да не накроет тебя с грохотом
Война ладонью роковой!

Да не скакнёт с листа, наивный,
Окапав мертвою водой,
Кузнечик радиоактивный
В разжатую мою ладонь.

ВЛАДИМИР ИГОРЕВИЧ КАРПЕЦ родился в 1954 году в Ленинграде. Окончил Московский институт международных отношений. Кандидат юридических наук, доцент. Поэт, писатель, кинематографист.

Владимир КАРПЕЦ

* * *

У нас в квартире, до меня, не ради
Чего-то там, а выжить чтоб в аду,
Но жгли такие книги в Ленинграде! —
В сорок втором ли, третьем ли году.

Топили печку Кантом и Платоном,
Журналы «Нива» — на распылку дров...
А город жил почти последним стоном
В ночи чухонских гибельных ветров.

Так! В час, когда безумствуют стихии,
Который век на гибельной черте,
Чтоб выжить, сжечь себя — удел России,
Но не пропасть в неверной пустоте.

И стыли льды, мосты, кариатиды,
Метель мела вселенские поля,
Воистину — от Перми до Тавриды
Стальной щетиной дыбилась земля.

И подымались к небу клочья дыма,
И застывали в крыше, среди щелей,
Как дивный плат, расстеленный незримо
Там, до меня, над Родиной моей.

ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ АРТЁМОВ родился в 1954 году в Минской области Беларуси. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик, прозаик.

Владислав АРТЁМОВ

* * *

I

Встань из праха, мой далёкий предок.
Светлым духом выйди из огня,
Дай узнать хотя бы напоследок —
Кто я есть? Скажи мне про меня.

Отчего я слова жду тревожно,
Поползли мурашки по спине —
Не убей меня неосторожно,
Помни, предок, кровь твоя во мне.

Дай мне сил разделаться с тревогой,
Устоять и глаз не отвести,
Видел я суровый лик Стрибога:
— Сыне мой, ты на кривом пути...

Низкий ветер заходил над полем,
С ног свалил, к траве меня прижал —
И тогда я всё, что было, вспомнил,
Потому что и не забывал.

II

Вольно, Русь, лежать твоим дорогам,
И на ощупь место отыскал,
Где отец в бою под Таганрогом
Кровь мою, споткнувшись, расплескал.

Не засохла, под рукой дымится,
Жгучая, а я понять не мог,
Отчего мне сон далёкий снится:
«Шли враги на город Таганрог...»

Телом, духом, мыслию и словом,
Предок мой, я вспомнил эту связь —
Из твоей груди на Куликовом
Кровь моя, густея, пролилась.

Брода нет! Не суйся в эту реку —
Захлебнёшься в собственной крови,
Ровно столько, сколько человеку
Надобно, вы дали мне: живи!..

III

Вот она — цела, не убывает.
Льют её — прольют, да не до дна!
Мы забудем — кровь не забывает...
Сын мой, помни: кровь у нас одна.
Может статься, слаб ещё и тонок,
Заплутает в суете и лжи, —
Позовёт тебя к себе потомок —
Ты ему всю правду расскажи.

<1981>

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ШЕЛЕХОВ родился в 1954 году в Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет, Высшие курсы сценаристов и режиссёров и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Живёт и работает в Минске.

Михаил ШЕЛЕХОВ

ОТЕЦ

Сто часов под чужим пулемётом,
Задыхаясь в болотном чаду,
Умирая от жажды и рвоты,
Он глядел на ночную звезду.

И когда подступала могила
И косил по кустам пулемёт,
Улыбалась звезда и манила
Над погибелью талых болот.

Её крылышки тихо звенели
Так печально, легко на лету!
И так пристально, радостно целил
Рыжий егерь в живую звезду.

Набегала всё ближе и ближе
Злая музыка чёрных кустов.
И плескала вонючая жижа
На лицо от промашек стрелков.

И быть может, тогда на рассвете,
Словно отблеск звезды на лице,
Я родился в шестнадцатилетнем,
Под обстрелом лежащем — отце.

И запомнил я эту дорожку
И звезду — как огонь на мече,
И тоскою, и сердцем продрогшим,
И осколком в отцовском плече.

И губная гармошка смерти,
И прицельность чужого огня
Обожгли прежде жизни на свете —
Не рождённого мамой меня!

Я проклюнулся мартовской почкой.
И чтоб выжил я сердцем птенца,
Пронизал меня красною строчкой
Положительный резус отца.

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Он в атаку пошёл, он не знал ничего,
а попал под обстрел, как на чай к сатане.
Персонально из пушки стреляли в него,
видно, очень понравился той стороне.

Как собрали его — по кускам, по частям —
и снесли в медсанбат, он на ладан дышал!

Но сестрицу увидел хорошую там
и, буквально в могиле, к ней клеиться стал.

— У меня организм, — он кричал, — пулемёт!
Я тебя уведу, я тебя украду!
Мы с тобою закатим такой Новый год,
никаким проституткам не снилось в аду...

И сказала ему медсестра по культям,
что поскольку снарядом его разнесло,
надо резать и душу доверить врачам.
Если Бог не спасёт, то спасёт ремесло.

Он шептал неприличные байки сестре
и бессильной рукой за колено хватал.
И никак его смерть не брала на заре,
и никак хлороформ его душу не брал.

Как гвоздями Христа, так ремнями его
прикрутили, распяли на паре досок!
И, как смертнику, чтобы не знал ничего,
нацепили на голову грязный мешок.

И пока его резали — все, кто хотел, —
и бросали в ведро его брENNую плоть,
он зубами прогрыз свой мешок и — глядел,
но сестру заслонял от солдата Господь.

— Отойди! — он хрипел и тарачил белок.
И Господь отходил. И на место его
приходил сатана, чтобы парень не мог
медсестру соблазнить и не знал ничего.

Заорал он: — Снимите свой драный мешок!
Не хватало ослепнуть по вашей вине... —
Но хирург запихнул в него пару кишок
и поставил скобы на дырявой спине.

Поломали пилу, хлороформ извели,
кровь текла из него, как вода — в решето.
Медицинские братья на двор сволокли
две руки, две ноги и ещё кое-что.

Он в мешке поседел, он на свет поглядел
и увидел сестру и её красоту.
— Приходи ко мне вечером! — он прохрипел, —
я тебя уведу, я тебя украду.

И когда уходил навсегда поутру,
как младенец в пелёнки, завёрнут в бинты,
он увёл за собой полковую сестру
по причине великой её красоты.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ КАБАНКОВ (р. 1954). После школы служил на флоте, затем работал парашютистом-пожарным. Учился в Дальневосточном университете; окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, переводчик, критик, эссеист, богослов. Известен также литературной мистификацией: выступил как переводчик и толкователь сочинений «забытого автора XVI века Елифания Пустынника». Живёт во Владивостоке.

Юрий КАБАНКОВ

ЭТА ПАМЯТЬ...

Невозможно понять, невозможно поверить,
чтобы это далекое гиблое лето
к нам во двор заходило гимнастёрку примерить,
а детишки — в орлянку делили галеты...

Колосилась вода в ожиданье парама...
Замусолив устав до последних абзацев,
подходили мальчишки к столу военкома,
поднимались на цыпочки, чтобы к а з а т ь с я.

На пароме весь день не смолкала гармошка;
матерился паромщик, насили причалив.
Собирая с коленок хлебные крошки,
постаревшие беженцы хмуро молчали.

Дети спали вповалку тем сном каменистым,
что знаком только птицам да переселенцам.
Приутихли старухи, уняв гармониста.
И никто не решался спросить про немца.

...Это память — моя!
От добра ли, от худа —
мы германских детишек кормили обедом,

Я кричал.
Но меня не слышали, —
покуда
девять лет не прошло после нашей Победы.

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА ПАЛЕЙ родилась в 1955 году в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде). Пришла в литературу, будучи врачом. С отличием закончила отделение критики Литературного института им. А. М. Горького. Дебютировала повестью «Евгеша и Аннушка» (1990). Прозаик, драматург, переводчик, поэт. Живёт в Нидерландах.

Марина ПАЛЕЙ

SOLDATEN

рассчитайтесь, Soldaten, на «первый — первый»
здесь нету вторых,
ни одного второго!

шаг вперёд, в кулак — нервы,
отвечай, присяге-непонятно-кому-верный:

у тебя есть лошадь или корова?
бриллианты, лучшие друзья девушек?
девушки, лучшие друзья до совокупления?
женщины, лучшие друзья — после?
есть ли хоть одно, наизусть, слезогонное стихотворенье?
фотография Гретхен? банка варенья?
фантазмы для гонки понтов? кураж для вранья?
ждёт ли тебя сума? подсудимых скамья?
машина-квартира-жена-дача-семья?

у тебя, у каждого первого, есть ли — мать?..
но даже это — не факт..
никто наверняка не может этого знать

отвечай же ты, ряженая в камуфляж свинья,
отвечай, лужёная глотка, вертикальная лужа,
отвечай, кучка навоза — без петуха и жемчужин,
не смей увиливать, башкой не качай...
отвечай!

...и вот —
рвётся ответить первый,
каждый первый —
что этот — что тот —
первый, тысяча первый взвод,
раздирая беззвучно, как чёрную яму, — рот,
раздирая, как в мунковском «Крике», рот:
JEDER, JEDER HAT SEJNEN EIGENEN TOD

* * *

идиотизм извилисто, но неизбежно ведёт к войне,
где убийца, он же убитый, платит всегда вдвойне —
ну, как в кафе — за тет-а-тет и себя: такова широта природы...
у беспримесных идиотов в зеркалах безрукой культуры
а потом школьники спорят по поводу воронов и ворон:
то, дескать, разные виды рода — и опосля похорон
более всех радуются поминкам брошенные собаки,
пожирающие блевоту на поле брани и драки
а потом наступает пикантный — кульминационный — момент:
в пять утра грохает в дверь непохмелившийся мент

и элегантно ведёт тебя в бальную залу суда, а потом в тюрьму
а ведомый бормочет: бля, пуля сама... я не стрелял... почему...

ИНФАНТЕРИЯ

когда инфантерия строем шагает,
топорщится ставнями весь городишко,
и зырят, и от умиления тают —
и кумушки, и старики, и мальчишки

у каждого парня — заплечный мешок,
кисет табаку и мошонка семян!
и трезво он чует недолгий свой срок,
и кровью чужою заранее пьян

когда инфантерия строем шагает
и песнь строевую молотит вполсилы,
одна лишь дворняга отчаянно лает:
«дебилы, поленья, скоты, инфантилы!

куда вы идёте, безмозглое племя!»
но с кольями тут мужики выбегают...
солдатам — лить кровушку, слёзы и семя
а пса того насмерть в живот забивают

* * *

вы когда-нибудь видели, как с неба падают люди?
именно падают — без катапульты, сами
не падшие ангелы, пойманные на блюде, —
люди с распахнутыми глазами?

вы когда-нибудь видели, — чтоб то, что с неба летело,
было — не град, не перепёлки, не манные крупы, —
а то, что называют «фрагменты тела»?
вы когда-нибудь видели, как с неба сыплются трупы?

может быть, им на земле не хватило потопа, пули
но смерти, в целом, хватило — каждому, даром
обломки мотора — и детский голос за кадром:
классно шамальнули

ПЕПЕЛ

снегопад сыроват и сер, а потом — светел
но ведь это не снег, а крупный горячий пепел
разве снег, настоящий снег — бывает горячим?
вот плюхнулся, непрогоревшим, помпон ребячий

десятки, сотни тонн пепла — не выдержат плечи
но прежде подломится напрочь мозг человеческий
я понимаю: остыли в концлагере печи
но почему валит и валит пепел, мех овечий?

я понимаю: тум балалайка, тум балалайка,
я понимаю: это большая работа, скрипочка уши режет
сжечь миллионы жизней — это трудозатраты; сыграй-ка
падает снег, падает снег, тумбе ля неже

ПЬЕТА

говоря про погибших героев, поминают вначале и матерей,
раздавленных грузом медалей и похоронок
но кто может знать, каков ужас домашних дверей,
в какие уже НИКОГДА не войдёт твой ребёнок

восхваленья не стоят родимого волоска
чествующие, лучше не поминайте матерей, лучше не поминайте
фанфары беззвучны, бессмысленны — и бессловесна тоска
матери, не рожайте героев — вообще не рожайте

РАНА ДО КОНЦА

Я спасибо земле говорю — рукотворной, тишайшей,
где сучок у берёзки как будто бумагой одет —
мне так видится, да, — дорогой, папиросной, тончайшей...
сувенир из витрины голландских сигар и газет

а берёзы из юности — русская песнь мясорубки,
где в глухих медсанбатах, чьи роты разбиты во прах,
пацаны шутики шутят — и лесом торчат их обрубки
в свеже-белых — и чёрных от крови бинтах

ТИМУР ЮРЬЕВИЧ КИБИРОВ родился в 1955 году в городе Шепетовка (Украина). Из рода терских казаков-осетин; сын участника Великой Отечественной войны, потомственного военного Юрия Запоева; литературная фамилия взята из родовых. Окончил Московский областной педагогический институт. Поэт, прозаик, литературный критик. Публикуемое стихотворение входит в лирический цикл «Сквозь прощальные слёзы» (1987).

Тимур КИБИРОВ

* * *

Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил.

М. Исаковский

Спой же песню мне, Клава Шульженко,
над притихшею тёмной! Москвой,
над сожжённой врагом деревенькой,
над наградой и раной сквозной!

Спой, мой дядя семнадцатилетний,
в чёрной раме на белой стене...
Беззаветный герой, безответный,
как с тобой-то разделаться мне?

Не умею я петь про такое,
не умею, комдив, хоть убей!
Целовать бы мне знамя родное
у священной могилы твоей.

Не считайте меня коммунистом!!
И фашистом прошу не считать!
Эх, танкисты мои, гармонисты.
Спойте, братцы. Я буду молчать.

Пой, гармоника, пой дорогая.
Я молчу. Только пули свистят.
Кровь родная, я всё понимаю.
Сталинград, Сталинград, Сталинград.

Сталинград ведь!! Так что же мне делать?
Плакать плачу, а петь не могу...
В маскхалате своём красно-белом
пой, пацан, на горячем снегу.

Сын полка, за кого же ты дрался?
Ну ответь, ну скажи — за кого?
С конармейскою шашкой бросался
за кого ты на «Тигр» броневой?

Впрочем, хватит! Ну хватит! Не надо,
ну, нельзя мне об этом, земляк!..
Ты стоишь у обугленной хаты,
еле держишься на костылях.

Чарка горькая. Старый осколок.
Сталинград ведь, пойми — Сталинград!
Ты прости — мне нельзя про такое,
про такое мне лучше молчать.

ОЛЕСЯ (ОЛЬГА) АЛЕКСАНДРОВНА НИКОЛАЕВА родилась в 1955 году в Москве. Дочь поэта-фронтовика А. М. Николаева. Поэт, прозаик. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького и ныне преподаёт здесь.

Олеся НИКОЛАЕВА

АДМИРАЛ НЕЛЬСОН

Мама полюбила отца за то, что он был, как Нельсон,
потерявший в сраженьях руку... Сквозняком шестипалым
незнакомый голос захлёбывается в осеннем воздухе: «Кирие элейсон!»
Господи, помилуй же леди Гамильтон с её седым адмиралом!

Дочь их уже не помнит ни Альбиона, ни фольварков, ни фейерверков,
ни тревожной кормы, ни белых ступеней, ни велеречивых названий.
На месте бывшего Лондона — теперь устроена церковь.
На месте флотилии — кладбище затонувших воспоминаний.

Потому что, сгорая, бывшее великолепье
возвращает лишь пепел да негодный подмокший порох.
Да ещё — карабин с неподъёмной якорной цепью,
на которую посадили запах морской, и плеск, и грозу вдалеке, и шорох.

Прокисает вино торжеств. Иссякает жизнь на закате.
Даже дочь становится немолодой: желтизна в букете и плесень в хлебе.
Даже смерть — и та — проходит, оканчивается... В результате
остаётся лишь леди Гамильтон со своим избранником. Да Бог на небе.

АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ БОГАТЫХ (1956–2015) родился в Сибири. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат Горьковской литературной премии (2013) за книгу «Под уездной звездой» (2012).

Анатолий БОГАТЫХ

В ПАРКЕ

Если завтра война, если завтра в поход... —
обрывая рыданиями фразу,
полупьяный калека в аллее поёт —
однорукий циклоп,
одноглазый...
И фуражку, глухую к людским пяткам,
и провал под повязкой незрячий
возмущённые туши гуляющих дам
заслоняют от взглядов ребячьих.
Я смотрю со скамейки вслед пацану.
Как он весел! Ах, как он смеётся!
Мы про наших и немцев играли в войну,
про кого же ему доведётся?..

1979

ВОЛОГДА

В дорогу проводы недолги.
Чужих домов не греет рай,
где Богородица на полке
и Чудотворец Николай.

Где пыль мучная по запечьям
осела памятью разрух,
и смотрит пристальная вечность
глазами острыми старух.

О боль больших и малых станций!
Здесь провожали до путей
кормильца в первую с германцем
и во вторую — сыновей.

...Им по ночам родной, красивый —
и не рождённый снится внук.
Они одни. Они всё живы,
сердец прощальный помня стук.

Проходит жизнь. Уходят силы.
Прекрасна молодость во сне,
где живы все!
Но спят могилы
в чужой и дальней стороне...

1980

* * *

В долгие ночи холодной зимы
снятся холодные долгие сны.

...Смех мне сквозь слёзы твоя нищета,
слёзы сквозь смех мне твоя маета;

горькая зелень каналов твоих
в кости вырастает побегами ив;
кровью великой великих побед
раны дымятся десятками лет,
братских могил оседают холмы;
верные гибнут в изгнание сыны...

В долгие ночи холодной зимы
снятся холодные долгие сны.

...Но — просыпаясь — молюсь над тобой,
над окаянной твоею судьбой,
веря, что в мире безверья и зла
вновь воссияют твои купола;
мне для тебя живота не беречь,
во сыру землю, измучившись, лечь,
в землю, червлённую кровью доднесь,
рядом с другими умолкшими, —
здесь...

1983

НА СМЕРТЬ ОТЦА

Как жить и петь, давно диктует враг.
В сплошном кольце бойцы стоять устали.
Всё проиграли? Всё ушло во прах?.. —
Но мы встаём с колен,

отец, —

и встали!

И есть невещный край, нетварный рай,
в дали незримой — золотой на сини, —
здесь отпускаеши, на жительство встречай
земных заступников, Небесная Россия...

2001

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ВАСИЛЕНКО родилась в 1956 году в городе Капустин Яр Астраханской области в семье офицера-ракетчика. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького и Высшие сценарные и режиссерские курсы. Прозаик, поэт, кинодраматург, литературный деятель.

Светлана ВАСИЛЕНКО

ВОЛЬНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Мой дедушка — сумасшедший.
Он живёт в поселении для сумасшедших,
Которое называется вольным.
Семь километров от станции Миллерово
Мы с мамой едем на автобусе.
А потом идём — сначала клеверным лугом,
Свекольным сахарным полем,
Пробираемся через тёрн
(От вкуса его чернильных плодов
У меня сводит скулы,
А от колючих цепких ветвей
Все руки будут расцарапаны),
Долго идём по нескончаемому
Вишнёвому саду: грачи с клювами,
Испачканными в красном, клейком,
Будто в крови, вишнёвом соке,
Пьяно терзают вишнёвые деревья, —
Ягодами усыпана земля,
Сочится, как свежая кровавая рана.
Я залезаю на дерево и тут же пачкаю
Платье в алом. (Потом, на обратной дороге,
В автобусе одна женщина,
Пристально глядя мне в глаза,
Скажет интимно и загадочно:
— Девочка, а у тебя начались майские праздники... —
И укажет на красное пятно сзади
На подоле моего платья.
Я, не понимая, о чём она говорит,
Почему-то страшно краснею...)
И вот — подсолнухи, их целое поле —
Круглолицых людей с жёлтыми волосами,
А дальше — пшеница: мы с мамой
Заходим в неё, как в воду, —
Маме она по пояс, мне по шею,
Словно плывём по пшеничной
Реке...
Выплываем к белёным длинным хаткам —
Это корпуса психбольницы. В хатах —
Палаты для больных.
Мы садимся за деревянный стол
Под шелковицей. Мама уходит.
Я остаюсь одна. Где-то надо мной, в кроне,
Запутавшись, звенит, как бензопила, оса.
Умолкает. Чернильной кляксой сверху
На стол падает ягода шелковицы. Тишина.
Вдруг из зарослей кустов выбегает
Огромный, абсолютно голый парень.
Увидев меня, останавливается.
Мы смотрим друг на друга, как звери в лесу.

Я впервые вижу обнажённого мужчину.
Он сложен, как бог.
Глаза мои скатываются вниз, туда,
Где у него между ног висит жгучая, стыдная тайна,
Запретный плод. Мы одни, как Адам и Ева...
Услышав голоса, он срывается с места,
Исчезает в кустах. Но с тех пор
Он будет приходить в мои сны,
А через много лет в Музее изобразительных
Искусств им. Пушкина я увижу его —
Он будет стоять там — голый, огромный —
Под именем Аполлона...
Возвращается мать с пожилым,
Коротко стриженным арестантом,
Одетым в тёмно-синюю байковую пижаму,
С пришитым номером 33
Над верхним карманом куртки.
Это мой деда Савва.
Он берёт пачку махорки,
Которую мы привезли ему,
Из газеты крутит козью ножку, закуривает,
Блаженно щурясь на солнце.
Сладкий дым самосада остается в моей памяти
На всю жизнь, как запах счастья и родственного единения:
Мой дед, моя мать и я — мы семья.
Мы вместе, и мы счастливы.
Потом дед ест яйца, сваренные мамой вкрутую,
Лук, хлеб, сало... По его лицу не скажешь,
Что он сумасшедший, просто как будто
Мы навещаем его в больнице,
Простой больнице, где он лежит
С больным животом... Или горлом...
Только он упорно называет меня Маринкой, —
Так зовут его младшую дочь, которой во время войны
Было, как и мне сейчас, — двенадцать...
Мне это не нравится, я поправляю его:
— Я не Маринка, — упрямяюсь я,
Ведь мы хохлы, а хохлы все упрямые, —
Меня зовут Света!..
Натыкаюсь на его неподвижный
Ласковый взгляд. — Маринка, —
Говорит он мне, — Маринка...
— Папа, — уговаривает его моя мама, —
Это дочка моя, Светлана...
Где-то хлопает дверь.
Дед оглядывается. Поворачивается ко мне
И вдруг кричит мне: — Маринка! Ложись! Танки!
Я кручу головой: где танки?
До самого горизонта стоят подсолнухи.
— Немцы! — показывает на подсолнухи дед. —
Ложись!
Он скидывает меня с лавки на землю,
Прикрывает меня собой и страшно кричит:
— Немцы! Нас окружают!
Я вижу его белые безумные глаза и верю,
Что немцы уже рядом, что мы окружены,
И кричу тоже...
Прибегает врач, санитары, курносая Нюрка,
Дедова гражданская жена, тоже сумасшедшая
(Через год, когда дед умрёт, она обмоет его,

А другие больные отнесут на руках его гроб в грузовик,
Который повезет тело деда в совхоз «Красная заря»,
Где его и похоронят родные).
Санитары скручивают деда и тащат его в белёную хатку...
Он оглядывается на меня: — Маринка! Беги! —
Кричит он мне хрипло.
И я бегу. Бегу по пшенице, подсолнухам,
Через вишнёвый сад, терновник, свекольное поле...
Мама догоняет меня на лугу. Рассказывает,
Что во время войны дед партизанил,
Попал в плен к немцам, его расстреливали, чудом выжил...
А после войны кто-то из совхозных сторожей
Пошутил, выстрелил из ружья, — и дед сошёл с ума:
Решил, что вернулись немцы...
Время для него остановилось:
Он воюет с немцами до сих пор.
Мы трясемься в автобусе. Смотрю в окно автобуса.
Всё так же светит солнце.
Всё так же стоят до самого горизонта подсолнухи.
Но время изменилось.
Я вижу, как по полю идут, —
Подминая под себя белые тела подсолнухов,
Накручивая их на гусеницы, вдавливая в землю
Детские желтоволосые головы, — немецкие танки...
Я даже привстаю со своего места,
Я понимаю, что не могу этого видеть, —
Ведь я не сумасшедшая, — но вижу, вижу...
Чужая женщина, сидящая сзади, заглядывает мне в лицо
И, пристально глядя мне в глаза, интимно и загадочно
Говорит мне, что у меня начались какие-то майские праздники,
Показывает на алое пятно на подоле моего платья.
Я страшно краснею.
Прихожу в себя.
Остываю. Снова гляжу в окно. Танков нет.
Понимаю: отныне я, как мой дед Савва,
Могу видеть сквозь время.

12 мая 2008 г.

ПАМЯТИ ДЯДИ

Памяти дяди — Ивана Савельевича Василенко

Дожить до 83-х,
Пройти две войны —
Германскую и японскую,
Выйти из неё героем
С орденом Красной Звезды
На груди
И выбитым немецким снайпером
Глазом.
Похоронить жену,
Взрослого сына,
Младшего брата,
Почти всех ветеранов войны
Их маленького города, —
Долго умирать
На руках у дочери
В окружении внуков,
Правнуков, племянников

И двух состарившихся
Сестёр, одну из которых
Он будет просить дать
Таблетку, чтобы не мучиться, —
Наконец умереть, —
Выбежать мальчиком
Босиком среди звёзд
И упасть на руки плачущей матери.

18 января 2008, поезд «Москва — Назрань»

КАПУСТИН ЯР

Город секретный,
степь да река,
папа в шинели,
мамы рука.
Арбы, арбузы,
дыни, базары,
тут были монголы,
жили хазары.
Тут запрягает
папа ракету,
будто бы тройку
русскую, в небо.
Чтоб от порога
и до порога
звёздной дорогой
промчатся до Бога...
Кровью тюльпаны
лежат на пороге.
Взрыв на площадке.
Змея на дороге.
Ёлка на площади.
Ленин в пальто.
Боженька, милый,
нас пощади!
Низкое небо,
русская речь.
Там, где родился,
там бы и лечь.

3 июня 2007

ОЛЕГ НИКИТИЧ ХЛЕБНИКОВ родился в 1956 году в Ижевске. Окончил математический факультет Ижевского механического института и Высшие литературные курсы. Специалист в области кибернетики, кандидат физико-математических наук. Поэт, журналист.

Олег ХЛЕБНИКОВ

* * *

Урок истории войны.
Майор копается в бумажках,
читает о потерях тяжких,
о героизме всей страны.

Проходим вот и мы войну,
и мы войну переживаем,
а цифры не запоминаем,
не понимаем ни одну.

Не выполосканы в дыму,
не взвешены её весами,
мы помним, как — не знаем сами,
её огней слепую тьму.

А цифры что?..
Майор считал,
что в них всё дело.
И прицельно —
чтоб тему знали полноценно —
по ним вопросы задавал.

Майор был искренен и строг.
Он просто проводил урок.
А то, что сам сожжён войною,
считал он темой иною.

1975

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА КРЮКОВА родилась в 1956 году в Самаре. Окончила Московскую консерваторию и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, прозаик, литературовед; профессиональная пианистка и органистка. Арт-критик, куратор и автор ряда художественных проектов в России и за рубежом. Живёт в Нижнем Новгороде.

Елена КРЮКОВА

САЛЮТ

Над крышами грохочут грозы
Старинной пушечной войны.
Салюта розовые косы
В пучок чудес заплетены.

Салют рассыплется на лица,
На слёзы, возгласы, глаза.
И по цветным щекам столицы
Москва-рекой течёт слеза...

Так радость, чистая, как пламя,
Зажжёт ночной и тёплый мир,
Когда стреляют огоньками
В войну, пробитую до дыр!

И я стою в толпе, как колос
На поле пепла и любви.
И в гуле пушек слышу голос:
«Я пал
за праздники твои».

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ (1957–2016). Родился в Волгоградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, журналист, детский писатель. Жил в Волгограде.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

* * *

Осенний день обмакивает в грязь
Ползущую с плантации подводу
И прочь летит, закатом обагрясь,
И шумную листву роняет в воду.

И сумерек глухой и серый свет
Уже плывёт по хуторам и сёлам,
Сквозь стёкла проникает в сельсовет,
Склоняется над сторожем весёлым.

Он бывший фронтовик. Он одинок.
Он пьёт чаёк из почерневшей фляжки.
Он бодрствует всю ночь. И вместо ног
У старой печки греет деревяшки.

<1986>

* * *

Зачем тебе нежность, дружочек,
Средь грязи окопной и вшей?
Скорее в холщовый мешочек
Пшеничное счастье зашей.
А лучше сумой перемётной —
Ну чем не блаженство, скажи? —
Как лентою той пулемётной,
Широкую грудь обвяжи.
И с богом дорогой острожной!
Присядешь потом на пенёк —
А день-то какой осторожный,
Какой распогожий денёк!
И ворон гуляет во фраке —
Не бойся, не будь дураком:
Кругом не враги, а овраги,
Не люди, а звери кругом.
Ни веточка не встрепенётся,
Глотай себе горюшко ртом —
И жизнь невзначай обернётся
Лукавым чеширским котом.
Припомнишь, от счастья хмелея,
Что ждёт тебя — кружку до дна! —
Не Лета и не Лорелея,
Россия, Россия одна.
И пусть тебя вскоре, как липку,
Дорожная жуть обдерёт,
Но ворон запомнит улыбку
И сладкие слёзы утрёт.

<2001>

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПОПОВ родился в 1957 году в Харькове (Украина). Окончил сельскохозяйственный техникум и Литературный институт им. А. М. Горького, где ныне преподаёт. Поэт, прозаик.

Михаил ПОПОВ

ОКОП

Мерещится запах нагретой коры,
шуршит прошлогодняя хвоя,
и заросли тихо трещат от жары.
Мы бродим,
нам скучно,
нас двое.

Мы бродим, участвуя в играх теней,
ломая их строй мозаичный.
Уходим с поляны,
забыли о ней,
мечтаем о земляничной.
И вот повезло:
безымянный бугор,
окоп,
сколько ягод!
Как жарко!
Присядем, и ягоды блещут в упор;
мы ждали такого подарка.

Я ел, вытирая пылающий лоб,
но что-то мне смутно мешало,
и мысль возвращается к слову «окоп»,
и жилка слегка задрожала
на потном виске.

Я привстал,
тишина
как будто за мною следила.
Охота на ягоды разрешена!
Но сосны и с фронта и с тыла
стояли в таком,
я сказал бы,
строю,
что мой осторожный приятель
ладонь к землянике направил свою
как будто миноискатель.

«Окоп» —
это слово волненья полно,
внезапный наш страх непривычен.
Мы тихо сидим,
улыбаемся,
но
не трогаем земляничин...

БОРИС ФЕДОРОВИЧ КОЛЫМАГИН родился в 1957 году в Тверской (тогда Калининской) области; окончил Горный и Литературный институты в Москве. Поэт, публицист, один из участников самиздатского альманаха «Список действующих лиц». Автор поэтических сборников, а также книг религиозной проблематики.

Борис КОЛЫМАГИН

ВETERAN ВОЙНЫ

Крыша-сугроб. Заплетается дым. За калитку
выйти, кряхтя, до колодца — скользит.
Ну-тка. И Жучка в ногах — постарела — прибытку
мало, а вот же, жмётся, скулит.

Солнце на лето и снегу нападало — хватит
яблоням. Да, обещал в воскресенье Лука,
спилим сушину, на тракторе к дому подгащит.
Сын. Говорил что подъедет, поможет тогда.

Дом пятистенный, косится, но прибрано, чисто.
Старый диван, фотографии в рамке в углу:
трое сынов, два — погибшие — в форме танкистов,
Марья Антонна, жена, подает угощенье к столу.

Ночью, ну что же, за семьдесят, возраст, не спится.
Раньше, бывало, с ребятами в лес далеко
выйдем чуть свет... ноги вот на... поясница...
Во поле чистом под месяцем дуб широко.

МИХАИЛ РАДОМИРОВИЧ ГАВРЮШИН родился в 1957 году в Ворошиловградской (Луганской) области Украины. Работал на шахте, на заводе, грузчиком. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Михаил ГАВРЮШИН

РУШНИК 45-го

Там в ноги дубам падал рекрутский ранец,
углы простирая на стороны света.
Июльского неба фруктовый румянец...
Любимая, где я оставил всё это?
Едва обкромсал полковой парикмахер
мои допризывные буйные грёзы,
ты ухом прильнула к остывшей рубашке,
и стихли на время железные грозы...
Колосья пехоты взошли в рукопашной,
сцепив обожжённые криками губы.
И падали колья контуженой пашни...
И падали скошенные однолюбы...
Снегами просторное ложе остыло,
седыми дождями коса расплеталась.
Родная, зачем ты меня отпустила?!
Родная, зачем ты меня дожидалась?!
Пришёл... со свинцовыми орденами...
Меня ты омыла колодезным взором...
И вышила поле полтавским узором,
вишнёвую кровь добавляя в орнамент!

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ВЕДЕНЯПИН родился в 1959 году в Москве. Окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков. Поэт, переводчик.

Дмитрий ВЕДЕНЯПИН

* * *

Мои друзья похожи на солдат,
Но только не на тех молодцеватых,
Подтянутых, немного хамоватых
Весельчаков, чей разудалый мат
Так бесподобно меток и богат;

А на таких, которые глядят
Растерянно и чуть подслеповато,
Пилотка им обычно маловата,
Штаны на них, как правило, висят.

На фронте, поднимаясь по приказу
В свой первый бой, они весьма жалки.
Как правило, их убивают сразу,

Чтоб после у подвёрнутой руки
Наткнулись — так поэт находит фразу —
На чудом уцелевшие очки.

1986

«Войны не знали мы, и всё же...»

СЕРГЕЙ ВЛАДЛЕНОВИЧ СТРОКАНЬ родился в 1959 году в городе Новомосковске Днепропетровской области. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ. Поэт, журналист-международник. Живёт в Москве.

Сергей СТРОКАНЬ

* * *

О войне
не бывает легко завоёванных строк,
ведь писать — как сражаться —
и сила нужна, и отвага;
вдруг покажется — схлынули беды,
осознан итог,
но рука всё никак не решается тронуть бумагу...
Я на крышах московских
в бомбёжку пожар не тушил,
тошнотворно сирена
над жизнью моей не гудела,
напряженье земли —
всех её нерастраченных жил, —
без меня,
нарастая в глубинах, достигло предела.
Как писать,
если страшным огнём не проверен мой стих?
Пересказывать книги?
Нет, так не приблизиться к теме...
Припадая к земле, слушать гул — он ещё не утих...
Сердце сжалось,
и снова готово к прыжку через время...

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ ПРОКОШИН (1959–2009) — поэт. Родился в Калужской области. Учился в городе Ермолине в ПТУ по специальности «электрик», служил срочную армейскую службу в ГДР. Жил в Обнинске.

Валерий ПРОКОШИН

* * *

Мы легко нарушаем границу обычной любви под воздействием опия.
И в запретном пространстве на глупый вопрос: “Was ist das?”
Я вокруг озираюсь, и вдруг понимаю, что прошлая жизнь — только копия.
Настоящий роман начинается здесь и сейчас.

Мы сжигаем одежды — и в пламени лица мерцают безбожными ликами.
Я по старому шву разрываю мистический рай:
Наша жизнь наполняется лаем, стрельбой, рыданием, молитвою, криками,
И разбуженный Штраус выплясывает: «Ein, zwei, drei...»

Я — полночный портье, и, целуясь с тобой, прижигаю соски сигаретою,
А потом твою плоть обжигает невидимый кнут.
Ты смеёшься в ответ — и схожу я с ума, наслаждаясь картиною этою,
Прижимаюсь к тебе и кричу: «Alles!.. Alles, kaputt!»

И когда завершаются все превращения: ну, например, головастика —
В лягушонка, а встреча с Христовой невестою — в стих,
У тебя на плече сквозь наколку креста проступает фашистская свастика,
И ты шепчешь мне на ухо ласково: «Ich liebe dich».

ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ИЛЮХИНА родилась в Ленинграде в 1961 году. Поэт. Одна из основателей и организаторов ежегодного международного литературного фестиваля «Петербургские мосты».

Галина ИЛЮХИНА

* * *

Сиреневый туман, кругом трава по пояс.
Эх, наша степь да степь, колючки да бурьян.
В заброшенном депо качнулся бронепоезд,
и музыкант рванул заждавшийся баян.

Над родиною дым, и гарь до горизонта.
Над тамбуром горит багровая звезда.
Так пой же, инвалид бессмысленного фронта,
безвременный герой сизифова труда.

О, как ты запоёшь, моя страна родная,
под заржавелый лязг запасного пути!
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает.
Ещё один звонок — и паровоз летит...

СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ БУРДЫГИН родился в 1962 году в Оренбурге. Окончил филологический факультет Оренбургского педагогического института. Работал учителем русского языка и литературы, журналистом. Живёт в Оренбурге.

Сергей БУРДЫГИН

1941-й год

До Оренбурга
не дойдёт война.
У Волги
остановится она.
И город наш,
спокойствие храня,
не будет
задыхаться от огня.
Не станет древний
двор наш Меновой
казармой
для солдат страны чужой.
И не один
не упадёт снаряд
на этот дом,
на молчаливый сад.
Тропинка,
по-осеннему нага,
не вздрогнет
от чужого сапога.
И стены сохранят тепло.
Но похоронка
выстрелит в стекло.
И закричит
немая тишина.
И почтальон
отпрянет от окна.
И город эхом примет
этот крик
и станет
Брестской крепостью на миг...
И никогда на улицах его
я не увижу
деда своего.

<1987>

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ФАНАЙЛОВА родилась в 1962 году в Воронеже. Окончила медицинский институт и университет (отделение лингвистики). Радиожурналистка, поэтесса. Живёт и работает в Москве.

Елена ФАНАЙЛОВА

ПАМЯТИ ДЕДА

Я как солдат приходя с войны говорит *жены*:
Проверь мне полные карман*ы* набитые ржи
Поддай нам полные стакан*ы* налитые ржой
И больше не исчезай
Но я опять уходить должен
Хотя за окнами держится пурга
Я видел дюны и облака и ты не помнила кулака
Поддай огоньку и скажи мне песню про ямщика
Скажи моему старику пускай бережёт
На стадионе уже свистят и слышны хлопки
Мои товарищи у стены
Когда мы двигали зоопарк как за горизонт
Как волейбол, волшебные шахматы, городки
И артиллерия рассказала за всё вздохом
Я грыз янтарь, а ты казалась за бирюзой
И больше меня не спрашивай, не терзай
Их англичане зарыли в землю по самый лоб,
Забрили склеп, положили грудю валуны
Они стояли на своём, отчётливо так видны
Я помню кости, сжатые добела
Я знаю о чём говорю, наложив в штаны,
Пока другие праздновали Берлин.
Я ехал кумом и королём, и мы по третьей нальём
За всех, кто стали гнильём.
А та, что приедет потом с дитём — её прогони,
Но матом не нажимай и мне ничего не скажи,
Поскольку битва шла не только за урожай.
Я как солдат прихожу домой и ни боже мой
Такая стоит надземная тишина
Хоть делай ремонт, хоть смотри в трюмо
Хоть в раме дверной
Накроет оно: кто я здесь и кто здесь он

ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ ВИШНЕВЕЦКИЙ родился в 1964 году в Ростове-на-Дону. Окончил филологический факультет МГУ. Поэт, прозаик, редактор, литературный деятель. С 1995 года преподаёт литературу, языки и историю музыки в США.

Игорь ВИШНЕВЕЦКИЙ

СУМЕРКИ САРМАТОВ

Евгению

Seele,
voll Dunkel, spaet —
Johannes Bobrowski,
Die Sarmatische Ebene
Душа,
полная тьмы, поздно... —
Иоганнес Бобровский,
Сарматская равнина

I.

САРМАТИЯ

Солнце сырое дымится над серой степью: Танаис, мёрзлый песок. Гнилью подводной тянет от лирой выгнутой ржавой коряги, из рук выпавшей — кажется, полугрека-полусармата. Не всё ли равно, чей нам язык забывать из века прошлого: взрезав ножом вино или кумыса меру, что влиты в мехи промёрзшие? Здесь птерофор снежный приклеит к земле копыто и остудит тяжёлый пар из ворсистых ноздрей. Едва ли этому дню будет всадник рад, если трещит под копытом в оскале смерти исклёванный череп, чад вверх от реки подымается. Вздёрни повод тяжёлый, боком — к воде: то не камыш, не живые корни дуба вверху над обрывом, где сам ты, ощерившись хищно, — где я сам, рукавицей прикрыв глаза, вижу не мир, где течёт темнея Стикса степного стремнина; за тёмной рекой, маслянисто-блесткой можно увидеть: над ржавым льдом ночи начало и то, как ветрено-резкий ещё на востоке дымит окоём.

II.

За Меотийским озером, где выросал и я, степь ледяная недвижна — даже в сухую пургу; вдоль побережия смутного несолона полынья, и легко различимы лисьи следы на снегу,

припорошившему ломкий наст на курганах: на них ни серебристый тополь, ни кипарис не шумит. Лишь полуночные крики здесь отличают живых хищных насельников степи — сов, ястребов — от черноты тьмы безъязыкой. От озера, глядя в глубь степей, видишь, как мёрзнут протоки, как застывают струи ветра, как гаснет солнце в ледяной скорлупе, двигаясь сонной рыбой в воздухе полыньи рек и тумана. Ломко даже сознание твоё. В замеотийские степи разве безумец какой конный ли, пеший отправится; впрочем, и небытие там из протоков встаёт как безначальный покой.

III.

Ястреб перелетает крича
мёрзлую реку, скрываясь во мглу
лилового пара; если сплеча
рубишь лозу и в уголья, в золу
костра невысокого — едко дымит —
бросаешь в сосульках прутья, едва
ли можно надеяться, что прогорит
каждый из них, дав тепло. Голова
увенчана шапкой, с височных колец
свисают сосульки, и лёд на бровях,
и даже ветер молчит, как мертвец,
в стеклянных травах, в чёрных дубах.
Див только кычет, Сварога зовя
с яркого запада в здешнюю стынь.
От лисьих мехов тяжело голове.
Костёр разъедает глаза. Конь
ушами прядает, словно он
мог бы ответить на голос дневной
совы — впрочем, кто его знает; сон
объемлет сумрак степной.

IV.

КАРТА СТЕПИ

На середине жизни легко
сознавать, что снег — это седина
мёрзлой природы, что под рукой
крепки поводья, и что в стремяна
входит ладно нога твоя, как
если бы ты родился в седле,
что если пепел сжимает кулак,
то от крови тепло золе
костра прогоревшего, что это ты
даришь равнинам на дни пути
дыханье и лимфу, свои черты,
сны и названья, и даже те
змеенья лучей, от которых зрачок
с трудом остывает, — нет уже
ничего чужого; счищая с сапог
наледь, заметишь вдруг на ноже
осколок раковины. Давно
море ушло из курганных мест,
но если влажно и солоно
зренью — будет усеян наст

моллюсками смёрзшимися, скорлуп
лопнувших грязная белизна
блеснёт зрачкам; не изморозь с губ
потрескавшихся — вытрешь соль. Волна
пара откатывает, ртом
глотаешь колючий воздух, держа
нож в рукавице, глядя усталым зрачком
на то, что упало на снег с ножа.

V.
SARMATIA ASIATICA:
A.D. 1942

Рифейские горы охватывают с запада,
и с севера, загибаясь как лук
в руках воина белой равнины,
чье лицо в морщинах рек —
Танаис, Ра —
и седло — Кавказский хребет.
Раздуваются ноздри коня на Эвксин, к Меотийскому озеру,
покуда хищно,
развернувшись на запад,
целит воин из лука хребта,
и над лисьей шапкой
в перистом влажном ветре —
словно сны — становища лошадеедов,
амазонок, теней
колеблют его
боевую посадку.
Эта равнина открыта для всех,
и может любой,
сбивши в кровь плохо обутые ноги,
про себя сочинять железные строфы
о сарматских ветрах, глядя на ледяной саркофаг,
сковавший трупы коней и колёса машин,
над которым
грят чёрные птицы.
В солдатском мешке
каменный хлеб и опорожнённая фляга,
отморожены пальцы и ослепли от снега зрачки;
на все стороны света — льды, затенённые
бьющим в спину вечерним солнцем
от дымящего Ильмень-озера до курганной равнины,
где стоит
душа его, полная тьмы.

2000, январь

ВАЛЕРИЙ ФЁДОРОВИЧ ДУДАРЕВ родился в 1965 году в Москве. Окончил филологический факультет МПГИ им. Ленина. Поэт, литературно-общественный деятель.

Валерий ДУДАРЕВ

НА РАСКОПАХ

На раскопах тревожит птица
Потускневшие письма.
Но не в силах с землёй проститься
Улетающая страна.
От обыденности прогорклой
Напрягаются желваки.
Посмотри же!

Над тем пригорком
В предосенье дожди легки!
Посмотри же!

Под той раkitой,
Где степной завершился бой,
Наши пращурь позабыты.
Позабыты и мы с тобой!
Дождь!

Под ветлами,
под раkitой
Вековечная тишина.
Но какой-то страной забытой
Наша чудо-страна полна.

2011

СЕНЬ

Россия не поёт.

Россия умирает.
Как мертвенно-бледны! — и брошены стога.
Безропотны леса...

И время замирает...
Ужели эта Русь была мне дорога?

Напрасно горевать, попутку ожидая, —
Отсюда не сбежать, не вырваться уже.
Лошадка на холме — понурая, худая,
Да несколько лачуг на дальнем рубеже —

И всё!

И так везде — без смысла, без подвоха
На сотни долгих верст, на сотни гиблых мест
На всех одна душа, на всех одна эпоха,
Лошадка, и стога, и лунный перекрест.

Кого искать в полях?

Пророка?
Скомороха?
Деревня умерла — не плачет, не болит.
Лишь у колодца хмур, лаская кабыздоха,
Далекой той войны последний инвалид.

2013

ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПУХАНОВ родился в 1966 году в Киеве. Учился в школе-интернате, служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт, литературный деятель.

Виталий ПУХАНОВ

* * *

Я убит подо Ржевом, но только убит
И поныне стою под прицелом.
Вот ещё один волос, в хребте перебит,
Стал единственным и драгоценным.
Вены я перерезал садовым ножом,
И они проросли, как сумели.
Утром судного дня я покинул Содом,
Посмотреть, как цветут иммортели.
От счастливой судьбы, от красивых людей
Я вернусь молодым и любимым,
Чтоб клевал мою кровь на снегу воробей,
Как застывшие капли рябины.
Чтоб леталось легко по земле воробью
И душа не просилась на волю,
Потому что тогда я его не убью
И другим убивать не позволю.

1999

ОЛЬГА ПЕТРОВНА ЛЕБЁДУШКИНА родилась в 1966 году в селе Турки Саратовской области. В юности дебютировала как поэт. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук, доцент.

Ольга ЛЕБЁДУШКИНА

БИБЛИОТЕКАРША

Пускай никто не помнит молодой
Старушку, что спешит в библиотеку,
И мир, омытый талою водой,
Уже так близок к будущему веку.

А к ней война является во сне,
Как память о боях и артобстрелах,
О юности, о дружбе, о весне,
О горе деревенек обгорелых.

О вкусе почерневших сухарей,
О песнях, спетых от души и просто.
И о подругах тех далёких дней,
В шинелях, сшитых явно не по росту.

Потерянных любимых и друзей
Собой не замещают даже годы,
И памяти накал ещё красней
Сквозь мелкие заботы и невзгоды.

И средь библиотечной тишины
В глазах библиотекарши-старушки
Вдруг девушка посмотрит из войны,
Посмотрит, улыбаясь, из теплушки.

И молодым согретые теплом,
Морщинки, словно тонкий лед, растают.
Мальчишки, наклонившись над столом,
Зачитанные «Подвиги» листают.

А за окном синее неба гладь,
И дали без тревог и без печали.
Какое счастье — книжки выдавать,
Чтоб лишь из них
войну мальчишки знали.

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ПОЛЯНСКАЯ родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила С.-Петербургский медицинский институт им. И. П. Павлова. Поэт, переводчик с польского и сербского языков.

Екатерина ПОЛЯНСКАЯ

* * *

*Памяти моего деда
Александра Яковлевича Смородинского*

Дед воевал на Невском Пятачке,
В живых остался чудом, слава богу.
Жил налегке, и умер — налегке,
И ничего не взял с собой в дорогу.

И всё же — взял. О том, как воевал,
О том, как трудно шёл от боя к бою,
Не рассказал. Он память оборвал,
И целиком забрал её с собою.

И вот, в привычной жизни на бегу,
По пустыкам растрачивая силы,
Простить себе никак я не могу,
Что ни о чём его не расспросила.

«Войны не знали мы, и всё же...»

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КЛИМОВИЧ родился в 1967 году в деревне Игнатовка на Лидчине (Беларусь). Окончил театрально-художественный институт. Поэт, журналист, редактор.

Владимир КЛИМОВИЧ

ФОРМУЛА:

(1 — 1/3) (1 — 1/3)

Формула нехитрая:
В Витебске оставлено
Справа — после Гитлера,
Слева — после Сталина.
Вычисли по формуле —
Что в итоге значитесь?
Выйди в пустошь, во поле —
Чья желейка плачется?
Витебщина родная —
Не гора Поклонная...
Спят «враги народные»,
Спят бойцы Заслонова.
Не могилы братские —
Захоронки тайные —
То следы пиратские
Гитлера и Сталина.
Тропами муравьями,
Как полями минными,
Бродит память давняя
Между ста Хатынями...
Миллионголазая
Боль непроходящая
Сверлит души-разумы
Правнуков и пращуров.

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ МАРКИН (псевд. Павел Маркин (ЁЖ)) родился в 1968 году в городе Канске Красноярского края. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького (поэтический семинар И. И. Ростовцевой). Поэт, художник.

Павел МАРКИН (ЁЖ)

* * *

Землянка мне открылась: в сопке склон
размыл ручей... Я без мандата... Был
армейский склад, но штык, одеколон —
остались, словно кто-то их забыл,

а я держу в руках сороковых привет
в восьмидесятом... Это ж скоко лет!
Воображенье застит белый свет.
Ням-озеро, ищу всё пистолет,

но здесь бродили часто, да меня
уверенность грызёт, мол, повезёт,
и, сердце страхом смерти камня,
мол, если на «встревожку» склон сползёт —

карельскую берёзку взял с собой,
с таким расчётом — выставить стоймя.
Пролез с чужой столкнуться здесь судьбой,
себя осмыслить, времище наймя...

Не отдавали п-я-д-и — не отдам,
пора придёт, и казаки вернут
(а здесь на Кольском вопреки ордам
поморы не ломаются, ак гнут).

Все строят «светлый коммунизм», та вне
И света нет, и я не понимал
с чудесной грозной силой наравне
меня на плёнку радостно снимал

фотограф памяти, с мандатата: был
я в прошлой жизни тут... Одеколон
и штык рассеянно — в бегу — забыл...
вот-вот сползёт, придавит бившесть склон.

И я рванул, опять забыв трофей,
а выскользнув, услышал вслед обвал,
но заглушил его в верхах Орфей,
который будущность мне выпевал.

08.04.2009 в 14-30

МАРИЯ ОЛЕГОВНА ВАТУТИНА родилась в 1968 году в Москве. Окончила Московский юридический институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Поэтесса; редактор.

Мария ВАТУТИНА

КРЁСТНАЯ

Памяти В. И. Ложкиной

Сегодня в ночь в Немецкой слободе,
В Елохове, в пятиэтажном доме
Не быть беде, не быть, не быть беде
И ничему не совершаться, кроме

Постукиванья ветки о стекло,
Свеченья ночника и дребезжанья
Посуды в горке. Крёстной ремесло
Ревнивое, слепое обожанье

Четырехлетней крестницы. Родня
И рада сбегать девочку, покуда
Дежурства, и разводы, и грызня,
Тем более у девочки простуда —

Наверно, от нехватки теплоты...
О нежность нерастраченная, ты ли
Дрожишь в улыбке нянюшки! В могиле
Её младенец, но из мерзлоты

Давно не ропщет Витенька. Стеная
О материнстве, прерванном войной,
Одна лишь Богородица стенная
Да крёстная склонились надо мной.

Легка и горяча её ладонь,
Которую и вечность не остудит.
Ребёнок спит. Горит вдали огонь
Богоявленский. И беды не будет.

2000

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КАБАНОВ родился в 1968 году в Херсоне (Украина). Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Поэт, литературный деятель. Главный редактор журнала культурного сопротивления «ШО», один из создателей украинского слэма.

Александр КАБАНОВ

* * *

Во тьме виниловой — скрипит январский лёд,
колени в ссадинах, бинты, зелёнка, йод,
и музыка пехотного полка —
коньками поцарапана слегка.

И потому, в припеве о войне:
«умрём» — звучит отчетливо вполне,
и лишь слова: «отечество... тюрьма...» —
виниловая сглатывает тьма.

Казалось бы — ещё один повтор,
и ты услышишь: «Камера! Мотор!»,
как будто там снимаются в кино —
оркестр и сводный хор из Люблино.

Брюхаты водородною тоской,
блуждают дирижабли над Москвой,
стукач берёт жену на карандаш,
и мясорубка, и походный марш.

Солдат из фляги делает глоток,
на Патриарших — праздничный каток...
...нахлынет ветер с кровью и золой
и обожжёт Неглинку под землёй,

и выползет сигнальная звезда,
и мы увидим: здание суда,
прокуренные зубы мертвеца...
Мерцает и мерцает, и мерца...

ВЫХОД ИЗ КОТЛА

Мой глухой, мой слепой, мой немой — возвращались домой:
и откуда они возвращались — живым не понять,
и куда направлялись они — мертвецам наплевать,
день — отсвечивал передом, ночь — развернулась кормой.

А вокруг — не ля-ля тополя — заливные поля,
где пшеница, впадая в гречиху, наводит тоску,
где плывёт мандельштам, золотым плавником шевели,
саранча джугашвили — читает стихи колоску.

От того и смотрящий в себя — от рождения слеп,
по наитию — глух, говорим, говорим, говорим:
белый свет, как блокадное масло, намазан на склеп,
я считаю до трёх, накрывая поляну двоим.

Остаётся один — мой немой и не твой, и ничей:
для кого он мычит, рукавом утирая слюну,

выключай диктофоны, спускай с поводков толмачей —
я придумал уют, чтоб загладить чужую вину.

Возвращались домой: полнолуния круглый фестал,
поджелудочный симонов — русским дождём моросся,
это низменный смысл — на запах и слух — прирастал
или образный строй на глазах увеличивался?

* * *

Я люблю — подальше от греха,
я люблю — поближе вне закона:
тишина укуталась в меха —
в пыльные меха аккордеона.

За окном — рождественский хамсин:
снег пустыни, гиблый снег пустыни,
в лисьих шкурках мёрзнет апельсин,
виноград сбегает по холстине.

То увянет, то растёт тосква,
дозревает ягода-обида:
я люблю, но позади — Москва,
засыпает в поясе шахида.

Впереди — Варшава и Берлин,
варвары, скопцы и доходяги,
и курлычет журавлиный клин
в небесах из рисовой бумаги.

Мы — одни, и мы — запрещены,
смазанные кровью и виною,
все мы вышли — из одной войны,
и уйдём с последнею войною.

2013

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ ВОДЕННИКОВ родился в 1968 году в Москве. Окончил филологический факультет Московского государственного педагогического института. Много экспериментирует с синтезом поэзии и музыки.

Дмитрий ВОДЕННИКОВ

* * *

Самая большая глупость, которую способен ляпнуть поэт, — это сказать, что он может всё сам написать. Нет, он может дать только сгустки, где бродит сиреневый свет, а всё прочее сделают — голоса.

Не какие-то там безымянные, а обычные: Коли и Миши, очень даже конкретные, с документами и с паспортами... Они приходят с войны — и заполняют книжки слабым мужским мяуканьем, детскими голосами.

...Мы лежали с тобой однажды — в долгих сумерках на кровати, и я не мог отвести взгляда от долго гаснущего окна, (на тебе было белое платье, обыкновенное летнее платье): и ты сказала: этот чертов закат сводит тебе с ума.

Но дело в том, что каждый имеет право — на свою особую личную рану, о чем нас предупредили честно — лет пятьдесят назад: — Я, выживший русский солдат, не лягу с немцем Иваном. — Я мертвый немецкий солдат, но тоже не лягу с Иваном. — Война поросла быльем: все умерли и лежат.

Жизнь проходит. Война проходит. Любовь проходит. В Нью-Йорке вишни цветут, над Питером бродит гроза. Но всё, что осталось от нас (в том числе и от нас тобою), огромная медленно гаснущая оранжевая полоса.

Ты хотела до нас докричать свою красную кровную рану, я пытался тебе рассказать о своей мужицкой вине, но никто не скажет нужного слово (как тому дураку ивану, а ведь он совсем надорвался на той войне).

...Так вот — я хочу сказать, когда мы смешаемся в прахе (тесней, чем когда-то при жизни), спасибо тебе за всё: за медленно меркнущий свет, за белое твое платье за летнее твое платье, за бессмертное платье твое.

2007

МАКСИМ АЛЬБЕРТОВИЧ АМЕЛИН родился в 1970 году в Курске. Служил рядовым в армии. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Поэт, переводчик, издатель, литературный деятель.

Максим АМЕЛИН

* * *

Что повторяться? — Больше, чем надо,
сказано — сделано — спасено
от сокрушения и распада, —
спелое в землю легло зерно.
Всходы проклюнулись из-под спуда, —
их не сломали ни жар, ни холод,
Бог сохранил от лихого люда,
толп насекомых и диких стад.
Враг за врагом — суета пустая,
ибо, со древа упав, листва
не истощается, нарастая, —
нет нощеденства без ликовства!
Пламя заставило литься воду,
влага сподвигнула жечь огонь,
а величавых созвездий ходу —
ни преткновения, ни погонь.
Мудрому сумерки по колено, —
им утверждают без труда,
вновь из-под пепла восстав и брена,
все погребённые города.

2001

* * *

Каждый божий день, кроме выходных и праздничных,
когда без надобности особой смысла нет
из дому выдвигаться в сторону центра,
с невыносимым скрежетом, скрипом, сипом,
визгом и лязгом, царапающим и дерущим насквозь
барабанные перепонки, на сумасшедшей скорости
поезд подземный привычно пронесит меня
мимо того самого места, между «Автозаводской»
и «Павелецкой», где моего приятеля, не из близких,
тихого человека и семьянина, каких ещё поискать,
собутельника мирового и страстного книжника,
ни гроша не стяжавшего честным себе трудом,
Борю Гелибтера (помяни в молитвах имя его, живущий!)
разорвало в куски во время взрыва шестого
февраля две тыщи четвёртого года от Рождества
Христового, в пятницу, в тридцать две минуты девятого,
едущего на работу в утренний час пик,
не подозревая, что ему, бедолаге, за пятьдесят четыре
дня до сорокатрёхлетия в самое средоточье
угодить (о случайность бессмысленная!) суждено,
и приходят мне в голову то проклятия гневные:
«Тем, кто отдал, не дрогнув, страшный приказ, и тем,
кто, сознавая и ведая, что творит, исполнил,
пусть не будет покоя ни на том, ни на этом свете,
ни в холодных могилах, ни в жарких постелях телам

их не спится, а душам готовится кара сугубая!» — то смиренные мысли о том, что непостижим человеческому разумению небесный промысел тайный и к нему подступаться с мерой земной бесполезно, что рождение смертных, жизнь и кончина в руках у Творца, всех блаженных Своих обратно зовущего: «Да пребудет благословен возлюбленный мной!» — то предчувствия смутные, мол, если общего дела философ окажется прав и точнейших данных для грядущего воскрешения понадобится цифирь, можно будет её почерпнуть отсюда, и в опровержение горьких слов иного мыслителя доказать, что поэзия после Освенцима и ГУЛАГа, кровавых революций и войн, Хиросимы, Багдада, Нью-Йорка может быть, но какой? — кто знает, — возможно, такой.

2010

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ МОЕГО ДЕДА

Мой дед,
капитан Максим Амелин,
командиром тяжёлого бомбардировщика
был во время войны,
немало вражьих танков
покорёжил и сплющил с воздуха
на Курской дуге,
небо Восточной Европы
хорошенько за два года исследовал,
смерть и жизнь
нося в самолётном чреве,
семена разрушения и созидания,
а затем,
по взятые Берлина,
его в темпе вальса перебросили
на Дальний Восток,
к мутным Амурским волнам
и затуманенным сопкам Маньчжурии, —
там-то с ним
судьба и сыграла в рулетку,
то ли в русскую, то ли в американскую:
в один из дней,
отбомбившись, на базу
возвращался сквозь хмарь и непогодь,
видимость — ноль,
и летучая крепость
в сопку, сумраком занавешенную, врезалась
на полном ходу, —
грозная машина — всмятку,
все, кто был на борту, не минули гибели,
и только дед
выжил каким-то чудом,
отделавшись переломами и сложной контузией.
Больше он не летал —
списали на землю, а в небо,
чтобы не вспоминать, и не посматривал.

2015

ОПЫТ О ПАМЯТИ

Три года тому на обратном
из Рудни в Смоленск,
узнав, что оно
здесь именно и находится,
всего в двух шагах от дороги,
в сосновом бору,
проехать не смог
я мимо страшного кладбища.

Наверно, на выборе места
сказалось, что лес
погибельный близ
железнодорожной станции
с названием «Катынь» зловещим:
удобный подъезд
к распахнутым рвам,
невидимым за деревьями.

Развилка. Сквозные ворота
на три стороны:
направо пойдёшь —
поляки, налево — русские,
а прямо — черта межевая.
Сначала — чужих,
потом, перейдя
рубеж, и своих проведу.

У них все посчитаны точно:
на скорби стенах
являет металл
фамилии, даты, звания;
у нас — безымянные тыщи,
о коих гласят
огромнейший крест
и надпись: «Могила братская».

Кого поминать? — непонятно,
молиться о ком? —
неведомо, — все
слились в безликое множество,
как будто бы память о каждом
расстрелянном тут
живым не нужна,
а мёртвых лишили голоса.

2015

«Войны не знали мы, и всё же...»

дети тех, кто служил с тобой в эскадрильи
такие подросшие дети
они так и не дождались от тебя продолжения
истории о Маленьком Принце
хотя какое у неё может быть продолжение?
ведь это история — без конца

тебя-то в том самолёте — не было...

2004–2005

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ БУТЯГИН родился в Ленинграде в 1971 году. Археолог, специалист по античной культуре. Участник литобъединения Н. М. Слепаковой. Работает в Государственном Эрмитаже.

Александр БУТЯГИН

НЕКОТОРЫЕ ПРЕТЕНЗИИ К ГИТЛЕРУ

Им не дали даже их мелкую жизнь прожить,
Где домой с работы (а между — пивной ларёк),
Чтоб под репродуктор, жующий резину лжи,
Что-то пить из кружки, пусть водочку, пусть чаёк,

Где жена зарплату по брюкам ищет в ночи,
А детей чумазных не помнишь, зачем нарожал,
Где по морде можно от радости получить,
И на двор под вечер не выглянешь без ножа.

Там, где отдых ясен — рыбалка и шашлыки,
Где от школы нужно до пенсии дотянуть,
Чтоб потом тянули: «Вы жертвою...» мужики
Запивая водкой отpravку в последний путь.

Им не дали даже их мелкою жизнью жить
Без забот особых, свершений, великих встреч,
Потому что время ударило, что держись,
Им велели встать, а потом им велели лечь.

И они ложились в болота и лопухи,
Кто под Сталинградом, кто под хутором Старый Грай,
Принимая пули, осколки, шипы, штыки,
Их призывали в Ад, а потом их не взяли в Рай.

Им не дали даже их жалкую жизнь прожить,
Обсуждая днями какой-нибудь там пустяк.
Им не дали даже хоть что-нибудь изменить,
Хоть на пол-попытки, но сделать не так, не так.

«Войны не знали мы, и всё же...»

БОРИС БОРИСОВИЧ РЫЖИЙ (1974–2001) родился в Челябинске. Окончил Уральскую горную академию и аспирантуру Института геофизики. Жил в Екатеринбурге. Поэт. Покончил с собой.

Борис РЫЖИЙ

* * *

Поздно, поздно! Вот — по небу прожектора
загуляли, гуляет народ.
Это в клубе ночном, это фишка, игра,
будто год 43-й идёт.
Будто я от тебя под бомбёжкой пойду —
снег с землёю взлетят позади,
и, убитый, я в серую грязь упаду..
Ты меня разбуди, разбуди.

АНИКИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА родилась в 1976 году в Новосибирске. Училась в Литературном институте им. А. М. Горького (поэтический семинар Г. И. Седых). Автор трех поэтических книг. Живёт в Санкт-Петербурге.

Ольга АНИКИНА

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

...медаль «За отвагу», ещё одна — за Сталинград.
Опять он достанет их молча, посмотрит и спрячет.
Он маршей не слышит, давно не спешит на парад.
Он едет на дачу.

Он взял туда плёнку — накрыть немудрёный парник,
и саженцы, вот они — груша, малина и вишня.
Он топит там печку, по-дедовски, так, как привык,
он в городе лишний.

На даче смородина, мягкий, барашковый лист.
Там тихо сегодня: кричи, а никто не ответит.
Там слышно, как пальцами гладит лады гармонист
в глухом сорок третьем.

Сжигают сушняк, пахнет дымом. Так пахла война,
а нынче Москва обрядилась — как лошадь в попоне.
Кругом лишь обман да подачки.
И снова весна.
И гарь на ладони.

2011

Указатель имён

- Адмони Владимир 94
Алейников Владимир 290
Алигер Маргарита 137
Алтаузен Джек 21
Амелин Максим 373
Аникина Ольга 380
Антокольский Павел 69
Аракчеев Сергей 161
Артёмов Владислав 332
Асадов Эдуард 186
Ахмадулина Белла 255
Ахматова Анна 64
- Багрицкий Всеволод 51
Балашов Эдуард 265
Баркова Анна 77
Баруздин Сергей 212
Бек Татьяна 309
Белаш Юрий 170
Белинский Яков 92
Берггольц Ольга 95
Бергер Анатолий 260
Берёзов Родион 68
Берестов Валентин 218
Бирюков Сергей 317
Бобров Александр 283
Бобров Владимир 171
Богатков Борис 52
Богатых Анатолий 342
Богданович Анатолий 278
Богданов Павел 146
Боков Виктор 124
Борисов Михаил 191
Борский Николай 303
Бродский Иосиф 273
Буковская Тамара 297
Бурдыгин Сергей 358
Бутягин Александр 378
- Ваншенкин Константин 204
Василенко Светлана 344
Васильева Лариса 246
Васильев Сергей 350
- Васютков Александр 294
Ватутина Мария 369
Веденяпин Дмитрий 354
Верстаков Виктор 320
Вершинский Анатолий 326
Вечтомова Елена 89
Викулов Сергей 183
Вилкомир Леонид 28
Винокуров Евгений 200
Вишневецкий Игорь 360
Воденников Дмитрий 372
Вознесенский Андрей 239
Володин Александр 152
Воронов Юрий 225
Высоцкий Владимир 261
Вышеславский Леонид 120
Вяхирев Игорь 101
- Гаврюшин Михаил 353
Галкина Наталья 282
Гарнакерьян Ашот 88
Гитович Александр 91
Глушкова Татьяна 270
Говоров Александр 264
Гончаренко Сергей 287
Гончаров Виктор 168
Гоппе Герман 207
Горбовский Глеб 230
Гордейчев Владимир 226
Городисский Захар 54
Городницкий Александр 236
Гофф Инна 223
Грибачёв Николай 100
Григорьева Лидия 288
Григорьев Геннадий 318
Гринберг Савелий 118
Грунин Юрий 174
Губанов Леонид 293
Гудзенко Семён 180
- Дадыянов Алексей 189
Деген Ион 205
Дементьев Андрей 222

- Демьянов Иван 126
 Денисов Владимир 327
 Дмитриев Николай 322
 Дмитриев Олег 256
 Долматовский Евгений 131
 Дрожжин Анатолий 259
 Друнина Юлия 195
 Дударев Валерий 363
 Дудин Михаил 144
- Евтушенко Евгений 240
 Елагин Иван 150
- Заболоцкий Николай 80
 Занадворов Владислав 34
 Зенкевич Михаил 58
 Зиновьев Николай 286
 Злотников Натан 241
- Иванникова Елизавета 312
 Иванов Геннадий 315
 Иванов Георгий 67
 Ильицкий Владимир 321
 Илюхина Галина 357
 Инге Юрий 20
 Исаковский Михаил 74
- Кабанков Юрий 335
 Кабанов Александр 370
 Казакова Римма 231
 Казанцев Василий 244
 Каневский Давид 39
 Карпец Владимир 331
 Кедрин Дмитрий 84
 Кибиров Тимур 340
 Кирюшин Виктор 324
 Клепиков Владимир 216
 Клещенко Анатолий 173
 Климович Владимир 367
 Ковалёв Дмитрий 133
 Коваленков Александр 103
 Козловский Яков 176
 Кольмагин Борис 352
 Кондакова Надежда 307
 Корнев Александр 169
 Коржавин Наум 199
 Корин Григорий 209
 Корнилов Владимир 221
 Коровин Андрей 376
 Корс Юрий 330
 Костров Борис 29
 Костров Владимир 243
 Кошель Пётр 291
 Крандиевская-Толстая Наталья 62
 Красников Геннадий 319
- Краснова Нина 316
 Кронгауз Анисим 164
 Крюкова Елена 349
 Кублановский Юрий 298
 Кудашев Николай 82
 Кузнецов Юрий 274
 Кульчицкий Михаил 44
 Куняев Станислав 235
 Курлов Степан 215
 Кушнер Александр 251
- Лаубе Феликс 242
 Лебедев Алексей 31
 Лебедев Евгений 279
 Лебёдушкина Ольга 365
 Левин Константин 202
 Левитанский Юрий 178
 Ливертковский Иосиф 41
 Липкин Семён 107
 Лифшиц Владимир 116
 Лобода Всеволод 38
 Логинов Александр 306
 Лузгин Виктор 56
 Луконин Михаил 149
 Львов Михаил 145
 Любовиков Овидий 196
 Люкин Александр 162
- Маркин Павел (Ёж) 368
 Маркова Екатерина-Августа 339
 Марков Алексей 163
 Маршак Самуил 61
 Матусовский Михаил 134
 Межиров Александр 184
 Михалков Сергей 113
- Наровчатов Сергей 159
 Недогонов Алексей 125
 Нежинцев Евгений 18
 Неймирок Александр 106
 Николаев Александр 198
 Николаева Олеся 341
 Никоньчев Юрий 310
 Никульшин Иван 250
 Новосельнова Нина 151
- Оболдуев Георгий 70
 Овсянников Николай 42
 Окуджава Булат 193
 Орлов Сергей 177
 Ошанин Лев 108
- Пагирев Глеб 123
 Палей Марина 336
 Панченко Николай 190

Пастернак Борис 65
Пламеневский Владимир 292
Подстаницкий Александр 49
Поженян Григорий 182
Поздняев Михаил 323
Поляков Евгений 47
Полянская Екатерина 366
Попов Михаил 351
Портнов Владимир 252
Прийма Алексей 301
Прокошин Валерий 356
Пуханов Виталий 364
Пшеничный Анатолий 305

Рабурин Феликс 314
Разумовский Юрий 158
Рахманин Борис 238
Реброва Татьяна 300
Рейн Евгений 247
Решетников Леонид 167
Рождественский Роберт 234
Розенберг Леонид 55
Рубцов Николай 249
Рудаков Сергей 24
Рудяков Генрих 187
Русаков Геннадий 267
Русаков Евдоким 214
Рыжий Борис 379
Рыленков Николай 90
Ряшенцев Юрий 229

Самойлов Давид 165
Сапгир Генрих 224
Сатуновский Ян 111
Севрук Юрий 33
Семёнов Глеб 148
Симонов Константин 138
Скотневский Борис 328
Слуцкий Борис 156
Смеляков Ярослав 109
Смольников Алексей 211
Соболев Александр 143
Соколов Владимир 219
Солодарь Цезарь 93
Софронов Анатолий 102
Старшинов Николай 197
СТРАННИК 79
Строкань Сергей 355
Ступин Геннадий 281
Субботин Василий 272
Суворов Георгий 45
Сурков Алексей 73
Сухарев Дмитрий 227

Сырыщева Татьяна 129
Таран Лев 268
Тарковский Арсений 86
Татьяничева Людмила 142
Твардовский Александр 97
Ткаченко Александр 284
Троицкий Михаил 19
Тушинова Вероника 104
Умывакина Галина 295
Уткин Иосиф 16
Ушков Георгий 43

Фанайлова Елена 359
Фатьянов Алексей 154
Фильштейн Михаил 228
Фирсов Владимир 253
Фомичёв Николай 147
Френкель Илья 83

Хабаров Александр 329
Хелемский Яков 119
Хлебников Олег 348
Хомутов Геннадий 271
Храмов Евгений 233

Цыбин Владимир 232

Чернов Андрей 325
Чивилихин Анатолий 130
Чугунов Владимир 26
Чуев Феликс 276
Чухонцев Олег 263

Шамсутдинов Николай 311
Шамшурин Валерий 269
Шелехов Михаил 333
Шершер Леонид 40
Шефнер Вадим 127
Ширман Елена 22
Шитиков Алексей 272
Шкляревский Игорь 266
Шпаликов Геннадий 257
Шубин Павел 121
Шульчев Валентин 37

Щуплов Александр 308

Эренбург Илья 66

Яненко Станислав 304
Яшин Александр 115

Литературно-художественное издание

Бронепоезд Победы

СТИХОТВОРЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(1941–1945–2015)

Специальный выпуск поэтического альманаха-навигатора «Паровозь»
Союза российских писателей

Приобрести антологию можно в Союзе российских писателей
(Москва, ул. Поварская, д. 52, офис 32, e-mail: vsrp@mail.ru);

Редактор *В. С. Кизило*
Верстка *Л. В. Васильевой*

Союз российских писателей
Москва, ул. Поварская, д. 52, оф. 32

Подписано в печать 29.10.2016. Печать офсетная.
Уч. изд. л. 34. Формат 84 × 108 ¹/₁₆.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1546.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А